

"Сказки"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Юрий Михайлович Магалиф

Сказки

Юрий Магалиф Сказки

Новосибирское
книжное издательство
1991

Сказки Юрия Магалифа

(Владимир Лакшин)

Когда я был маленьким, то думал, что все на свете сказки сочиняет один человек — моя няня бабушка Аня. Я целый день ждал счастливого вечернего часа: у меня перехватывало дыхание, я замирал от сладкого ужаса, когда она заводила свои бесконечные рассказы о богатырях, волшебниках, коврах-самолётах... Я любил засыпать под её мерный говор, но ещё прежде, сидя в постели и только готовясь ко сну, я, бывало, торговался с ней, какой длины будет сказка. Длина та мерилась почему-то расстоянием до московских улиц, какие были мне знакомы. «До Пречистенских ворот», — говорила баба Аня. «Нет, длиннее!» — возражал я.

«Тогда аж до Сокольников...» — соглашалась моя добрая нянька. «Не-ет, длиннее!» Однажды я выторговал у неё сказку «аж до Ленинграда». В то время я ещё не знал, что где-то далеко-далеко за Уральскими горами есть большой город на реке Обь, а то непременно потребовал бы «аж до Новосибирска».

В Новосибирске и живёт сказочник Юрий Магалиф, которому очень идёт его фамилия: мне кажется, будто вся она состоит из волшебных слов. Маг-алиф! Маг. Миф. Да ещё халиф!.. И если бы я никогда не видел этого человека, то, наверное, представлял бы его себе колдуном с длинной седой бородой и в тюрбане... Но поскольку я его немного знаю, то могу засвидетельствовать, что он не носит бороды и ходит в обычной шляпе. И все же человек он не в вполне обыкновенный, хотя бы потому, что соединяет в себе одновременно артиста, живописца, поэта, который к тому же любит рассказывать детям сказки.

Сказки Магалифа — это были-небылицы двадцатого века. Чудеса техники, вошедшие в мир людей, мирно уживаются на этих страницах с ведьмами, говорящими птицами, феями и кикиморами. Детство видит мир вещей живым, дышащим, одушевлённым. И у Магалифа-сказочника вещи и механизмы говорят, грустят, думают, радуются и обижаются в точности как мы сами — и с этим не приходится спорить.

Я прочитал все сказки Юрия Магалифа и если о чём сожалею, так о том, что я не маленький и что этих сказок, так празднично иллюстрированных, не было среди других в моём детстве.

Магалиф охотно, легко и с удовольствием выдумывает. Но вот что он не выдумывает наверняка — тут ему можно целиком довериться — это что злые, глупые поступки в конце концов бывают наказаны; а великодушные, добрые дела в конечном счете оцениваются по заслугам. Я был бы рад, если бы в этом со мной согласились все читатели лежащей перед вами книги.

Владимир Лакшин

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЖАКОНИ

1957 г.

Приключения Жако

Кто такой?

Все кругом говорят: «Жако, Жако!» А кто такой Жако — никто толком и не знает.

А Жако — это маленькая тряпичная обезьянка. Вы, наверное, думаете: какие у неё могут быть приключения?

Ого! Сейчас я начну вам рассказывать про Жако... да только боюсь, что даже к вечеру не закончу. Поэтому вы усаживайтесь поудобнее и слушайте не перебивая.

Сначала был Жако

Капитан громадного и красивого парохода привёз из тёплых стран настоящую живую обезьянку. Звали её Жако. Очень смешная была эта обезьянка — маленькая, с длинным хвостом и с четырьмя руками (потому что у неё на ногах виднелись в точности такие же пальчики, как и на руках, и поэтому ничего не стоило перепутать — где руки, а где ноги!). Глаза у Жако были забавные: чёрные и, по-моему, плутоватые.

Жако оказался большим проказником, и держать его на пароходе стало просто невозможно! Ну, сами подумайте: тут — машинное отделение, тут — рубка, тут — якоря, тут — мачты, три белые трубы с красными полосами и тут же — вот тебе раз! — обезьяна. И хоть не хотелось капитану расставаться с Жако, но решил он подарить её одному своему знакомому шестилетнему Мальчику.

Как обрадовался шестилетний Мальчик, когда ему подарили настоящую, хвостатую обезьяну! Он теперь целыми днями играл с Жако.

Но обезьяне почему-то не нравилось играть с Мальчиком: она убегала от него, прыгала по книжным полкам и кусала переплёты Папиных книг, забиралась в буфет с посудой, а однажды

ухитрилась даже залезть на абажур висячей лампы!

Самое плохое было то, что Жако ничего не мог запомнить; ему скажут: «Нельзя рвать скатерть!», он на минутку перестанет, а потом снова принимается безобразничать... Или, например, только пообедают Жако, смотришь, прошло совсем немного времени, а он, опять просит есть... Нет, совсем плохая память у обезьяны, что и говорить!

Наконец, родители Мальчика не выдержали и отдали Жако в цирк, дрессировщику Дурову. Шестилетний Мальчик сперва огорчился, что его разлучили с обезьяной, и даже немного поплакал, но потом всё же успокоился и вытер слёзы — ведь ему исполнилось шесть лет, в будущем году он собирался идти в школу, так что плакать ему не полагалось...

Появляется Жаконя

Через несколько дней Мальчик сказал своей Маме:

— Знаешь, я всё-таки сильно скучаю по нашему Жако... Очень скучаю!

Мама пошла в магазин, чтобы купить там игрушечную обезьянку, похожую на настоящую. Но, к сожалению, в магазине такой обезьянки не нашлось.

И тогда Мама сшила из кусочков меха, фланели и коричневого сукна маленькую-премаленькую забавную обезьянку, которая настолько походила на Жако, что её даже и назвали точно так же — «Жако».

Но так как, во-первых, она была совсем крохотная и, во-вторых, появилась на свет не за границей, а у нас, в русском доме, то со временем называть её стали ласково и чисто по-русски — «Жаконя».

Жаконю нарядили в красную курточку и синие штанишки, из которых высовывался длинный хвост, сделанный из коричневого шнура, а внутрь шнура была вставлена проволока. На голову Жаконе надели вязаную шапочку, на ноги — ватные башмачки... Словом, одет он был тепло, потому что ужасно боялся холода, как и всякая обезьяна.

Играют

У шестилетнего Мальчика было много игрушек — и сабля, и кубики, и заводной автомобиль, и конь-качалка... Но больше всего ему нравился Жаконя!

Мальчик не расставался с обезьянкой. Он усаживал Жаконю в заводной автомобиль и катал по всей квартире; он ставил в уголке игрушечную мебель и играл с Жаконей в «гости»; потом научил Жаконю ездить верхом на деревянном коне... Иногда они играли в «школу», и Мальчик очень сердился на Жаконю за то, что тот не хотел учить сказку про глупого мышонка.

Но всё-таки обезьянка доставляла много удовольствия Мальчику. И, глядя, как они весело играют, Мама и Папа радовались.

Жаконя отправляется в путь

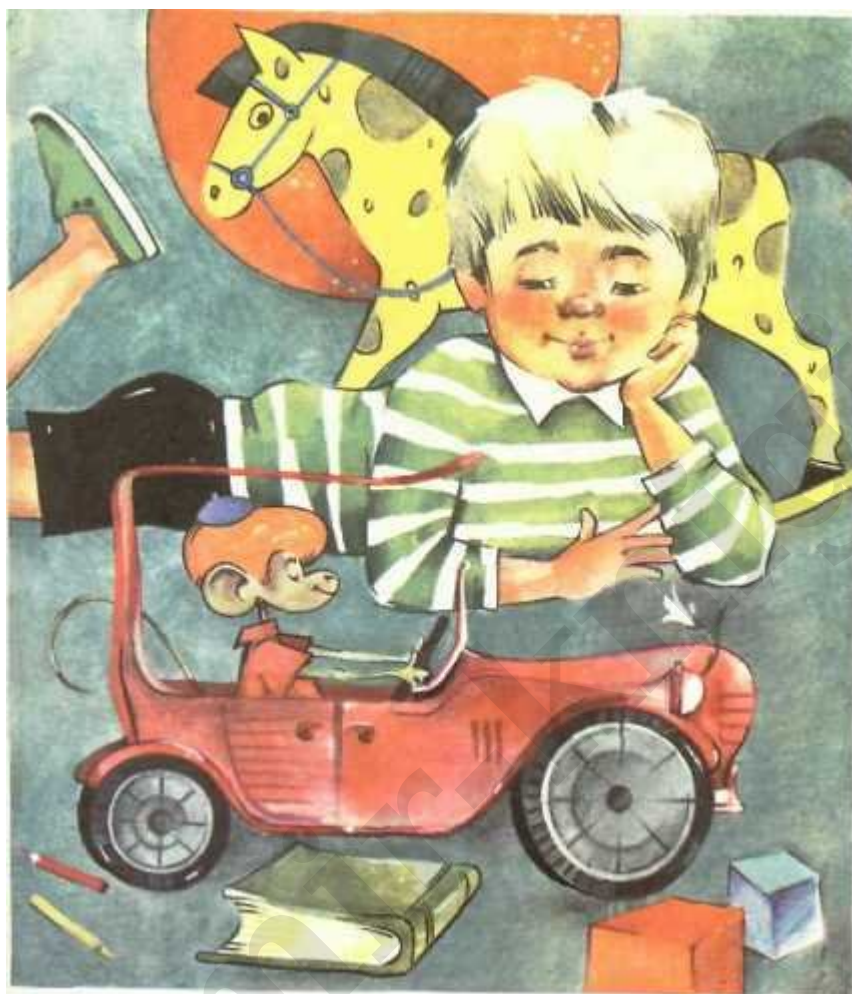
Я позабыл вам сказать, что Папа шестилетнего Мальчика был автоинженером. Автоинженер — это человек, который знает устройство всех автомобилей: легковых, грузовых, автобусов и тягачей.

И вот однажды Папу вызвал к себе его начальник и сказал:

— Вы очень хороший инженер. Поэтому мы просим вас поехать на работу в Сибирь. Там сейчас идет огромное строительство, и ваши знания нужны сибирякам.

— Хорошо, — ответил Папа начальнику. — Конечно, отсюда до

Сибири путь не близкий... Но я знаю: туда сейчас едут люди со всех концов страны — строить большие города, новые заводы, добывать из-под земли каменный уголь, да мало ли там всякого дела!.. Я поеду в Сибирь с удовольствием!

Пришёл Папа домой и стал собираться в дальнюю дорогу.

В Сибирь Папа ехал пока что один, без семьи. Решено было, что Мальчик с Мамой приедут туда будущей весной, когда Папа приготовит им квартиру.

Очень грустили отец с сыном, прощаясь. И Мальчик сказал Папе:

— Подари мне что-нибудь на память...

— Что же тебе подарить?.. — задумался отец. — Ага! Я подарю тебе дорогую для меня вещь — кокарду со своей старой солдатской фуражки. Согласен?

— Еще бы!.. А я тебе подарю... — Мальчик тоже задумался. — Ага! И я подарю тебе дорогую для меня вещь — Жаконю! Хочешь?

Папа крепко обнял сына, он знал, как любил Мальчик свою игрушку.

Старую солдатскую кокарду прикрепили на шапочку шестилетнего Мальчика, Жаконю положили в карман Папиного пиджака. И все поехали на вокзал, откуда уходил поезд в Сибирь. Путешествие началось.

«Ой, куда меня везут?»

Пять суток ехали они в поезде. Жаконя лежал себе в кармане без забот и хлопот и почти всю дорогу сладко спал. Во сне он видел Мальчика и его игрушки — саблю, заводной автомобиль, коня, кубики...

Иногда Жаконя просыпался и слушал разговор людей в поезде. Люди беседовали между собой:

— В Сибири, конечно, хорошо жить. Только холодно очень.

— Это что и говорить! Морозы там бывают очень сильные.

«Ой, куда же это меня везут? — думал Жаконя. — Ведь замёрзну я там!.. Я же, как-никак, обезьяна, мне нужно обязательно жить в тепле... Ой, погибну я там, в Сибири. Обязательно погибну!»

«Не погибнешь никогда, никогда, никогда», — стучали колёса.

«Не бо-о-ойся!» — пел паровозный гудок.

А Жаконе уже казалось, что он умирает; он хватал себя за лоб и прикладывал руку к сердцу. Только лоб у него был суконный и сердце тряпичное, и поэтому ничего нельзя было разобрать... Но вот поезд замедлил ход и все стали готовиться к выходу.

— Это — Сибирь? — спросил Папа у кондуктора.

— Сибирь-матушка! — ответил кондуктор.

«Сейчас мы выйдем на улицу, и я, наверное, сразу же простужусь и умру», — подумал Жаконя и, схватив лежащий рядом Папин носовой платок, словно шарфом, обернул им себе шею.

Разве это Сибирь?

Но когда они вышли из вагона, то Жаконя услышал, как Папа сказал:

— Какая великолепная погода! И тепло! Даже не похоже на осень.

Жаконя потихоньку выглянул из кармана и зажмурился — так сильно ударили ему в глаза тёплые солнечные лучи.

Вокруг ходили люди в лёгких одеждах. Деревья тихо шелестели золотистой осенней листвой. В ярко-синем небе летела цепочка журавлей. На полях гудели комбайны — там убирали урожай. А вдаль, по самому горизонту, тянулись ряды высоких гор.

Жаконя подумал: «Наверное, нас обманули и привезли не туда, куда нужно. Все говорили, что в Сибири холодно, а здесь тепло! Да разве это — Сибирь?..»

Всё ещё в дороге

Но это, в самом деле, была Сибирь. Только не знал Жаконя, что в Сибири осенью часто стоит хорошая погода.

Жаконя надумал, было прогуляться по такой погоде и почти совсем уже вылез из Папиного пиджака, но паровоз вдруг закричал: «Ку-у-уда?!»

И Жаконя в испуге залез обратно в карман.

Поезд помчался дальше.

А Папа и ещё несколько мужчин сели в грузовик и поехали в деревню, потом по лесу, который в Сибири зовётся «тайгой», потом вдоль берега широкой реки, где рыбаки тянули сети с рыбой...

Очень интересно было ехать в грузовике, но Жаконя опять задремал и проснулся только тогда, когда уже подъезжали к деревне.

Стали жить у старушки

Папа с Жаконей поселились в избе у Старушки. Изба была чистенькая, весёлая, сделанная из жёлтых сосновых брёвен. Кто бы ни проехал по улице мимо такой славной избы — обязательно говорил: «Наверное, здесь живут хорошие люди, аккуратные!»

А Старушка и вправду была очень аккуратная и добрая. У неё жили: корова Зоренька, пёс Черныш и три сибирских кота — Васька, Фомка и Дымка. Зоренька давала молоко. Черныш сторожил дом, а коты где-то бродили, и, кажется, никаким важным делом не занимались.

Скучает Жаконя

Вы уже знаете, что рядом с деревней начали строить завод. И Папа с утра уходил туда, где люди экскаваторами копали землю, круглыми пилами резали доски, складывали из кирпичей длинные стены.

На строительстве было много грузовых автомобилей — на них возили железо, цемент, песок и всё, что нужно для постройки большого завода. В свободное от работы время грузовики стояли в гараже, и начальником этого гаража был Папа. У начальника всегда много разных забот, много дела, но Папа, хотя и уставал иногда, работал с удовольствием.

А Жаконя целыми днями валялся на Папиной кровати и скучал...

Правда, к Старушке часто приходила в гости её внучка Гутя и играла с Жаконей. Но это ему не нравилось — он всё боялся, как бы Гутя не испачкала его красную курточку и модные штанишки... Между нами говоря, боялся он этого совершенно напрасно, потому что руки у Гуты всегда были чистые, недаром же её избрали в школе в санитарную комиссию!

Вечером, когда Папа возвращался с работы, он сажал Жаконю себе на ладонь и подолгу смотрел на него, задумавшись о чём-то.

«Ну что он смотрит на меня?.. Никогда не видал, что ли?» — сердился Жаконя.

...А однажды Папа вздохнул, потом обернулся и, увидев, что в комнате никого нет, нежно поцеловал Жаконю в нос.

«Вот ещё глупости!» — подумал Жаконя и чихнул с досады.

Тряпичной обезьянке не нравилось, что Папина одежда вся пропахла бензином, не нравилось, что руки у Папы шершавые, мозолистые.

«Ох, — вздыхал Жаконя, — зачем только мы сюда приехали! Здесь так скучно. Мне ни капельки не интересно забавлять эту девчонку Гутю и развлекать после работы Папу. Ведь я не обыкновенная обезьяна, а тряпичная — мне надо заниматься делом! Иначе я от скуки просто лопну по швам!..»

Зима наступила

Осень кончилась, и наступила зима. Затрещали морозы. Всё вокруг занесло снегом: и лес, и поля, и Старушкину избу, и хлев, где стояла Зоренька, и будку, где жил Черныш...

Коты — Васька, Фомка и Дымка — перестали бродить и целыми днями грелись на печке, косясь на Жаконю.

А тот лежал, как и всегда, на Папиной кровати, разглядывал потолок и удивлялся: почему это в избе тепло, а на улице, как «говорят, холодно?.. На котов он не обращал внимания.

Папа каждый день по-прежнему ходил на работу. Морозы были ему не страшны.

Ночью

Однажды ночью Жаконя проснулся и увидел, что во тьме мерцают шесть зелёных огоньков. Жаконя даже испугался: что бы это такое могло быть?

А огоньки бесшумно двигались по избе, то, приближаясь к Жаконе, то отдаляясь.

Тут в окошко заглянула полная луна, осветила избу, и Жаконя понял, что зелёные огоньки — просто-напросто кошачьи глаза.

Коты, осторожно ступая мягкими лапами, ходили вокруг стола и беспокойно озирались.

— Все спят, — сказал один кот.

— А обезьяна? — спросил другой.

— Наверняка спит! — усмехнулся третий. — Этот парень готов спать круглые сутки...

Жаконя хотел крикнуть: «А вот и неправда, а я и не сплю!», но в это время кто-то из котов прохрипел:

— Пусть только попробует проснуться — я ему мигом хвост отгрызу!

Жаконя в ужасе замер.

А коты присели на задние лапы и вдруг, сильно оттолкнувшись от пола, вскочили на стол.

Глухо урча, они сунули свои широкие усатые морды в миску со сметаной, которую Старушка позабыла убрать на ночь в кладовку.

Жаконя знал, что эта сметана, оставлена специально для Папы, чтобы он смог утром как следует позавтракать. Однако разбудить Папу Жаконя побоялся — ведь коты пообещали, в случае чего, отгрызть ему хвост!

Опасное знакомство

Коты съели почти всю сметану, спрыгнули со стола и, облизываясь, пошли к своей печке. Но вдруг один из них взглянул на Жаконю и фыркнул:

— Смотрите, ребята, обезьяна-то не спит!

— А-а! Подглядывать за нами! Ш-ш-шпионить!.. — зашипели коты. — Ну, погоди ж!

Самый большой кот вскочил на кровать и сбросил Жаконю на пол:

— Хватай его, ребята!

Жаконя так перепугался, что позабыл, где у него руки, где ноги, где голова, где хвост, и вместо того, чтобы сказать «здравствуйте», сказал «спасибо»...

Коты обнюхали обезьянку со всех сторон, но кусать её почему-то не начинали. «Может быть, обойдется, и я буду, цел?» — подумал Жаконя.

— Отгрыз бы я тебе, парень, хвост, да аппетита нету, — сказал один кот.

— Съел бы я твою заднюю ногу, парень, да после сметаны не хочется, — сказал другой.

— Расцарапал бы я тебе нос, парнишка, да когти не наточены, — сказал третий.

Жаконя понял, что в эту ночь его не растерзают, и от радости перекувырнулся через голову.

Коты рассмеялись.

«Ну, раз они смеются, значит, теперь я спасён окончательно», — решил Жаконя и почесал левой ногой правое ухо.

— Ишь ты! — сказали коты. — Вот это по-нашему!

— Я и на голове умею стоять! — похвастался Жаконя.

— Ловко! — удивились коты. — Ты, может быть, артист?

— Артист, — кивнул Жаконя и поклонился.

— Ну, вот что, артист, — сказал самый толстый кот, — съест тебя мы всегда успеем. А пока что давай знакомиться; артистов в нашей деревне нечасто встретишь.

— С удовольствием познакомлюсь с вами! — воскликнул Жаконя и, приподняв кончиком хвоста свою шапочку, крепко пожал, одновременно двумя руками и одной ногой, три мягкие кошачьи лапы.

— Жако — моё полное имя. А ласкательно будет — Жаконя!

— Меня зовут Васька, — проворчал самый толстый котище.

— А меня — Фомка, — промурлыкал другой, поменьше.

— Дымка, — мяукнул третий, самый маленький.

— Я очень счастлив! Очень счастлив! — ответил Жаконя. — Наконец-то у меня будут знакомые, а то я просто умираю от скуки.

Беседа

Все в эту ночь сладко спали — и Папа, и Старушка, и корова Зоренька, и пёс Черныш... Только Жаконя и коты сидели на полу, озарённые голубым лунным светом, и беседовали.

— Я родился, вырос и получил образование в большом городе, на берегу моря! — хвастался Жаконя. — У нас была чудесная квартира с центральным отоплением. Я каждый день катался в собственном заводном автомобиле... В свободное время я изучал сказку о глупом мышонке...

— Должно быть, это очень вкусная сказка? — заметил кот

Дымка и облизнулся.

— Д-да... Недурно написано, недурно... Когда-нибудь я обязательно расскажу её вам.

— А собаки в городе есть? — спросил Фомка.

— Кажется, есть, — ответил Жаконя. — Лично я не имел собак, мне они не нравятся.

— Это верно, хорошего от них не жди, — согласились коты.

— А скажи, парень, зачем ты приехал сюда, в Сибирь? — спросил Васька.

— Теперь многие едут в эти края, — объяснил Жаконя.-

И мне было просто неловко отставать от людей. Ведь я не простая, а чело-ве-ко-об-раз-ная обезьянка! Говорят, что я талантлив и что у меня есть даже способности! Так говорил шестилетний Мальчик... Смотрите, как я умею танцевать!

И Жаконя, притопывая, смешно закружился на месте, шаркая по полу своим длинным проволочным хвостом.

— Видите! Вот как я умею!.. И, знаете ли, не могу я теперь решить, что мне делать здесь, в Сибири, чем заняться? В наше время каждый должен приносить пользу! А кому здесь нужны

мои способности?..

— Но ведь ты развлекаешь людей, — сказал Васька, — им это нравится.

— Подумаешь! — пожал плечами Жаконя. — Пусть люди развлекаются сами. А я мог бы совершить в жизни что-нибудь более полезное...

Коты переглянулись между собой и подмигнули друг другу.

Страшная песня

— Что ж, — сказал Васька, — я думаю, что ты можешь принести пользу нам, котам... И мы примем тебя в нашу компанию. Ребята мы храбрые, отчаянные, с нами не пропадёшь...

— Я могу съесть полкилограмма мяса и не поперхнусь! — сказал Фомка.

— А я могу вылакать пол-литра молока и не захлебнусь! — сказал Дымка.

— А я могу съесть целый килограмм мяса и выпить целый литр молока! сказал Васька.

— Впервые в жизни я слышу о таком аппетите! — поразился Жаконя. — Но где же вы достаёте столько мяса и молока?

— Вор-р-руем! — хором мурлыкнули отчаянные коты.

— А разве Старушка вас не кормит?

— Кормит! А нам — мало!..

— Но ведь воровать — некрасиво! Шестилетний Мальчик мне однажды говорил, что коты... — Жаконя запнулся.

— Что же говорил тебе твой шестилетний Мальчик? — спросил Фомка, пристально глядя в глаза Жаконе.

— Он говорил... он говорил, что коты должны ловить мышей и крыс! — ответил Жаконя.

— Ха-ха! — засмеялся Васька. — Может быть, другие коты и занимаются таким скучным делом, но мы — ребята храбрые, отчаянные — предпочитаем воровать!

И хриплым голосом он затянул песню:

Мы крадёмся по тёмным чуланам,
Мы гуляем в сырых погребах,
Где в горшочках белеет сметана
И где мясо висит на крюках!
Целый день мы храпим возле печки,
Но лишь полночь пробьёт на часах —
Зажигаем зелёные свечки
В наших круглых кошачьих глазах!

Дымка и Фомка подхватили припев:

Эй, коты! Эй, коты!

Распушите хвосты!
Наши зубы скрипят!
Наши когти торчат!
За добычей! Смелее, коты!..

Жаконя, затаив дыхание, слушал, и ему сделалось страшно...

Клятва

Коты орали так громко, что едва не разбудили Папу: он беспокойно повернулся на кровати с боку на бок и тяжело вздохнул — наверное, ему приснилось что-то грустное...

Когда все стихло, Жаконя прошептал:

— Кто же сочинил эту песню?

— Я! — гордо сказал Фомка.

— И я! — мяукнул Дымка.

— Замечательно! — восхищённо сказал Жаконя.

— Если хочешь, мы и про тебя сочиним.

— Конечно, хочу... Только я не достоин... — Жаконя смутился.

— Ничего! Ты будешь теперь в нашей компании, и мы сочиним про тебя песню, которую споём в марте на наших концертах. Пусть все знают — кто такой Жаконя!

— А если тебе когда-нибудь потребуется наша помощь — то крикни громче: «Коты, ко мне!», и мы сразу же прибежим на выручку!

Жаконе всё это очень понравилось. «Ах, какие симпатичные эти коты! — думал он. — Настоящие друзья! Просто счастье, что я познакомился с ними...»

— Перейдём к делу, — сказал Васька. — Значит, ты хочешь стать нашим товарищем?

— Хочу!

— Тогда клянись!

— Клянусь!

— Молодец, парень! — ухмыльнулся Васька. — А теперь эту клятву надо ещё скрепить сметаной... Дымка! Живо на стол!

В одно мгновение Дымка очутился на столе и обмакнул лапу в остатки сметаны. Соскочив на пол, он провел этой лапой по Жакониным губам, щекам и носу...

— Эту сметану, — сказал Васька, — ты не должен стирать с лица до тех пор, пока не проснутся люди и не посмотрят на тебя. Понял?

— Понял, — сказал Жаконя и сморщил нос, потому что терпеть не мог запаха сметаны.

...Луна с сожалением смотрела через окно на тряпичную обезьянку, окружённую тремя наглыми котами. Луна понимала, что Жаконя подружился с нехорошими товарищами, и от огорчения скрылась за густое облако.

В комнате стало тихо.

— Но если ты нарушишь клятву, — прохрипел Васька, — то — смерть тебе!

— Смерть! — повторили коты и исчезли во мраке ночи.

Утром

Ночь кончилась, и уже наступило утро, а Жаконя, вымазанный сметаной, всё ещё неподвижно сидел на холодном полу.

Папа проснулся, встал с кровати и возле своих ног увидел обезьянку. Он не сразу догадался, почему она так странно запачкана.

Но, посмотрев на стол, Папа понял всё...

Осторожно ухватив двумя пальцами Жаконю за шиворот, Папа строго спросил:

— А ну-ка, молодой человек, признавайся — какое ты имеешь отношение к сметане? Сам съесть столько сметаны ты, конечно, не мог, это ясно... Но ты, наверное, знаешь, кто съел сметану? Кто тебя измазал?

Жаконя молчал.

— Отвечай!

Но Жаконя, словно воды в рот набрал.

Вы, наверное, полагаете, что Жаконя молчал оттого, что тряпичные обезьянки вообще не умеют разговаривать с людьми? Может быть, оно и так. Но я уверяю вас, что Жаконя молчал, главным образом, потому, что боялся нарушить клятву.

Вскоре и Старушка проснулась; узнав, в чем дело, она удивилась: «Не могла же такая маленькая обезьянка съесть целую миску сметаны!»

— Конечно, это сделал кто-то другой! — сказал Папа. — Но Жаконя знает, кто сделал это, — и молчит. Вот что плохо! Придется тебя, мой милый, наказать... Я тебя...

Папа не успел сказать, как именно он собирается наказать Жаконю, потому что в этот момент скрипнула дверь и в избу вошла Гутя.

Когда ей объяснили, что здесь произошло, девочка не рассердилась на Жаконю, а, попросив у Старушки тёплой воды, вымыла его хорошенько и, укутав мягким платком, уложила на кровать.

Потом Гутя сказала:

— Не надо его наказывать. Ведь он маленький, глупый... Подождите, подрастёт Жаконя, поумнеет и — сам поймёт, что надо всегда быть честным и правдивым!

Как обиделся Жаконя, услышав, что какая-то девчонка назвала его глупым! Только этого ещё не хватало! И он тут же решил никогда не играть с Гутей!

«Ничего, ничего, — мечтал Жаконя, — скоро я буду знаменитым! Скоро мои друзья-коты сочинят про меня прекрасную песню и будут распевать её повсюду. И тогда все вокруг узнают про Жаконю!..»

Так он мечтал, мечтал и заснул.

Заснул, несмотря на то, что начинался день и все вокруг принимались за дела.

Папа отправился на работу. Старушка пошла, доить Зореньку и кормить Черныша. Гутя побежала в школу.

А в тёплой чистенькой избе, освещенной солнцем, сладко спали коты на печке и Жаконя на кровати.

«Эх, Жаконя ты, Жаконя...»

Прошла неделя, потом другая...

Каждую ночь Жаконя просыпался и нетерпеливо ждал свидания со своими приятелями — они где-то бродили по ночам.

«Наверное, сочиняют песню про меня», — думал Жаконя.

...И вот наступила такая ночь, когда во тьме опять сверкнули шесть зелёных огоньков.

Жаконя от радости кубарем скатился с кровати.

— Готово? — спросил он у котов.

— Ты это про что?

— Я спрашиваю — сочинили песню?

— Ах, песню... — протянул Фомка и почесал брюхо. — Нет, песня ещё не готова.

— Это, брат, штука серьёзная, — заметил Дымка.

— Да-а, непростая! — поддакнул Васька. — Тут тебе не «мур- мур» да «фыр-фыр». Тут соображать надо.

— Ну хоть немножечко-то сочинили? — жалобно спросил Жаконя.

— А как же! — сказал Фомка. — Немножечко сочинили. Начало есть. Вот слушай...

Фомка закинул назад свою усатую хитрую морду, посмотрел в одну сторону, потом в другую, зачем-то кинул взгляд на потолок (как это делают многие артисты-певцы) и завыл:

Эх, Жаконя ты, Жаконя,-
Удалая голова!..

— Замечательно! — подпрыгнул от восторга Жаконя. — А дальше?

— А вот дальше — ещё не придумали.

— Всё равно — начало очень хорошее! Как вы тонко подметили: «удалая голова»! Совершенно справедливо! Именно — удалая!

— Значит, нравится песня? — спросил Васька.

— Очень нравится! Я хочу её выучить наизусть... «Ах, Жаконя ты, Жаконя...»

— Не «ах, Жаконя», а «эх, Жаконя», — поправил Дымка.

— «Эх?.. Ладно. „Эх, Жаконя ты, Жаконя, — удалая...“

— Вот что, парень, — перебил Васька. — Потом допоешь песню. А сейчас прими от нас подарочек.

И коты положили к ногам Жакони маленький кусочек сырого мяса.

— Это тебе за то, что умеешь держать язык за зубами, — сказал Фомка.

— Спасибо. Но ведь я не ем мяса.

— Ну, знаешь, чем богаты — тем и рады. Бери!

— Только смотри — никому ни слова! — пригрозил Васька.

— А то худо тебе будет! — крикнули наглые коты и скрылись в темноте.

— Пойдите, куда же вы! — воскликнул Жаконя. — Ведь я хотел рассказать вам сказку...

Но коты уже не интересовались сказкой и убежали. А Жаконя задумчиво теревил кончик своего хвоста и тихонько повторял:

Эх, Жаконя ты, Жаконя,
Удалая голова!

Кто съел мясо?

Теперь меня вот что интересует: вы догадались или нет, что коты были не только наглыми, но к тому же ещё и очень хитрыми?

Мне кажется, что догадались — ведь вы-то наверняка умнее Жакони!

...А Жаконя, ничего не подозревая, сидел себе на полу, и рядом с ним лежал кусочек мяса.

Когда настал день, Старушка пошла в кладовую и вскоре вернулась оттуда удивлённая, огорчённая и даже сердитая — за ночь в кладовке исчезла баранина, из которой нужно было приготовить Папе обед! Куда она могла подеваться?

Тут только Старушка заметила, что возле Жакони, который в это утро почему-то опять очутился на полу, лежал кусочек мяса.

Старушка стала бранить Жаконю:

— Как же тебе не стыдно? Взял без спросу баранину, да и съел. Чем я теперь буду Папу

кормить?.. Ведь он с работы придёт усталый, голодный... Ах ты — обезьяна! Все вокруг работают — вон какой заводиче строят! И только ты ничего не делаешь, да ещё и воруеть! Стыдно, голубчик, стыдно!..

Впрочем, скоро она перестала браниться и подумала:

«Не могла же такая малюсенькая обезьянка съесть всё мясо!

Нет, тут что-то не так. Посоветуюсь-ка я с Чернышом — он пёс сообразительный».

Черныш деловито вбежал в избу и посмотрел на хозяйку умным и преданным взглядом.

— Хочу я узнать, Черныш, — сказала Старушка, — ел Жаконя сырое мясо или нет? Ты меня понял?

Пёс Черныш понял и, подбежав к обезьянке, обнюхал её; обнюхал рот, руки и помотал кудлатой головой, дескать, «Нет, от Жакони мясом не пахнет».

Черныш идёт по следу

У Черныша, как у всякой собаки, был собачий нюх. А это значит, что Черныш умел по запаху найти любую вещь. Всё на свете пахнет по-своему: и люди, и цветы, и снег, и животные, и земля, и вода, и даже истории и дела. Вот почему мы с вами можем сказать, что та история, в которую попал Жаконя, подружившись с котами, — нехорошо пахла... и Черныш сразу почувал это.

Дело в том, что одни запахи Чернышу нравились, а другие он терпеть не мог. Например, пёс считал, что самый дивный запах у жирной похлёбки и что хуже всего пахнут коты! С котами он давно поссорился: Черныш ненавидел лодырей, а Васька, Фомка и Дымка ничего полезного не делали, даже мышей не ловили.

Обнюхивая Жаконю, Черныш сразу же учуял поблизости запах кошачьих лап! Почти касаясь, пола своим черным влажным носом, пёс быстро пошёл по следам котов.

Следы вели из избы во двор, а по двору — к коровнику, где стояла Зоренька. Тут запах кошачьих лап внезапно кончался, как будто бы коты куда-то провалились... или, наоборот, поднялись вверх...

Черныш внимательно осмотрелся и увидел тонкие царапины на бревенчатой стенке коровника. Пёс мигом сообразил: коты забрались на сеновал!

Коты хохочут

Попасть на сеновал Черныш не мог — он не умел лазать по стенкам.

И поэтому, усевшись на снег возле коровника, пёс стал караулить котов. Но коты не показывались.

Сияло солнце. Над колхозными избами, прямо в небо, поднимались тонкие струйки дыма.

Тишина стояла на дворе, и только слышно было, как вздыхала Зоренька в своем коровнике.

Сколько времени прошло — неизвестно.

Черныш всё сидел неподвижно и уже начал слегка замерзать, как вдруг на сеновале раздался тонкий голос Дымки:

— Недурно мы ночью поели, недурно!

— Прекрасное было мясо, прекрасное! — проговорил Фомка.

— Ш-ш-ш!.. Молчите, ребята! — зашипел Васька. — Нас подслушивают!

— Кто? — удивился Дымка.

— Корова, вот кто!

— А что она понимает в наших делах? — усмехнулся Фомка. «Ага! — подумал пёс Черныш. — Надо будет, потом побеседовать с Зоренькой».

А коты продолжали разговаривать, не подозревая, что Черныш слышит их.

— Молодец, Васька! — сказал Фомка. — Ловко ты придумал: подсунуть обезьяне кусок мяса.

— Ловко, ловко! — похвалил Дымка. — Все теперь думают, что это Жаконя украл мясо! Ха-ха-ха!

— Слушайте, ребята, — сказал Васька. — Сегодня днём Старуха уйдёт в магазин за продуктами...

— Она бы, конечно, сварила щи с мясом, да ведь мясо — тю-тю! — заметил Дымка и опять засмеялся.

— Верно. Так вот, — продолжал Васька, — Старуха уйдёт, и в избе никого не останется, кроме этой глупой обезьяны, которая хочет принести пользу. Тогда мы сделаем вот что...

Тут Васька заговорил шёпотом, и Черныш ничего не мог расслышать.

«Что они опять там затевают?»- думал пёс, настороженно подняв уши.

Наконец коты заговорили громче:

— Молодец, Васька! Хорошо придумал.

— И тогда ей сильно попадёт! — хрипло засмеялся Васька. — Но зато мы будем ни при чём.

— Вот она и принесёт нам пользу! Ха-ха-ха! — захохотал Фомка.

— Хи-хи-хи! — поддержал Дымка.

— Хо-хо-хо! — согласился Васька.

Услышав этот безобразный смех, Черныш от возмущения твякнул громко и сердито.

Равнодушная Зоренька

Только один раз твякнул Черныш, но и этого было достаточно. Коты испугались и в ту же секунду удрали с сеновала.

Черныш не погнался за ними. Передними лапами он толкнул тяжёлую дверь коровника и очутился перед Зоренькой, которая задумчиво пережёвывала сено.

— Ты слышала, о чём шептались коты? — спросил пёс.

Корова медленно моргнула длинными ресницами и нехотя ответила:

— М-м-м... кажется, кое-что слышала.

— Что же они говорили?

— Они., м-м-м... Они, по-моему, собираются украсть молоко, которое я дала Старушке.

— Ах, вот как! И что ещё?

— Потом они, кажется, говорили о какой-то обезьяне... М-м-м... Ты меня извини, я не очень внимательно слушала, потому что в этот момент размышляла.

— Интересно знать, о чем же это ты размышляла?

— О рогах. Вот как ты думаешь, Черныш: зачем у меня выросли рога, если я не люблю бодаться?

— Не знаю. Раз выросли, значит, так надо. Ты вот лучше вспомни, что коты говорили про обезьяну. Это очень важно.

— Важно? — Зоренька вздохнула. — Ах, Черныш, для меня самое важное в жизни — сено. И рога.

— А всё остальное тебя не волнует?

— Видишь ли, мне нельзя волноваться — у меня может испортиться молоко.

— Нельзя быть такой равнодушной коровой! Надо интересоваться всем, что делается на свете. И надо помогать другим, когда они попадают в беду.

— Вот если бы у тебя были рога...

— Рогов у меня нет! — разозлился пёс. — Но у меня есть зубы! И если ты сейчас же не вспомнишь, о чём говорили коты, я тебя укушу!

— Не надо сердиться, Черныш... Я постараюсь вспомнить...

М-м-м... По-моему, коты хотят украсть молоко. И при этом хотят окунуть в молоко обезьянку, чтобы люди подумали, будто это она украла.

— Разбойники! — возмутился пёс. — Спасибо, Зоренька. — Теперь мне всё ясно. Надо спешить!
Он воинственно залаял и побежал в избу.

А корова всё так же задумчиво жевала сено и думала: «Зачем мне рога, если я небодливая?..»
Говорят, что она и сегодня всё думает об этом.

Черныш принимает решение

Сердась и негодюя, Черныш вбежал в избу. Надо было немедленно спасти обезьянку, иначе коты снова предадут её.

Старушка собиралась в магазин.

На столе стояла крынка с молоком.

Жаконя лежал на полу и, свернувшись калачиком, крепко спал. Конечно, спать на твёрдом полу куда хуже, чем на мягкой кровати, но Жаконя почувствовал, что он в чём-то виноват, и постеснялся попросить Старушку положить его на кровать.

Васька, Фомка и Дымка уже пробрались в избу, лежали на печке и хитро посматривали то на молоко, то на Жаконю.

Старушка, ничего не подозревая, надела полушубок и завязала платок под подбородком...

Черныш не раздумывал. Он понимал, что если Жакони в избе не будет, то коты не смогут

безнаказанно вылакать молоко. Поэтому пёс подбежал к спящей обезьянке и, осторожно схватив её зубами, опрометью бросился из избы!

Старушка закричала: «Черныш! Черныш!..»

Куда там! Черныша и след простыл.

«Кому я здесь, в Сибири, нужен?..»

— Коты, ко мне! — вопил Жаконя. — Коты, ко мне!.. Однако котов не было видно.

А пёс Черныш мчался всё быстрее и быстрее. Снег летел из-под собачьих лап. Косматая шерсть покрывалась инеем.

Чтобы немножко отдохнуть, пёс остановился и положил Жаконю на снег, рядом с собой.

— Ой-ой-ой! — закричал Жаконя. — Я простужусь и умру!

— Не умрешь, — успокоил Черныш. — Тряпичные обезьянки от холода не умирают.

— Коты, ко мне!.. — звал Жаконя.

— Зря кричишь, — сказал пёс. — Котам до тебя нет никакого дела. Очень ты им нужен!

— Они — мои друзья!

— Хороши друзья! — воскликнул Черныш. — Разве ты не видишь, что они — разбойники и предатели: сами воруют, а тебя заставляют отвечать за них! Эх, сразу видно, что ты не обезьяна, а просто — тряпка!

— Не смей так говорить!

— Скажи спасибо, что я унёс тебя из избы, а то пришлось бы тебе сегодня отвечать за украденное молоко.

— Неужели это — правда? Неужели коты меня обманули?

— Ещё как!

— Что же мне делать?

— Держись поближе к людям, — посоветовал Черныш. — Дружи с теми, кто честно работает!

— Но ведь я никому не нужен здесь, в Сибири...

— Много ты понимаешь! Здесь, в Сибири, нужен каждый, кто приносит пользу, кто помогает людям жить и работать.

— Но ведь я маленький, — захныкал Жаконя. — Какая уж от меня помощь?

— И маленький может приносить большую пользу! Ну, мне нужно спешить, я тороплюсь. Поехали дальше!

И Черныш, подхватив Жаконю, побежал ещё быстрее.

Куда прибежал Черныш

Деревня осталась позади.

Теперь Черныш пробежал мимо каких-то машин, подъёмных кранов, мимо брёвен железных труб, кирпичных стен... Здесь строили завод.

Рабочие-строители с удивлением смотрели на чёрного пса:

— Глядите, собака!

— Она что-то держит в зубах!

— Куда она бежит?

— Что ей здесь надо?

Черныш хорошо знал, куда бежит и что ему здесь надо. Он с разбегу перепрыгнул через две ямы, прошмыгнул в ворота, возле которых стоял сторож с ружьём, и, подбежав к небольшому домику с надписью «Начальник гаража», стукнул обеими лапами в низкое широкое окошко.

Тотчас же рядом приоткрылась дверь и чей-то знакомый голос позвал: «Черныш, иди сюда!»

Пёс вбежал в жарко натопленную комнату, завилял хвостом и, разжав зубы, положил тряпичную обезьянку на колени человека в телогрейке... Потом Черныш ещё раз вильнул лохматым хвостом и поспешил обратно — сражаться с наглыми котами.

— Жаконя! — удивлённо воскликнул человек в телогрейке.

Это был Папа шестилетнего Мальчика.

На рабочем столе

Через минуту Жаконя важно сидел на Папином рабочем столе между большой чернильницей и телефоном, который часто звонил.

Жаконя посматривал на телефонную трубку и соображал: кто она такая? Папа брал её в руку и говорил с ней то вежливо, то сердито, то о чём-то просил, а иногда даже кричал на неё...

Подумав, Жаконя решил, что телефонная трубка — Папина помощница.

За окошком то и дело слышались автомобильные гудки, шум моторов.

Папа что-то писал, подсчитывал, беседовал с трубкой, чертил карандашом на листочках твердой бумаги... Словом, Папа целый день работал.

Приходили и уходили разные люди, от которых одинаково неприятно пахло бензином. Папа говорил им, куда надо поехать, что привезти или что сделать.

Каждый, кто в этот день разговаривал с Папой, непременно обращал внимание на Жаконю.

— Откуда у вас, товарищ начальник, такая забавная обезьянка? — спрашивали люди, пропахшие бензином.

А Папа отвечал:

— Это — Жаконя. Его мне подарил на память сынишка.

— Скучаете без сына, товарищ начальник?

— Сильно скучаю, — говорил Папа, легонько вздыхал и ласково щурил глаза. — Всё жду не дождусь, когда же он приедет сюда. Единственное утешение — это обезьянка: посмотрю на неё — и работается легче...

— Не грустите! — утешали люди. — Вот к весне мы закончим строить большой дом, вы там получите квартиру, и семья ваша приедет сюда!

Жаконя слушал эти разговоры, а сам думал...

Жаконя размышляет

«Папа всё время работает, — размышлял Жаконя. — И все вокруг работают, все заняты делом... И только один я никакой пользы не приношу и никому здесь, конечно, не нужен...

Разумеется, с котами я дружить больше не буду! А с кем же мне дружить? С Папой? Он занят. С девочкой Гутей? Она же считает меня глупым...

Вот был бы здесь мой шестилетний Мальчик! Как хорошо мы с ним когда-то играли! Ему я, конечно, был очень нужен!

А не уехать ли мне из Сибири обратно, к Мальчику? Правда, говорят, что весной он сам приедет сюда. Но до весны ещё так далеко!

Да, надо мне скорее ехать обратно! Там я смогу приносить пользу!..»

И тряпичная обезьянка решила удрать при первой же возможности.

Представьте себе, что в этот же день Жаконя убежал от Папы.

Вот как это у него вышло.

Бегство

Какой-то человек вошёл в комнату и громко сказал:

— Посмотрите, товарищ начальник, как я починил грузовик.

Папа сказал:

— Подождите немножко, мне некогда. А человек в ответ:

— Мне тоже некогда, я сейчас на станцию поеду, за цементом. Пойдёмте, товарищ начальник, вы только взгляните, всё ли в порядке, и я скорей отправлюсь.

— Хорошо, — кивнул головой Папа. — Идёмте, посмотрим на ваш грузовик.

Папа встал из-за стола, положил Жаконю в карман телогрейки и вышел во двор, где стояла грузовая машина.

Жаконе было тесно сидеть в кармане телогрейки. Он выглянул оттуда как раз тогда, когда Папа залез в кузов грузовика, чтобы проверить — плотно ли там прибиты одна к другой доски.

«А ведь эта машина сейчас поедет на станцию; это же мне по пути! — сообразил Жаконя. — Надо немедленно выбраться из кармана...»

Сказано — сделано. В тот момент, когда Папа слезал с грузовика, Жаконя тихонько выскользнул из кармана и улёгся в уголке кузова.

Папа ничего не заметил, он громко сказал:

— Хорошо починили машину. Можете ехать!

Грузовик зафырчал, коротко прогудел, выехал за ворота и помчался по дороге на станцию.

Ах, Жаконя-Жаконя! Ну, куда же ты поехал, отчаянная твоя головушка!

Быстрее крутитесь, колёса!

Приходилось ли вам ехать зимой в открытом грузовике? Если приходилось, то вы, наверное, знаете, какое это неприятное путешествие.

Жаконе было ужасно холодно. Морозный ветер забирался под красную курточку; зябли ноги, руки и мелкой-мелкой дрожью трясся проволочный хвост.

Но Жаконя храбрился и старался не думать о холоде. Чтобы хоть как-нибудь подбодрить себя, он запел:

Эх, Жаконя, ты, Жаконя —
Удалая голова!
Ты убегаешь из Сибири,
Тебя увозит грузовик!
Быстрее крутитесь вы, колёса,
Ведь я на поезд тороплюсь!
Хочу уехать я отсюда —
Сибирь мне вовсе не нужна!

Песня, как видите, получилась не очень-то складная, но придумать лучше Жаконя не мог. Да вы сами посудите: легко ли сочинять песню в таком положении, когда вокруг снег, мороз, ветер, а на душе — ой как беспокойно!

Голос у Жакони был тоненький-претоненький, однако его кое-кто услышал. Знаете кто? Колёса грузовика!

— Как вам нравится песня, которую сочинил этот бездельник? — спросило одно колесо у своих товарищей.

— Скверная песня! — сказала другое.

— Тут целые дни крутишься, крутишься, работаешь без усталости, да ещё вот помогай лодырям удирать от дела! — промолвило третье.

— А ну проваливай отсюда! — сказала четвёртое колесо и так сильно подпрыгнуло на ухабе, что грузовик тряхнуло, и Жаконя, не удержавшись, вылетел из кузова прямо на дорогу.

«Что я наделал!»

Внезапное падение не причинило Жаконе особенного вреда. Охая и кряхтя, он поднялся на ноги, покрутил головой, хвостом, пошевелил руками и убедился, что всё цело.

Жаконя огляделся по сторонам.

Вокруг стояла суровая, вся засыпанная пушистым снегом сибирская тайга. Приближался вечер, и холодное негреющее солнце спускалось всё ниже и ниже; скоро уже оно коснётся вершин деревьев, а потом и совсем спрячется за ними...

И тогда Жаконя сильно испугался: ведь ночью он здесь замёрзнет! Его занесёт снегом!

«Один, без людей, в лесу! Что делать?»- думал Жаконя, и его проволочный хвост изогнулся, как вопросительный знак.

Вернуться бы сейчас Жаконе в тёплую избу, на мягкую кровать, и чтобы рядом лежал Папа! И даже запах Папиной телогрейки, который раньше Жаконя не любил, показался ему теперь самым прекрасным запахом на свете... Наверное, сейчас Папа ищет Жаконю, советуется со своей телефонной трубкой; глаза у Папы — печальные-печальные...

«Ой, что я наделал! — застонал Жаконя. — Ведь Папе без меня будет очень скучно, он и работать, может быть, станет хуже. Ведь я приносил ему пользу, ведь он очень меня любил, и я был ему нужен! Ну почему я не подумал об этом вовремя, почему не послушал этого доброго чёрного пса! В самом деле, я ещё глупый, ужасно глупый!..»

И в тот момент, когда Жаконя сам сообразил, что сделал глупость, он, незаметно для себя, стал гораздо умнее.

Новое знакомство

Вдруг послышался шелест крыльев, и возле Жакони на дорогу опустилась большая чёрно-белая птица с длинным прямым хвостом.

Птица наклонила голову и с любопытством посмотрела на обезьяну чёрным глазом, потом подскочила поближе и посмотрела другим глазом.

Жаконя растерялся, он не знал, что ему делать: птица была гораздо больше его и драться с нею Жаконе казалось невыгодным — вон какой у неё крепкий клюв! «Кто она такая, что ей от меня надо?» — думал Жаконя. А птица попрыгала вокруг Жакони и громко затараторила:

— Чей ты, деточка? Чей ты, деточка? Чей ты, деточка?

— Папин, — ответил Жаконя и нахмурился — ему не нравилась эта птица.

— Ты — человек? Ты — человек? Ты — человек?

— Я обезьянка, и зовут меня Жаконя.

— Чудесно! Чудесно! Чудесно!

— А тебя как зовут?

— Вот чудак! Вот чудак! Он не знает, как меня зовут...

Я — Сорока-белобока, я — Сорока-белобока! Чудак-чудак-чудак!..

— Перестань, пожалуйста, трещать, Сорока. Лучше помоги мне вернуться в деревню.

— Чепуха-чепуха! Ты будешь жить у меня, в моём гнёздышке! Это чудесно-чудесно-чудесно!

С этими словами Сорока ухватила клювом Жаконю за курточку, подскочила и, взмахнув крыльями, полетела...

В гнезде

На опушке леса, неподалёку от строительства завода, росла высокая берёза, на самом верху её находилось большое гнездо, сделанное из веточек, сухой травы и глины.

Гнездо походило на шар, а залезали в него сбоку, через круглую дырку.

Здесь жила Сорока. Сюда она и прилетела, держа в клюве Жаконю.

Жаконя пролез в дырку и чуть не заплакал — в гнезде было темно и как-то странно пахло... наверное, Сорока не отличалась аккуратностью.

— Подожди меня, деточка, я скоро прилечу, — сказала Сорока Жаконе. — Хочется рассказать о тебе всем знакомым.

И она полетела по опушке, громко крича:

— Чрезвычайно! Чрезвычайно! Наконец-то у меня есть сыночек! Приходите в гости посмотреть на моего сыночка!

— Разор-р-ралась, стар-р-рая дур-р-ра! — крикнул с соседней берёзы чёрный ворон; он был большой грубиян и терпеть не мог хвастливую Сороку, хотя она и приходилась ему какой-то дальней родственницей.

Жаконя же сидел в гнезде, приглядевшись, он увидел, что всё гнездо устлано перышками, пухом, клочками шерсти и тряпочками, которые Сорока неизвестно где раздобыла.

Всё-таки здесь было теплее, чем на открытом воздухе. И поджав под себя озябший хвост, тряпичная обезьянка задремала, утомлённая переживаниями этого дня, и даже не слышала, как вернулась домой Сорока и как наступила ночь...

«Я научу его летать!»

На следующий день разные птицы слетелись к высокой берёзе. Здесь были и Чижи, и Снегири, и Галки, и Воробьи, и даже чёрный Ворон — всем было интересно посмотреть на сыночка болтливой Сороки.

Последним прилетел Дятел; у него сильно болела голова после работы — ведь известно, что он добывает себе пищу головой.

Сорока вылезла из гнезда, уселась на ветку, отряхнулась, поправила клювом перья на хвосте и притворилась, будто она удивлена, видя столько гостей! (В глубине души Сорока сильно жалела, что сейчас не лето — тогда гостей было бы ещё больше.)

— Чем-чем я заслужила такое уважение? Чем-чем? — трещала Сорока.

— С-сама з-звала, — коротко ответил красногрудый Снегирь.

— Чем-чем мне вас потчевать? Чем-чем мне вас потчевать? — суетилась Сорока.

— Ничем, ничем! — отвечали птицы. — Покажи своего сыночка!

— Деточка! Деточка! — позвала Сорока, обернувшись к гнезду.

И в дырке показалась голова Жакони. Он первый раз в жизни видел такое множество птиц и от удивления быстро-быстро заморгал.

— Пре-кра-сный ребёнок! Пре-кра-сный! — сказала Галка. — Это ваш собственный?

— Я подобрала его на дороге, он совсем замерзал, бедняжка, — вздохнула Сорока.

— Так... Так... — задумчиво стукнул носом Дятел.

— Он будет у вас жить? Будет здесь жить-жить? — спросили Чижи.

— Да, я буду его воспитывать, — важно промолвила Сорока.-

Вы видите, что он — особенный ребёнок, он не похож на ваших детей; у него нет ни перьев, ни крыльев... Но как только наступит весна — я научу его летать так же красиво, как летаю я сама!

— Вр-раки! — каркнул чёрный Ворон. — Ер-р-рун-да! Дятел опять стукнул задумчиво:

— Так... так...

Услышав, что его собираются учить летать, Жаконя спрятался в гнезде.

Птицы ещё немного пощебетали и улетели. Только Ворон и Дятел задержались.

— Я бы посоветовал вам отнести ребёнка к людям, — сказал Дятел Сороке. — У кого нет крыльев, того летать не научишь.

— Пр-р-равильно! — крикнул Ворон и тяжело поднялся в воздух.

— Ах, я ведь так одинока! Деточка будет для меня утешением и развлечением! — сказала Сорока.

— Так... — с сомнением ответил Дятел и тоже улетел.

В плену

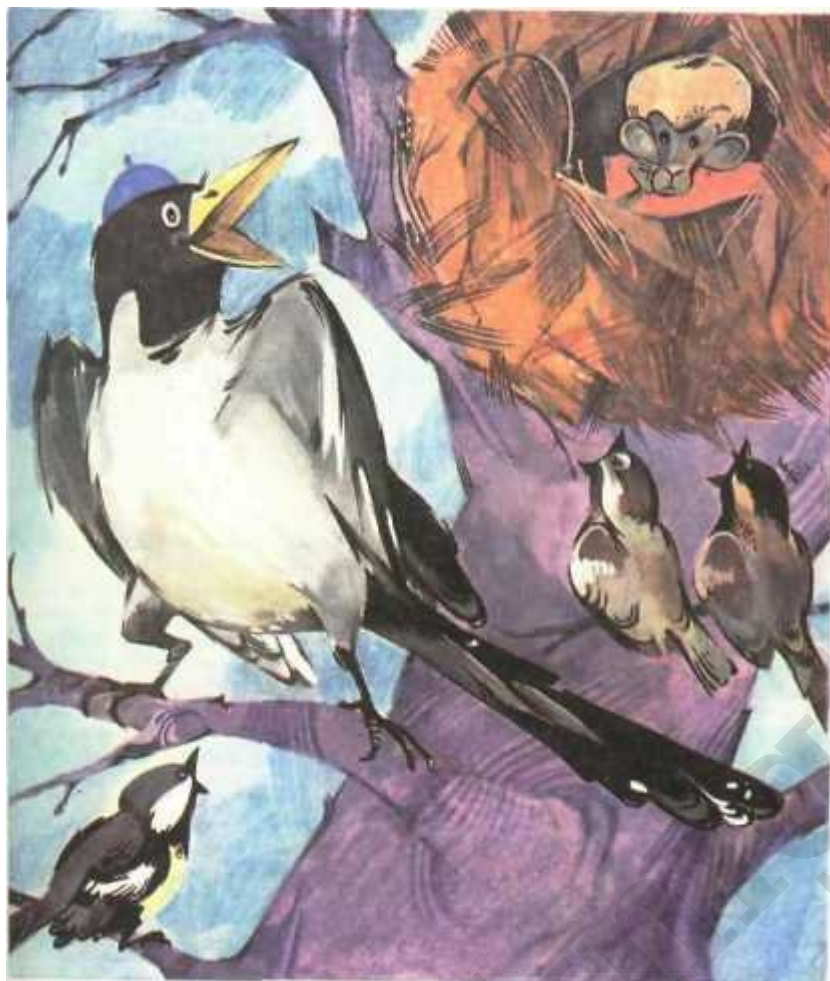
Плохая жизнь пошла у Жакони.

Высокая берёза раскачивалась под ветром, и вместе с ней качалось гнездо. Жаконя боялся вывалиться оттуда и поэтому сидел тихо и смиренно.

Он не любил болтливую Сороку. Правда, она ещё не начинала учить его летать, но каждый день воспитывала, всё время приговаривая: «Деточка-деточка-деточка!»

— Я очень-очень хочу, чтобы ты научился беззаботно порхать! — говорила Сорока. — Порхать — это так чудесно-чудесно! Ну что ты сидишь, задумавшись? Мой деточка не должен думать ни

о чём! Пусть думают другие, а ты должен жить без всяких мыслей! Понял?

И чтобы Жаконя как следует понял, что хочет Сорока, она преобильно ударила его твёрдым клювом по макушке...

От таких «уроков» и в самом деле можно перестать думать!

— Я хочу, чтобы скорее наступила весна, чтобы ты научился летать, — продолжала Сорока. — Я хочу, чтобы ты стал в нашем лесу самой важной птицей! Ведь ты — особенный! Ты — исключительный! У тебя наверняка есть способности! Понял?

И она опять ударила его клювом.

Жаконя ойкал, прикрывал голову руками и мечтал удрать от Сороки... Он совсем не хотел быть важной птицей.

Он хотел жить вместе с людьми — с шестилетним Мальчиком, с Папой, с Гутей, — которые никогда не щёлкали его по голове, а по-настоящему любили и которым он был нужен.

— Ну, пожалуйста, — просил Жаконя Сороку, — отнеси меня в деревню, к моим друзьям!

— Вот чепуха-чепуха! — отвечала птица. — Чем-чем тебе здесь плохо? Я же тебя обожаю!..

И она крепко прижимала тряпичную обезьянку к своим жёстким, неудобным перьям.

Когда Сорока улетала из гнезда, а улетала она часто, — Жаконя просовывал голову в дырку и смотрел вниз.

Он видел, как с каждым днём всё выше вырастали стены завода, как, не обращая внимания на зимнюю стужу, бойко работали каменщики, плотники, как легко поднимали тяжести подъёмные краны, как деловито крутились колёса пробежавших грузовиков...

С восхищением смотрел Жаконя на сиявшие под солнцем ряды окон громадного пятиэтажного дома, в котором будут жить шестилетний Мальчик и его родители. «Только мне уж там не бывать.» — думал Жаконя и тихонько плакал.

Как хорошо было там, на земле, среди людей!

Грачи прилетели

Проходили часы, дни, недели...

Зима пошла на убыль. Всё реже падал снег и теплее грело солнце.

Однажды Сорока сказала:

— Деточка! Приведи себя в порядок: завтра прилетят мои родственники — грачи. Я хочу, чтобы ты произвёл на них хорошее впечатление; они ведь учёные птицы: каждый год они живут за границей!

Но сама Сорока, наверное, была совсем неучёная, так как не знала она того, что грачи вовсе не живут за границей, а переселяются зимой на юг нашей страны, где круглый год тепло.

Действительно, на следующий день грачи прилетели и громко, на весь лес, объявили, что началась весна!

«Лети, деточка!»

— Ну, деточка, — промолвила Сорока, — выбирайся из гнезда.

Сейчас мы с грачами будем учить тебя летать...

Жаконя, дрожа, вылез из дырки.

Грачи, увидев тряпичную обезьянку, удивлённо закричали:

— Он похож на человечка!

— У него же нет перьев!

— Нету крыльев!

— Как же он полетит?

— Он разобьётся!

Жаконя стоял на самом краю гнезда. Сорока сзади подталкивала его клювом, а он уже начал терять равновесие.

— Я не хочу летать! Я боюсь!.. — жалобно крикнул Жаконя.

Но вдруг, неизвестно откуда, появился Дятел и быстро проговорил вполголоса:

— Друзья же рядом! Так-так!.. Не трусь! Цепляйся за ветки хвостом! Так-так!..

А Сорока сзади трещала:

— Лети, деточка! Лети, деточка! Лети, деточка!..

Жаконя отчаянно замахал руками и стал падать... Но, падая, он, по совету Дятла, зацепился хвостом за одну из нижних веток высокой осины и повис.

Грачи кричали. Сорока трещала безумолку.

В голове у Жакони сильно шумело, он закрыл глаза. А когда их открыл, то увидел...

Но что увидел Жаконя, вы узнаете немного позднее.

Папа, старушка и Гутя

А пока я хочу вам рассказать, как жили всё это время Папа, Старушка, Гутя и другие наши знакомые.

Когда Жаконя исчез, Папа сильно расстроился. Он ходил грустный и у всех спрашивал: «Вы не видели где-нибудь тряпичную обезьянку? Маленькая такая обезьянка, в красной курточке и синих штанишках... Не видели?..»

Теперь Папа стал ещё больше тосковать, и работалось ему порой не так весело, как прежде. Он приходил домой, смотрел на пустую кровать, где раньше лежал Жаконя, и глаза у Папы делались грустными-грустными...

Старушка, глядя на Папу, тоже огорчалась. Она считала себя виноватой в том, что пёс Черныш утащил Жаконю из дому.

А вот девочка Гутя почему-то была уверена, что Жаконя непременно отыщется.

Она говорила: «Такая хорошенькая обезьянка совсем потеряться не может, кто-нибудь обязательно её найдёт и вернёт нам!..»

Коты разбежались

Пёс Черныш окончательно поссорился с котами. Он переселился из будки на крыльцо и следил, чтобы эти разбойники не подходили к избе.

Коты отощали, шерсть на них торчала клочьями. Они стали драться между собой из-за каждого кусочка мяса, которое им иногда случалось раздобыть.

Дело кончилось тем, что Васька и Фомка убежали в соседние деревни, а дома остался только маленький Дымка. Воровать безнаказанно он уже не мог, и Черныш, поразмыслив, разрешил ему заходить в избу.

Черныш ищет Жаконю

Карауля котов и сражаясь с ними, умный пёс, однако, замечал всё, что делается среди людей. Он видел, как опечалены Папа, Старушка, Гутя, как они часто вспоминают Жаконю.

И однажды — уже после полной победы над наглыми котами — Черныша подозвала к себе

Гутя.

Большой гребёнкой она расчесала и привела в порядок его шерсть. Нельзя сказать, чтобы это очень понравилось Чернышу, однако он понимал, что с членом санитарной комиссии спорить не полагается. Потом Гутя сказала:

— Черныш, ищи Жаконю! Ищи Жаконю, Черныш!..

И с этого дня Черныш начал поиски. Он бегал по всем следам, обнюхивал все дороги и тропинки. Несколько раз побывал на строительстве завода. Но обезьянки нигде не было. Потерялся след Жакони...

Важное известие

И вот наступили такие дни, когда среди множества других запахов Черныш почувствовал сильный и прекрасный запах приближающейся весны.

Я затрудняюсь сказать вам точно, что было особенного в этом запахе: то ли сладко пахли почки на деревьях, то ли показавшаяся из-под снега влажная земля, то ли нагретый солнцем голубой, прозрачный воздух...

Обнюхивая каждый кустик и каждое дерево, изучая следы птиц и разных лесных зверюшек, Черныш устал и, высунув язык, присел отдохнуть возле корней могучей раскидистой сосны.

Тук-тук! — услышал он над своей головой.

И, посмотрев вверх, Черныш увидел красивую пёструю птицу с красным колпачком на голове.

Птица прицепилась к столу дерева и упорно долбила клювом сосновую кору, вытаскивая из-под неё разных жучков, червячков и мошек...

— Ты — кто? — спросил Черныш.

— Дятел, — ответила птица.

— А где ты живёшь?

— Тут-тут, в лесу.

— Послушай, Дятел, — сказал Черныш, — ты не встречал ли в лесу маленькую тряпичную обезьянку?

— В красной курточке, так?

— Да.

— В синих штанишках, так?

— Верно!

— С четырьмя руками, так?

— Конечно!!! Неужели ты где-нибудь её видел?

— Эта обезьянка живёт в гнезде у болтливой Сороки-белобоки. Так.

— Будь другом, дятел, скажи, пожалуйста, где находится это гнездо?

— На самой опушке леса стоит высокая берёза. Приходи туда завтра утром...

Черныша не понимают

На другое утро Черныш нетерпеливо скулил на крыльце — он поджидал Папу, чтобы позвать его к высокой берёзе.

Вот скрипнула дверь, и Папа вышел из избы. Черныш радостно залаял и осторожно потянул зубами. Папу за брюки, как бы желая сказать: «Идём со мной!..»

Но Папа в это утро был какой-то особенный — взволнованный, весёлый; вместо рабочей телогрейки на нём была красивая куртка.

Папа ласково потрепал Черныша по спине и торопливо ушёл со двора, не обращая больше внимания на пса.

Тогда Черныш попробовал позвать к высокой берёзе Старушку. Но та наводила порядок в доме — мыла, чистила, белила, — и ей тоже было не до Черныша.

«Никто меня не понимает!» — подумал пёс и уже решил, было один бежать на опушку, но тут вдруг пришла Гутя.

Черныш, завидя Гутю, так звонко залаял, так усердно завилял хвостом, что девочка поняла сразу: случилось что-то необыкновенное!..

Скорей! Скорей!

Черныш бежал к высокой берёзе, а за ним, едва поспевая, проваливаясь в остатки рыхлого мокрого снега, торопилась Гутя.

По дороге их встретил Дятел; он закричал очень громко и требовательно:

— Скорей! Скорей! Так, так!..

Возле высокой берёзы они увидели множество чёрных грачей и болтливую Сороку, которая без усталости кричала: «Лети, деточка! Лети, деточка!..»

И тут же, зацепившись хвостом за нижнюю ветку берёзы, висел маленький бедный Жаконя.

Спасение

И вот когда Жаконя, повиснув на дереве, со страха закрыл глаза, а потом открыл их, он увидел прямо под собой, возле ствола высокой берёзы, девочку Гутю и Черныша.

— Жаконя, милый! — закричала Гутя.

А Сорока уже нацеливалась снова ухватить Жаконю своим крепким клювом.

— Падай, падай! — крикнул ему Черныш и так грозно залаял на Сороку, что та мигом отлетела в сторону.

Жаконя распрямил свой хвост и упал в тёплые Гутины ладони! Какое счастье!..

Девочка бережно положила Жаконю за пазуху, поцеловала Черныша в довольную лохматую морду, и все трое заторопились обратно, в деревню.

...А Сорока всё суежилась и болтала: «Я мечтала летать с деточкой! Я мечтала летать с деточкой!..»

Грачи смеялись над Сорокой и на все лады повторяли:

— Крах! Крах! Крах!

— Пр-р-равильно! — сказал чёрный Ворон, смотревший на них с соседней берёзы.

Шёлковое платье

Вся Сибирь в этот день хорошо прогрелась солнцем.

Из-под снега побежали весёлые ручейки; они журчали так громко, что даже в избу доносился этот чудесный весенний звук.

Жаконя опять, как прежде, лежал на Папиной кровати, а Гутя и Старушка стояли рядом и сокрушённо качали головами: обезьянка выглядела ужасно!

Красная курточка разорвалась, штанишки расплзлись по швам, шапочки совсем не было, и голова была в пуху и перьях...

Всю одежду с Жакони пришлось снять. Потом Старушка вынула из сундука кусок красного шёлка с жёлтыми горошинами, и Гутя тут же сшила из этой материи платьице.

Когда платьице надели на Жаконю, он, конечно, сразу стал похож на девочку.

Гутя и Старушка рассмеялись, глядя на эту «девочку», у которой из-под подола высовывался длиннющий хвост.

И знаете, что удивительно? Хотя люди смеялись, Жаконя не обиделся на них, как это бывало когда-то. Теперь он твёрдо знал, что его главная обязанность — веселить людей, доставлять им радость! Это и есть та самая польза, которую он будет отныне приносить людям и которую они ждут от него. Пусть небольшая, но всё-таки польза!

Жаконе очень нравилось платье — ведь оно было такое красивое!

Но потом ему почему-то стало немножко стыдно сидеть в этом наряде на виду у всех... И Жаконя спрятался за подушку, ожидая прихода Папы.

Вот будет сюрприз, когда Папа увидит обезьянку!

В избе было тепло, тихо и покойно. Жаконя, счастливый, сидел за подушкой, ждал Папу и слушал, как за окном журчала талая вода и как воробьи, перекликаясь, щебетали бессмысленную песенку:

— Чьи, чьи, чьи, чьи.

По полям бегут ручьи?

— Это наши ручьи!

— А вы сами — чьи?

— А мы сами — ничьи!

— Значит, и ручьи ничьи!..

Какое счастье!

Внезапно птицы умолкли: послышались шаги, и в избу кто-то вошёл. Жаконя притаился за подушкой и пока что никого не видел...

— Вот здесь я прожил зиму, — раздался голос Папы.

— А Жаконя? — проговорил кто-то голосом, очень напоминавшим шестилетнего Мальчика.

— Жаконя тоже жил здесь когда-то, — ответил Папа. — Но однажды он неожиданно исчез...

— Какая жалость! — послышался голос Мамы шестилетнего Мальчика.

— Да, я очень грустил без него, — сказал Папа и вздохнул. — Ведь эта обезьянка всегда напоминала мне о вас, мои родные... Бывало, в начале зимы, когда работы было особенно много, я возвращался со строительства усталый, а посмотрю на Жаконю, поглажу его, и — сразу же усталость как рукой снимет и жить становится веселее! Да, очень нужен был мне Жаконя...

И Папа опять вздохнул.

Слыша это, Жаконя не мог больше прятаться за подушкой. Он стремительно выскочил оттуда, перевернулся через голову, высоко подпрыгнул, хотел закричать «ура!», но от волнения у него захватило дух, и он с широкой улыбкой сел посередине кровати, растопырив руки.

Вдруг он спохватился: ведь на нём платье, ведь он похож на девочку! Его же могут не узнать в этом наряде... И он на четвереньках пополз обратно, за подушку.

Но его узнали!

Все закричали: «Жаконя! Жаконя! Какое счастье!»

И первым бросился обнимать его шестилетний Мальчик.

Впрочем, это был уже не шестилетний, а семилетний Мальчик: за эту зиму он стал старше на целый год.

Всё идёт на лад!

А через несколько дней Мальчик, Папа и Мама попрощались со Старушкой и поехали в новый дом, где теперь им предстояло жить.

Жаконя, конечно, ехал с ними. Он опять был нарядно одет в новую курточку и штанишки.

Гутя и умный пёс Черныш отправились проводить наших друзей.

Весна была в полном разгаре. Снег совсем растаял. В полях, за деревней, рокотали тракторы. По чёрным пашням ходили важные грачи. Скворцы посвистывали возле скворечников. В синем небе плыли лёгкие пушистые облака. Над зданием школы ребяташки приколачивали большой красный плакат «Да здравствует 1 Мая!»

Сибирь, как и вся наша страна, готовилась встречать праздник.

А Мальчик, Мама, Папа, Гутя и даже пёс Черныш звонко пели:

Всё на лад идёт, друзья!
Нам грустить никак нельзя,
Если песенка вдруг зазвенела.
Ведь смеяться и шутить,
И всегда весёлым быть —
Это тоже полезное дело!..

До свидания, друзья!

Вот и кончается мой рассказ о приключениях Жакони.

И жалко мне с ним расставаться — уж очень полюбил я эту забавную тряпичную обезьянку, которая не понимала самой простой вещи: каждый — где бы он ни находился — может принести людям пользу. Было бы лишь желание!

Теперь Жаконя поумнел. И, наверное, он постарается не делать больше никаких ошибок. Хотя, как знать! — Сибирь велика, жизнь увлекательна, а Жаконя совсем маленький. И, может быть, с ним ещё что-нибудь приключится...

БИБИШКА — СЛАВНЫЙ ДРУЖОК

1960 г.

Бибишка- Славный Друзок

*Среди твоих ребячьих дел
И сказкам место есть.
Ты много их уже успел
Услышать и прочесть.
Ты сказки разные узнал...
Средь них наверняка
Ты только этой не слышал —
Про Славного Друзка.
Она покажется порой
Похожею на быль;
По ней промчится, как герой,
Простой автомобиль.*

Самое начало истории

Про Славного Друзка мне рассказал учитель Григорий Иванович. Уж кто-кто, а он-то хорошо знал всё, что произошло в жизни маленького грузовичка. Ещё бы! Ведь Григорий Иванович познакомился с ним очень давно, когда тебя, наверное, на свете ещё не было... А пока ты подрастал, сколько за это время случилось всяких происшествий, сколько дел успели свершить люди!..

Но начнём по порядку. С самого начала.

Грузовичок, о котором пойдёт речь, родился на берегу Волги. Там стоит огромный завод, известный каждому в нашей стране. И тебе тоже будет полезно узнать кое-что про него.

Может быть, когда ты вырастешь, то станешь рабочим или инженером... И — ведь всё случается — пойдёшь работать на этот завод.

А работать там интересно!

В больших светлых цехах день и ночь гудят станки, грохочут цепи подъёмных кранов, льётся расплавленная сталь, стучат молотки, шуршат рубанки... И всюду, во всех цехах и мастерских-весёлые люди. А как ты думаешь: почему им весело?.. Да очень просто — ведь они делают автомобили. А автомобили — грузовики и легковые — нужны всем нам: тебе, мне, нашим друзьям!

Кто его родители!

Родители грузовичка?..

Да, конечно же, рабочие!

Они создали эту машину: соорудили мотор, колёса, кузов... Всё сделали металлурги, токари, строгальщики, слесари, столяры, электрики... Без этих людей грузовичок ни за что не смог бы появиться на свет.

Я ещё добавлю: не было бы грузовичка — не было бы и этой сказки.

Вот видишь: даже сказку помогли сочинить рабочие.

«Хочу работать! Хочу жить!»

Есть такая русская поговорка: «Яблоко от яблони недалеко падает». К чему нам эта поговорка?

А вот к чему. Дети всегда похожи на своих родителей. Ты ведь хочешь стать таким же сильным и смелым, как твой папа?.. А ты, девочка, — разве ты не желаешь стать такой же ласковой и заботливой, как твоя мама?..

Вот и грузовичок тоже: едва привернули к нему последний винт — и он сразу решил сделаться таким же трудолюбивым, как его родители.

Ему захотелось немедленно начать работать: бегать по дорогам, перевозить тяжести, катать в кузове ребятишек... Ну, словом, захотелось совершать что-нибудь полезное, нужное!

...Он стоял в широких воротах цеха и смотрел на просторный заводской двор. Там стройными рядами, как солдаты перед маршем, выстроились сотни таких же машин. Их глаза-фары сияли, а выпуклые крыши кабин казались похожими на рабочие кепки.

День был солнечный, немного ветреный. Белые облака играли друг с другом в догоняшки на голубом небе.

Грузовичок думал:

«Что-то ждёт меня впереди? С кем придётся мне встретиться в жизни?.. Ах, скорее бы пустили меня в ход! Уж я бы показал, на что способен!.. Дайте мне бензина, налейте воды, смажьте маслом мотор!.. Скорее! Ведь я хочу работать — хочу жить!»

Первый шаг

К грузовичку подошли две женщины, налили в него бензин, масло и воду.

Потёк бензин по трубочкам в мотор. Хорошо!..

Масло смазало рычаги. Ах, как вкусно!..

И холодная вода есть в запасе — будет, чем остудить себя во время быстрой езды.

Теперь дело за шофёром — и можно ехать.

А шофёр — вот он! Умелый, знающий. Специально работал на заводе, чтобы проверять: ладно ли сделаны автомобили, всё ли у них в порядке.

Открыл шофёр дверцу кабины, уселся на чистенькое кожаное сиденье, на котором ещё никто не сидел, взялся за руль и сказал грузовичку:

«Ну, малыш, покажи себя... Не осрамись...» Но прежде чем ехать, шофёр нажал большую чёрную кнопку на руле — кнопку сигнала, и грузовичок пропел: «Би-би!.. Би-би!..»

Голос у него оказался красивый: громкий, звонкий и какой-то задорный. Все, кто был поблизости, улыбнулись. А грузовичок заливался, как настоящий ребёнок: «Би-би!.. Би-би!..»

Может быть, потому он так весело кричал, что уж очень хотелось ему пробежаться по двору.

А может быть, он решил сейчас отличиться перед другими автомобилями...

Но я вот что скажу: сигнал грузовичку налаживал один молодой рабочий — славный парень и невероятный весельчак; а ведь известно — если характер у человека весёлый, то всё у него весёлым получается...

Посигналил грузовичок и поехал. Сначала — медленно, неуверенно, робко... А потом — всё быстрее, всё быстрее... Покатили!

«Хорошо-то как! — радовался грузовичок. — Я всегда буду ездить быстро! Никто меня не догонит!.. Эй, вы, автомобили — братья мои старшие! Ну что вы там стоите, чего дожидаетесь?.. Поглядите-ка на меня!..»

И опять ему захотелось крикнуть «би-би!»

Но шофёр сказал:

— Молодец! Хватит на сегодня...

Повернул руль, и наш грузовичок встал в ряд вместе с другими автомобилями на заводском дворе.

В строю

— Здравствуйте! Очень приятно познакомиться! — сказал грузовичок своему соседу — точно такому же автомобилю.

Сосед молчал и даже не поздоровался, он был старше нашего грузовичка на целые десять минут и уже кое-чему научился. Он знал, что в строю надо стоять тихо и не разговаривать.

А грузовичок не унимался:

— Ух, какая жара сегодня! Отчего бы это?.. Вспомнил: когда мне привинчивали колёса, то говорили, что уже наступает весна. А летом, сказали, будет ещё жарче... А вы видели, как

ловко я бегаю? Наверное, никто не сможет меня догнать!.. А скоро ли нас пошлют на работу?..

Сосед молчал. Но то ли солнечные лучи чересчур нагрели его, то ли какой-то винтик в нём был слишком туго привинчен, только грузовичок услышал, как сосед слегка скрипнул. И в этом скрипе можно было разобрать строгое слово: «тер-пе-ние!»

«Вот глупости! — подумал грузовичок. — А я не желаю „тер-пе-ние“! Я хочу ехать. Возьму и поеду сейчас куда-нибудь».

И, наверное, он поехал бы, если бы только знал, куда. Но ведь грузовичок был ещё очень молод, неопытен.

Ах, если бы мы все в молодости знали: куда нам ехать?..

Поразмыслив немного, грузовичок понял, что сейчас надо стоять и ждать. Рядом же стоят и ждут товарищи, которым тоже хочется поскорее приняться за дело.

«Что ж, как все — так и я!»- решил про себя грузовичок.

И решив это, он почувствовал, что ему нравится стоять, в общем, строю, рядом с такими же, как и он, новыми, сильными машинами.

Тёплый ветер

А в воротах цеха появился ещё один автомобиль. Он пробежал по двору и тоже встал в строй, как раз рядышком с нашим грузовичком.

— Здравствуйте! Очень приятно познакомиться! — сказал младший сосед. — Вы видели, как быстро я бегаю?.. Когда же, наконец, мы начнем работать?..

Вдруг на заводской двор ворвался тёплый весенний ветер. Он скользнул под грузовики, запутался меж сотен колёс и зашептал:

— Подождите, друзья, немного подождите!.. Скоро, уже скоро!.. Вас ждут широкие дороги... Вы очень нужны!..

Тёплый ветер знал, что говорил. Ведь он примчался со степных просторов. А там уже таял снег, прорастали первые зелёные травинки, появились подснежники... Там колхозники готовились пахать чёрную сочную землю и сеять пшеницу.

Волнуясь, слушали автомобили шёпот тёплого ветра. Им казалось, что перед ними уже не асфальтированный заводской двор, а тихие просёлочные дороги, обсаженные яблонями. Чудилось машинам, что бегут они по этим дорогам, а ветер обрывает лепестки яблоневых цветов и лепестки кружатся в воздухе, залетают в кабины, опускаются на крыши, садятся в кузов... Ещё машинам казалось...

Впрочем, кто может в точности сказать, что думали машины, готовясь начать трудовую жизнь? Ведь машины — не люди...

Что же касается людей, то тут я знаю твёрдо: в молодости, а особенно весной — весь мир кажется прекрасным, как яблоневые цветы.

Прощай, Волга!

В жизни часто бывает так: хочет человек стать лётчиком, а народ ему говорит: «Нет, ты будешь шахтёром». Или, например, желает человек жить дома, а народ посылает его путешествовать.

Словом, как скажет народ — так тому и быть.

И наш грузовичок тоже: мечтал кататься в заволжских степях, а народ отдал приказание: «Ехать на работу в Сибирь!»

А Сибирь далеко от Волги. Кто-нибудь другой, пожалуй, побоялся бы отправиться в такое долгое путешествие. Но грузовичок ни капельки не волновался. Во-первых, сделан он был прочно — все винты и гайки крепко завинчены; а во-вторых, не забудь, что родился-то он на заводе, в семье рабочих. И, значит, всюду в нашей стране у него есть родственники. В Сибирь так в Сибирь! Хорошему человеку везде будут рады. Хорошие люди всюду нужны.

Ой! Я, кажется, позабыл, что наш грузовичок не человек, а машина... Но, знаешь ли, не так-то уж плохо, что машина иногда похожа на человека, что она старается подражать людям. А если бы ты видел, сколько народу приезжает каждый день к нам в Сибирь! А куда люди — туда и машины. Обязательно.

...И вот отправился наш грузовичок в дальний путь. Кто-то даже написал мелом на его кузове: «Привет сибирякам!»

Грузовичок ехал в товарном поезде. В отдельном вагоне! Этот вагон особенный: у него ни стенок, ни потолка, а просто под колёсами лежит платформа-пол и всё...

Вот на такой платформе наш: автомобиль проезжал мимо завода, мимо спящего города, мимо Волги...

Грустно было грузовичку расставаться с родным заводом, с широким двором, где ещё утром он бегал и кричал «би-би!»... И автомобилю сделалось вдруг так зябко, так зябко, что даже фары затуманились... Ты, может быть, думаешь, что это от грусти?... Между нами говоря, я тоже так думаю...

Но если бы мы спросили грузовичка, почему у него затуманились глаза, он ответил бы так: «Не знаю... Холодно что-то...»

И ни слова не сказал бы о грусти.

В пути

А поезд шёл всё быстрее.

Вот уже и Волга позади... Вот уже виднеются уральские горы... Вот стоят знаменитые города... Заводы дымят... Но я боюсь, что устану рассказывать об этом длинном пути.

Наш грузовичок стоял себе на платформе и думал: «Скучно мне одному... Хорошо бы с кем-нибудь познакомиться, поговорить. Ведь я ещё ничего толком не знаю...»

И случилось как нарочно: когда поезд остановился у какой-то маленькой станции, на платформу к грузовику забрался усатый дядька в длинной-предлинной шубе.

— Ишь ты! — сказал дядька басом. — Какая машина добрая! Красивая... Кузов, однако,

маловат... Да ничего, сгодится. Наши, сибиряки, будут довольны... Ну, как, грузовичок, скучновато ехать?..

Дядька провел тёплой рукой по холодной, застывшей фаре, и ладонь его стала влажной...

— Эй, браток, так нельзя! Конечно, невесело одному ехать, что и говорить... Но плакать-то, зачем же?

Честное слово, грузовичок и не думал плакать! И вовсе не слёзы были у него на глазах... А так просто...

Ему очень понравилась тёплая человеческая рука; хотелось, чтобы незнакомый дядька гладил его ещё, чтобы он тронул ладонью кузов, ветровое стекло.

Но дядька открыл дверцу кабины, пощупал мягкое кожаное сиденье и воскликнул:

— Эге!.. Добрый диван!.. А ну-ка, Шуба, полезай сюда, лежи пока что здесь... А то путаешься под ногами, долгополая...

С этими словами он взял свою шубу, положил её на сиденье, захлопнул дверцу и спрыгнул с платформы.

— Сторожи, грузовик, Шубу! А я по делам побежал!..

Усатый дядька быстро пошёл к другому вагону, и там уже

раздавался его весёлый голос: «Ну, как живёте?.. Всё ли в порядке?.. Привыкайте, братцы, к морозу — в Сибири стужа будет покрепче... Сейчас поедem, братцы!..»

И засвистел в свисточек.

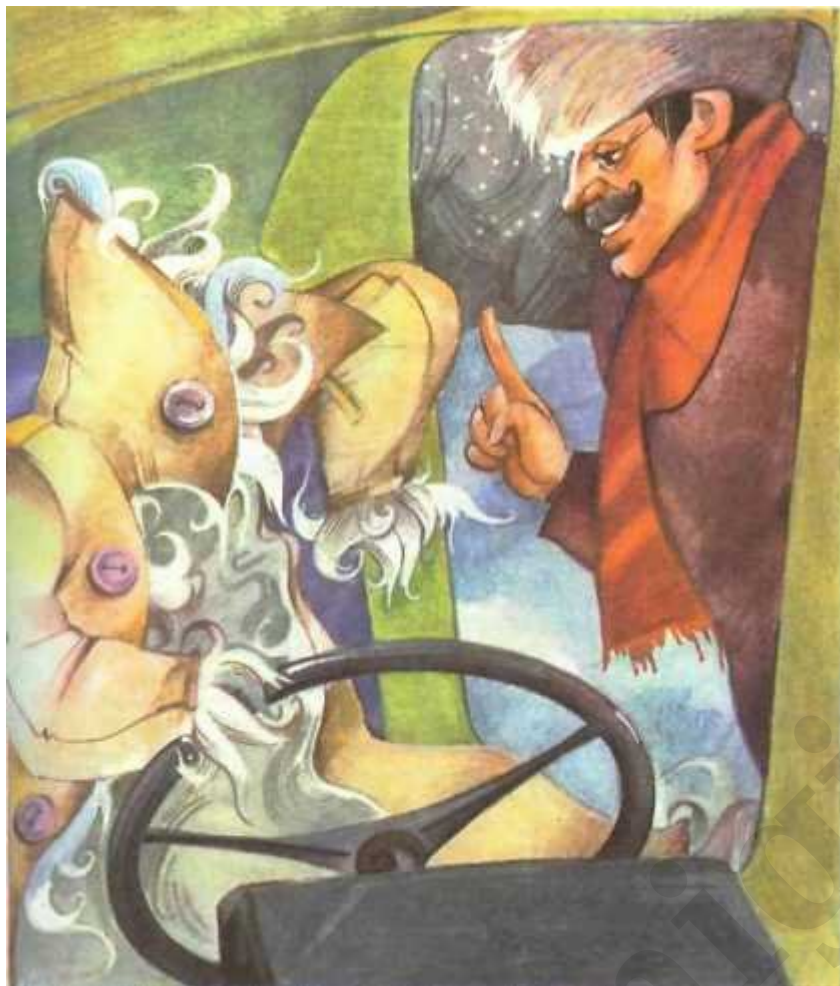
Кто же этот усатый дядька?

Ты догадался?.. Ну, конечно, он — кондуктор товарного поезда.

Разговор с Шубой

Прошло уже порядочно времени, а кондуктор так и не возвращался за Шубой.

— Какой он нахал, этот кондуктор! — вдруг сказала Шуба. — Подумайте, бросил меня одну неизвестно где!.. Безобразие!

— Отчего же «неизвестно где?»- спросил грузовичок. — Лежите себе на здоровье, отдыхайте... А ваш кондуктор, должно быть, занят.

— Этот ужасный человек всегда занят. Он ни минуты не желает посидеть спокойно: бегаёт на каждой станции из вагона в вагон, всё проверяет, осматривает... И не хочет согреть меня хоть немного. Безобразие! Я мерзну!..

— Простите, — сказал грузовичок, — я ещё молод и многого не понимаю. Но мне кажется, согреться вы могли бы и сами. Для этого вам надо лишь заняться делом... Вот, например, когда я начну работать, то мне сразу же станет тепло.

— Чушь! — возмутилась Шуба. — Пусть лучше я совсем замерзну. А работать — извините! — это не моя обязанность. Пусть работает кондуктор... А я повисну у него на плечах.

— И часто вы у него так висите?

— К сожалению, нет. Этот человек бросает меня, где попало.

Говорит, что ему и без шубы жарко... Ему жарко, а я должна мерзнуть... А знаете ли вы, грузовик: я не простая Шуба, а казённая. Он получил меня не как-нибудь, а под расписку — и поэтому обязан беспокоиться обо мне. Ах, люди, люди!.. Впрочем, грузовик, вы ещё ребёнок, ничего-то вы не видели...

Шуба вздохнула, скрестила на груди рукава и задумалась. Задумался и грузовичок. Он ещё мало был знаком с людьми. Помолчав немного, он сказал:

— Прощу вас, уважаемая Шуба, расскажите мне немного о людях. Вы их знаете лучше, чем я.

— Да-а! Уж людей-то я знаю. Насмотрелась на них!.. И вот что я вам посоветую, а вы слушайте меня — старушку: не верьте людям! Не давайте им в руки!.. Ничего нет на свете хуже, чем рука — жёсткая, упрямая!.. Как ухватит вас за пуговицу да за петлю — хочешь, не хочешь, а расстегнёшься нараспашку...

— У меня нет пуговиц, нет петель...

— Что вы говорите?! Ах, бедненький, как же вы будете жить? Ведь пуговицы и петли нужны для того, чтобы прятаться от людей, чтобы человек не смог заглянуть к нам внутрь... Да, жалко мне вас, грузовик! Без пуговиц вы пропадёте. Придёт какой-нибудь грубиян, схватит вас за руль, и вы поедете не туда, куда вам хочется, а куда прикажут. Мой вам совет: не подчиняйтесь людям!..

Грузовичку стало страшновато.

— Неужели все люди такие плохие? — спросил он.

— Хорошие попадают редко. Впрочем, однажды я дружила с чудесным человеком. Он тоже был кондуктором товарного поезда. Всегда застегивал меня на все пуговицы. И всю дорогу от Москвы до Сибири и от Сибири до Москвы мы с ним сладко спали... Уж как он меня берёт; ни на секунду со мной не разлучался. Называл меня не шуба, а доха!.. И даже пел такую песенку:

Широка и неплоха
Моя казённая доха.
Хорошо мне спать в дохе!
Хо-хо-хо! Да хе-хе-хе!

Ах, как мы любили друг друга!.. Вот это был человек! Запомните, грузовик, его фамилию: Хвать-Похвать! Нежная, красивая фамилия — Хвать-Похвать! Может, и встретитесь с ним когда-нибудь...

Знаете, когда Хвать-Похвата выгнали с работы, он не хотел расставаться со мной и даже спрятал меня в кладовку... И всё-таки нам пришлось расстаться... Ах!..

Шуба так сильно вздохнула, что несколько шерстинок слетело с неё на пол кабины.

— Меня нашли в кладовке и отдали этому ужасному усачу.

И вы подумайте: усатый кондуктор не захотел брать меня! «На что, говорит, мне нужна долгополая, только работать мешает»...

А я так люблю тепло... Послушайте, грузовик, почему вы такой холодный?

Грузовик ответил:

— Начну работать и сразу же...

— «Работать, работать», — передразнила Шуба. — Нет, вы ещё совсем не умеете жить! Вот погодите, я научу вас... А сейчас мне спать хочется. Спать...

И, скучно засопев, Шуба уснула.

Эх, куда же этой Шубе учить Бибишку! Ведь сделана-то она из бараньей шкуры. А все знают: никого нет глупее баранов.

Всё ещё в пути

Ехали они день, ехали другой, ехали третий... Шуба дремала, а грузовичок без устали смотрел на бегущий перед ним вагон.

Чем ближе к Сибири, тем становилось холоднее. Здесь была ещё зима. Весна в этих краях начиналась позднее, чем на Волге. Но всё-таки днем пригревало солнышко, и грузовичок с удовольствием подставлял бока своего кузова весёлым солнечным лучам.

Поезд мчался по бесконечным сибирским просторам.

...Навстречу летели другие поезда — пассажирские, товарные.

В пассажирских люди торопились в Москву, чтобы посоветоваться в Кремле о важных делах, побывать на Красной площади, поговорить с москвичами о своих заботах.

В товарных везли уголь, лес, зерно, металл, рыбу, меха... — Словом, всё, чем богата наша Сибирь.

До свиданья, Шуба...

И вот на платформе снова появился кондуктор.

— Ну, как, милый? Едем помаленьку? — ласково спросил он грузовичок. — Замерзаешь, поди?.. Бодришься! Завтра прибудем на место...

Кондуктор отворил кабину.

— Что, долгополая, всё валяешься? — строго сказал он Шубе. — Не надоело тебе спать без просыпу?

Шуба, нахмурившись, молчала; космы бараньего меха спутались и торчали в разные стороны — точь-в-точь как волосы у лодыря, который, не умывшись и не причесавшись, уселся завтракать.

Ух, как хотелось Шубе ответить кондуктору что-нибудь дерзкое!..

Но у вещей так повелось: в присутствии людей они молчат, и ты никогда не услышишь от них ни словечка. Это пошло с незапамятных времен, когда человек стал командовать вещами, когда вещи стали служить человеку; они поняли, что спорить с людьми бесполезно — всё равно, что захочет человек, то он и сделает.

Кондуктор ухватил Шубу за ворот и приподнял. Ей это не понравилось. Она пыталась уцепиться крючком за сиденье. Но сиденье в кабине было упругое, гладкое — крючок шаркнул по коже и не зацепился.

— Ишь ты! — сказал кондуктор. — Полюбилось тебе без дела валяться. А вот пойдём-ка, мохнатая, в соседний вагон. Там мандарины едут с Кавказа. Холодно им, боюсь — замерзнут. Поди-ка, погрей их.

Шуба с досады щелкнула костяшками пуговиц и зашуршала: «Не хочу, не желаю!», но так тихо, что эти слова слышал только грузовичок.

— До свиданья, юноша, — сказала ему напоследок Шуба. — Меня, как видите, хотят перебросить на ответственную работу... Что ж, пойду знакомиться с мандаринами. Жаль, что их до сих пор не съели!.. Всё равно, скоро люди их слопают... Терпеть не могу людей!..

Видал ты, как она рассуждает!

Приехали!

Стоп, паровоз!

Дай погромче гудок:

Вот и город у вольной реки:

Ехали долго,

но прибыли в срок.

Здравствуйте, сибиряки!

— Здравствуйте! Здравствуйте! — закричал усатый кондуктор, соскакивая с площадки товарного вагона.

— Принимайте скорее груз! Освобождайте вагоны — им надо в обратный путь отправляться! Скорее, скорее!...

Навстречу кондуктору бежал вприпрыжку молодой паренёк.

— Гриша! — удивился кондуктор. — Ты что здесь делаешь, сынок?

— Тебя встречаю. И, кроме того, должен я получить сейчас новый грузовой автомобиль; сказали, что на твоём поезде его привезли.

— Правильно! Привезли, в целости и сохранности. Ты, значит, на нём работать будешь? Поздравляю, сынок! Машина хорошая.

А грузовичок уже скатился с платформы. Скатился и ждал: что с ним дальше будет?..

Шофёр Гриша осмотрел его со всех сторон. И всё очень понравилось Грише. Понравился тёмно-зелёный цвет грузовичка, туго надутые шины на колёсах, чистенькая кабина, светлые фары... Всё, всё понравилось... Но, пожалуй, более всего — надпись на кузове: «Привет сибирякам!»

— Спасибо, — сказал Гриша. — Спасибо вам, далёкие друзья, за то, что сделали такую красивую машину! Я буду беречь её и любить...

«Любить обещает, — подумал грузовичок, — беречь... Ладно, посмотрим... Шуба советовала остерегаться людей... А интересно — какие руки у этого шофёра? Наверное, жёсткие, упрямые...»

Гриша встал перед автомобилем и посмотрел ему прямо в глаза. Чистая, блестящая фара отразила Гришино лицо, белокурые волосы, вылезшие из-под шапки, и широкую, весёлую улыбку... Если бы умел грузовичок разбираться в людях, то сразу понял бы, что Гриша — парень хороший.

Гриша помогает отцу

— Ну, что ж, милый, поехали? — спросил Гриша и уселся в кабине за рулём.

Грузовичку так хотелось поскорее рвануться с места, что едва только шофёр нажал педаль — мотор моментально завёлся и загудел нетерпеливо.

— Погоди, Гриша! — закричал издали усатый кондуктор. — Погоди, сынок!.. Помоги ты нам в одном деле. Попросят поскорее вывезти в магазин несколько ящиков мандаринов. Давай погрузим их к тебе в кузов.

Гришу не надо было упрашивать. В одно мгновение отец с сыном поставили двадцать ящиков в кузов, укрыли их сверху Шубой.

И машина побежала по городским улицам.

Машиной управляет человек

Руки у Гриши действительно были упрямые. Он крепко держал руль.

Грузовичку хотелось ехать быстро, без остановок. Но шофёр приказывал ему двигаться не торопясь, спокойно. Хочешь, не хочешь, приходилось подчиняться.

На перекрёстках больших улиц они несколько раз останавливались, и грузовичок нетерпеливо ворчал. Когда проезжали мимо школ, где ребяташки играли на переменах в снежки, Гриша заставлял машину двигаться совсем медленно...

Всё это вовсе не нравилось грузовичку... А что поделать?.. С шофёром ему не справиться — это сразу видно.

А Гриша, наверное, понимал, чего хочется этой новенькой машине, и, где только было можно, разрешал ехать быстро, как говорится, на полную скорость.

Тогда грузовичок радостно кричал «би-би-би». Прохожие, заслышав сигнал, уступали дорогу.

— Красивая машина! — говорили прохожие. — Не такая-то уж большая, а смотрите, как лихо бежит!.. Молодцы рабочие!..

Разговор в кузове

А в кузове мёрзли мандарины. Их золотистая одежда вся сморщилась от холода.

— Скорее! Скорее! — твердили мандарины. — Мы с юга!.. Мы очень озябли... Скорее бы в магазин!..

— И куда вы, мандаринчики, спешите? — посмеивалась Шуба. — Ну, привезут вас, голубчиков, в магазин... Придут люди, возьмут вас в руки, сдерут вашу золотистую одежду — и кончена ваша жизнь! Бедненькие!..

Мандарины испуганно замолчали.

Но самый большой из них, самый спелый и сочный — был парень бравый.

— Ну что ж! — сказал он. — Для того мы и выросли, чтобы доставить людям удовольствие и радость.

— Но ведь жизнь-то ваша тогда кончена! — воскликнула Шуба.

— Нет, не кончена. Жизнь наша заключена в зёрнышках, которых люди не едят... Бросят зёрнышко в землю, и вырастет из земли дерево, а на дереве — опять мы, золотистые мандарины!

— Ох, что-то вы всё врёте... — бормотала Шуба. — Земля — она грязная, а вы вон чистенькие, жёлтенькие...

— Земля — добрая. Она нас взрастила.

— У! Мандаринишки!.. — зашипела Шуба, и крючок на её воротах согнулся, как нос у бабы-яги.

Тогда самый большой мандарин запел песню:

Ах, чего мне бояться в родимой стране!
Проживу я на свете немало;
Только б твёрдое зёрнышко было во мне!
Только б зёрнышко в землю упало!

А все его товарищи подхватили хором:

Мандарины! Мандарины!
Замечательный народ!
Ни один из мандаринов
На земле не пропадёт!..

Имя

Грузовичок остановился возле магазина и громко крикнул: «Би-би-и!»

Вышли люди в белых фартуках и отнесли ящики с мандаринами прямо к прилавку. Мандарины всем понравились. Гриша тоже купил несколько штук.

...Поехали дальше.

Молодой шофёр был счастлив: он получил такую славную машину!

— Мы с тобой будем дружить по-настоящему? — спросил он у грузовичка.

И сам ответил:

— Обязательно по-настоящему. Ты станешь моим верным другом! Правильно я говорю?

...В тот же день к машине прикрепили жестяную табличку с номером и этот же номер написали на кузове.

— Вот смотрите, какой у меня появился славный дружок! — говорил Гриша своим товарищам-шофёрам. — Я так и называть его буду: «Славный Дружок!»

— А я бы назвал его «Бибишкой», — посоветовал начальник гаража. — Слышите, как он выговаривает: «Би-би»?..

— Можно и «Бибишкой» — согласился Гриша. — Но «Славный Дружок» всё-таки лучше...

Так у нашего грузовичка появилось двойное имя: «Бибишка — Славный Дружок».

В старом гараже

Тебе, конечно, известно, что у каждого должно быть своё жилище. Люди живут в домах, зверюшки в норах, птицы в гнёздах... А автомобили — в гаражах.

Гараж, где поселился Славный Дружок, был, прямо скажем, плохим жильем: штукатурка обвалилась, на полу чернели большие жирные лужи, потолок потрескался, а в дырявую дверь залетел ветер со снегом.

Но, как бы там ни было, здесь стояло много автомобилей.

Большинство из них возило почту. У каждого почтового грузовика на кузове была нарисована красивая белая полоса, а над полосой надпись: «Почта».

Почтовые машины чувствовали себя важными особами. Ведь им приходилось всюду ездить, и они знали все улицы в городе, все дороги за городом... Дождь или снег, мороз или жара — ничто их не пугало; в любую погоду они везли в кузове письма, газеты, посылки и даже деньги! Ты, конечно, понимаешь — такое дело не каждому можно доверить.

Когда наступала ночь, шофёры уходили домой, сторож запирает дверь в гараже. И автомобили оставались одни. Тогда-то и начинались интересные разговоры. «Почтовые» рассказывали, что они видели за день.

— Мне сегодня встретился автомобиль, который сам убирает снег на улицах!.. Очень образованная машина!

— А я побывал в одной деревне. Там выстроили большой колхозный клуб!

— А в другой деревне я познакомился с новым трактором! Бибишка слушал и просто умирал от зависти!

— Скажите, пожалуйста, — вежливо спрашивал Бибишка у почтовых грузовиков, — это очень трудно — возить письма и деньги?

«Почтовые» не отвечали. Они важничали. Им казалось, что Бибишка совсем маленький и разговаривать с ним не стоит.

Только один Старый Грузовик понимал, что делается в Бибишкиной душе.

Ты, между прочим, заметь: старики всегда любят маленьких, тянутся к ним... Потому что каждый, кто в старости думает о прожитом, в первую очередь вспоминает своё детство: ведь с него-то и началась жизнь!.. И опять хочет старик вернуть давние годы — хочет снова подружиться с ребятами, играть с ними...

...Старый Грузовик стоял в гараже рядом с Бибишкой и утешал его:

— Не огорчайся. Придёт и твоё время. Всюду побываешь... Надоест ещё ездить-то...

— Ездить мне не надоест! — отвечал Бибишка.

— А я вот, к примеру, уже устал каждый день кататься по дорогам, — вздохнул Старый Грузовик. — Да и здоровье моё не важное. Скверное здоровье...

Он говорил со скрипом, дребезжал рессорами.

Белая полоса на его кузове почти совсем стёрлась от времени.

— Годы наши бегут... — вздыхала чёрная легковая машина, которую все ласково называли Эмочка. — Мне вот уже тридцать лет; совсем старенькая стала, слабая...

«А я никогда не буду старым! — думал Бибишка. — Я всегда буду молодым и сильным!»

— Ты слушайся нас, — говорила Эмочка Сланому Дружку. — Слушайся Старого Грузовика, он — умный автомобиль... Тебе сей час спешить ещё рано. Надо ездить осторожно, не торопясь. Учись делать повороты, аккуратно переезжать перекрёстки, не скользить в гололедицу... Многому тебе ещё надо учиться, милый.

— А главное, не спорь с Гришей, — советовал Старый Грузовик. — Гриша — хороший шофёр, он всё понимает, что тебе нужно.

— Я сам знаю, что мне нужно!

При этих Бибишкиных словах почтовые машины тихонько посмеивались: «Эх, ты, мальчишка! совсем ещё глупенький!» А у Бибишки фары мрачнели от обиды.

Спор

Хотя мартовские дни становились всё длиннее и теплее, по ночам ещё потрескивали морозы, и в гараже было холодно.

В одну из таких ночей Старый Грузовик заскрипел всеми рычагами и рессорами:

— О-ох! Скверное моё здоровье... Скверное... Заболел я, простудился... О-ох!

Эмочка тоже задрезжала:

— Я мерзну! Я мерзну! Я стою в луже воды... У меня под колёсами ледяная вода. Я могу заболеть ревматизмом. А ведь я нервная, я легковая...

Остальные машины притихли.

— Плохо живём! — опять застонал Старый Грузовик. — Разве это настоящий гараж? Это сарай! Скверно живём...

— Я, наверное, ещё ни разу не видел настоящего гаража, — сказал Бибишка. — Неужели наш гараж такой плохой?

— Плохой! Плохой! Не хотим тут жить! — со всех сторон зарокотали машины.

— Я желаю сказать свое слово! — раздался хриплый, простуженный голос из дальнего угла. — Я желаю спорить с вами всем!.. Ви должен быть счастлив, что живёт в такой гараж!..

Это говорил грузовик по прозвищу «Иностранец». Его потому так прозвали, что он был выкрашен ярко-ярко-жёлтой краской; уж и не знаю, право, кому это пришло в голову покрасить грузовик в такой нелепый цвет!.. Но самое главное: этому грузовику кто-то переставил сигнал с заграничной машины, поэтому он всегда гудел не своим голосом.

Впрочем, и цвет, и сигнал самому Иностранцу очень нравились. И он даже нарочно старался говорить неправильно. И нарочно старался держаться в стороне от других машин, выкрашенных обыкновенной краской.

— Зачем мечтать о новый гараж? — продолжал Иностранец. — Ведь новый гараж нужно долго строить. А наш народ устал строить. Кругом все строить и строить... Это тяжело. Гораздо легче — покрасить жёлтой краской. Можно даже с красненькой крапинкой... Это великолепно! Люкс-лю-юкс!..

Что означают последние слова — Иностранец и сам не знал, но ему нравилось гудеть непонятно.

— Да! — сказал Иностранец. — Наш народ не имеет сил построить новый гараж...

Ох, что тут поднялось!

Все грузовики зафырчали, затарахтели, загремели.

— Не слушайте его!

— Он ничего не понимает!

— Откуда ты знаешь наш народ!

— Я знаю, свой шофёр Бублик, — отвечал Иностранец. — Бублик не хочет строить гараж.

— Бублик просто лентяй, — сказала Эмочка. — Он только о себе думает.

— Я тоже есть думать о себе. Это правильно. Каждый думать о себе сам! Я стою в этой гараж на сухом месте. Надо мной не каплет. Лю-юкс!

— А до остальных тебе нет дела?!

— Мы все должны жить в хорошем гараже!

— Построим новый гараж!

— Правильно!

— Верно!

— Ду-ду-ду!

— Би-би-би!

Машины гудели. Шум поднялся такой, что даже ночной сторож мог бы проснуться... если бы, конечно, кто-нибудь разбудил его.

Эмочка плачет

В тот момент, когда автомобили особенно громко шумели и кричали, внутри Старого Грузовика что-то щёлкнуло и он умолк. Наконец, все угомонились. Эмочка спросила:

— Как ты себя чувствуешь, Старый Грузовик? В ответ — ни слова.

— Отзовись, Старый Грузовик! Ты меня слышишь? Молчание.

— У него, наверное, есть, испорчен мотор, — произнёс Иностранец. — Он, наверное, умирать...

Маленькая чёрная Эмочка заплакала.

Они очень дружили со Старым Грузовиком. Почти всю войну были рядом. Вместе помогали фронту.

Между прочим, ты не думай, что если Эмочка — легковая машина, то ей и жилось легко.

Когда шла война, Эмочка много трудилась. Она возила начальников; а те были трудолюбивые и беспокойные люди.

Старый Грузовик тоже целыми днями, неделями, месяцами всё перетаскивал на себе тяжести: с вокзала на завод — обломки фашистских танков, а с завода на вокзал — бронебойные снаряды.

Только иногда, по ночам, машины встречались в гараже. Но от усталости даже говорить не могли. Молча стояли рядом.

...Война давно кончилась. Обе машины теперь работали на почте. И думали, что долго-долго будут вместе...

И вдруг — такое несчастье!..

Утром

Утром, раньше всех других шофёров, в гараже появился Гриша. Он сразу же заметил: ночью тут что-то произошло.

Сквозь открытую дверь сияла ранняя заря, и автомобили шурились от света. Только фары Старого Грузовика мерцали тускло, безжизненно... Гриша подошёл к нему, осмотрел внимательно и покачал головой.

— Он умер? — спросила Эмочка.

— Нет! — ответил Гриша. — Старый Грузовик не умер. Но он тяжело болен... Его надо лечить — капитальный ремонт ему нужен, вот что... Он будет жить. Непременно будет!

Все машины обрадовались. А больше всех Эмочка. Она верила Грише и даже разговаривала с ним.

...Помнишь, я тебе сказал, что люди никогда не слышали, как вещи беседуют между собой. А раз никто этого не слышал, значит, никто, наверное, не сможет и понять — чего хочет какая-нибудь машина, о чём она думает, о чём мечтает?..

Но, оказывается, есть такие люди, которые прекрасно понимают жизнь вещей!

Хочешь, верь — хочешь не верь, но наш шофёр Гриша умел разговаривать с машинами. Конечно, не сразу у него это получилось. Но Гриша много прочитал специальных книг, знал свое шофёрское дело.

Человек он был умный, весёлый и, главное, добрый.

А машины, как люди, любят, когда с ними хорошо обращаются.

Кто поедет?

Когда Старый Грузовик был здоров, то каждый день возил почту в деревню.

Теперь он заболел... Кто же поедет вместо него? Ведь почта должна быть доставлена вовремя.

Бибишка был уверен, что в деревню пошлют именно его.

Но начальник гаража решил иначе:

— Вместо Старого Грузовика почту повезут Иностранец и шофёр Бублик.

Иностранец обрадовался: хорошая работа. А шофёр по фамилии Бублик почесал небритый подбородок и сказал, зевая:

— Ладно... поеду... Велика важность!.. Деревни не видал Бублик, что ли?..

Сел за руль, нажал педаль и медленно выехал на улицу.

«Подумаешь!..»

А Славный Дружок с Гришей тоже получили важное поручение. Они должны были отвезти Старого Грузовика в больницу, для капитального ремонта.

Когда Гриша уселся в кабине, Бибишка даже задрожал от нетерпения. Сердце его стучало

часто-часто: «тук-тук-тук-тук-тук!»

— Эх, понесёмся же мы сейчас по городу! Би-би-и! Колёса у меня новенькие! Бензина — полный бак. Смотрите, «почтовые», как мы помчимся! Би-би-и!

— Осторожно! Не торопись! — шепнула Эмочка.

— Подумаешь! — ответил Бибишка.

К Старому Грузовику привязали крепкую стальную проволоку; другой конец этой проволоки прицепили к Бибишке.

Поехали!

Очень гордился Славный Дружок: вот он такой маленький, а тащит за собой огромную машину, которая послушно едет туда, куда он захочет.

— Давай, Гриша, поедem быстрее!

— Нельзя, Бибишка. Скользко.

— Подумаешь — скользко!.. Эй, пешеходы! Би-би-и! Берегитесь, люди. Уступайте дорогу! Би-би-и!

— Потихе, потихе, Бибишка!.. Нельзя так... Смотри: красный свет на перекрёстке!

— Подумаешь! Что нам красный свет!.. Нам побыстрее надо — мы больного везём. Би-би-и!

— Осторожно, Бибишка: поворот!..

— Подумаешь! Что нам — пово...

Трррах!

Ох, как плохо получилось!..

Маленький Бибишка успел повернуться, а тяжёлый Старый Грузовик во время быстрого поворота раскатился по скользкой мостовой и с разгона ударился кузовом о фонарный столб. Доски кузова хрустнули и сломались... Бедный Старый Грузовик!

У Бибишки даже мотор замер.

А Гриша не выдержал и сказал сердито:

— Что я говорил?.. Эх ты!.. И не стыдно тебе?..

Очень стыдно стало!.. Так стыдно, что Бибишка даже покраснел: только никто этого, к сожалению, не заметил, потому что был он выкрашен в тёмно-зелёный цвет.

Теперь они поехали медленно-медленно. Бибишка уже не торопился попусту.

Когда приехали в больницу, он даже побоялся взглянуть на Старого Грузовика.

— Прости меня, Старый Грузовик... Поправляйся скорее... Досвиданья!..

Этот случай многому научил Славного Дружка и Гришу. Они долго не могли забыть его.

Славный Дружок понял, что шофёра надо слушаться.

И Гриша тоже понял, нельзя давать Бибишке волю; нужно крепче держать руль.

Да, ничто в жизни не проходит даром. Каждый день мы чему-нибудь учимся...

Бибишка капризничает

А вскоре начали строить новый гараж.

Строили его по соседству со старым. Люди трудились с удовольствием. Машины всю помогали строителям.

Почтовые грузовики теперь возили не только письма да посылки, но, случалось, и доски, и цемент, и кирпич. Возили быстро, аккуратно — каждому не терпелось поскорее переселиться в новую квартиру.

Даже Эмочка и та старалась изо всех сил; доски и кирпич на ней, конечно, не повезёшь, но ящик с гвоздями, электрические изоляторы, шпингалеты для окон, дверные ручки... — всё это старенькая машина возила добросовестно и бережно.

Иностранец почти совсем не работал на стройке и на строителей поглядывал с удивлением.

— Ви есть напрасно стараться, — говорил он Эмочке. — Всё равно сила у вас не хватит... Нет, вам не сделать гараж.

— Сделаем! — отвечала Эмочка. — И ты первый попросишься к нам в новый дом.

— Я?!. Ни за что!.. — гудел Иностранец. — Я люблю мой старый дом. Я привык к старому гаражу. Он весь очень вкусно пахнет бензином. Люкс!

— Там слишком опасно пахнет бензином, — возражала Эмочка. — Вдруг вспыхнет пожар?

— О! Я не боюсь пожар. Я есть очень железный, очень сильный. Нет, я не пойду в новый гараж. Я очень люблю старый. Я там отлично живи!

И ярко-ярко-жёлтый грузовик неторопливо проезжал мимо строительства.

А Бибишка, наш Славный Дружок — Бибишка, вначале работал хорошо — хлопотал, спешил. Он думал, что большой гараж можно выстроить за один день, как в сказке... Но оказалось, что настоящая стройка — дело серьёзное, как тут ни спеши, а за один день ни за что не справишься.

И Бибишке вдруг стало неинтересно, скучно. Вот беда с ним, право! Что за характер у человека!..

Опять я оговорился — хотел сказать «у машины», а получилось «у человека»... Ну, да ведь и нас тоже лень одолевает иногда. Ведь мы подчас тоже бываем похожи на упрямого Бибишку!..

Он возил песок. И всё время тихонько ворчал:

«Не хочу я возить песок! Это всё Гришины руки заставляют меня ездить медленно,

осторожно... Вот избавиться бы мне от этих упрямых рук да вырваться на волю — уж я бы тогда помчался во весь дух... Надоел мне Гриша... Вот возьму, да и не поеду сейчас с ним...»

Но Гриша настойчиво нажимал педаль, и Бибишка ехал куда нужно.

— И тебе не стыдно, Славный Дружок! — говорил Гриша.

Смотри, как другие машины работают.

— А я устал, — отвечал Бибишка... — Я маленький.

— Неправда! Не с чего уставать — ты делаешь нетяжёлую работу... А если будешь капризничать, я рассержусь на тебя!

— Не имеешь права сердиться, — фыркнул грузовичок. — Ты должен меня любить и делать так, как я хочу!..

Вот поговори с ним!

И ведь, пожалуй, всё это потому, что Гриша слишком баловал Бибишку и постоянно нахваливал: «Ты у меня красивый, ты у меня маленький, ты замечательный!..»

А Бибишке хотелось одного: белую полосу на кузов да почту возить.

Но не всегда мы делаем то, что хотим. Надо делать то, что другим нужно.

Прошло некоторое время

Строительство гаража было в полном разгаре. Уже выросли кирпичные стены; на них легли тяжёлые стальные балки; вот-вот и крыша засверкает новеньким листовым железом.

А сибирская весна развернулась широко и привольно! Давно стаял снег. На улицах продавались лиловые фиалки и жёлтые «огоньки». Люди с удовольствием сбрасывали с себя тёплые ватные пальто и меховые шапки. На реке зычно перекликались пароходы. Почки деревьев набухли и готовились вытолкнуть из себя молодые ярко-зелёные листочки.

В один из таких превосходных дней в старом гараже появился человек. В одной руке он держал кисть, а в другой — небольшое ведёрко с белой масляной краской. Человек подошёл к Славному Дружку, прищурился и вдруг — нет, это даже представить себе невозможно! — начал выводить на зелёных досках кузова белую полоску!

Посмотрел бы ты в этот момент на нашего Бибишку! Он замер от гордости и счастья. Вот оно, наконец, свершилось!.. Он стал почтовым грузовиком! И больше не будет целыми днями таскать глупые груды песка. Он завтра же... нет, сегодня же!.. поедет развозить посылки, письма, газеты, журналы, деньги... И все люди станут ждать его с нетерпением: ведь он всем везёт радость!

Сегодня же! Сегодня же он поедет с почтой! Он стал взрослым! Никто уже не посмеет давать ему советы! Никто не будет больше его учить и бранить! Хватит! Вот теперь-то начнётся великолепная жизнь! Ур-р-ра!

Гриша беспокоится

— Ты думаешь, что всё теперь можешь? — спросил Гриша, взглянув на важничавшего

Бибишку. — Ошибаешься. Ведь ты скверно учился, и в жизни тебе придётся туго. Не знаю, как дальше станешь работать...

— Хорошо буду работать! Увидишь!

— Я уже видел... Намучился с тобой на стройке.

— А мне там не нравилось работать — слишком тесно, и всё кругом знакомо. Скучно возить песок по одной и той же короткой дорожке... Вот повезём почту, и я покажу себя! Ведь я — молодой, сильный. Никто меня не догонит.

— Не хвастайся, — нахмурил Гриша брови. — Подумай лучше о завтрашнем дне. Мы завтра письма повезём в деревню.

— А я хочу — сегодня!

— Нет, завтра. У тебя ещё белая полоса не обсохла...

Неожиданная встреча

Погожим утром Славный Дружок и Гриша выехали из гаража.

Дорога предстояла дальняя. Раньше в ту деревню, куда они должны были ехать, почту возили на лошадях — грузовиков не хватало. А теперь Начальник решил послать туда Бибишку. Правда, говорят, дороги там не очень хорошие, но ведь Славный Дружок — машина сильная, а Гриша — шофёр опытный.

...Перед тем как побывать на Главной почте и погрузить в кузов мешки с письмами, Гриша заехал домой, чтобы взять какую-нибудь тёплую одежду — вдруг возвращаться ночью придётся.

Во дворе Гришиного дома Бибишка увидел — кого бы ты думал? — старую свою знакомую — долгополую Шубу! Она висела на верёвке посреди двора.

Бибишка так удивился этой встрече, что даже фары его как будто расширились.

— Здравствуйте... — робко произнес он.

— А-а!.. Привет, привет! — лениво ответила Шуба. — Что это вы так удивленно смотрите на меня? Не ожидали встретить? Разве вы позабыли, что я здесь живу? Ведь отец вашего шофёра — мой усатый кондуктор.

— Я это помню... А что вы здесь делаете, во дворе?

— Принимаю солнечные ванны. Набираюсь сил перед курортом.

— На какой же курорт вы поедете?

— Ах, не говорите!.. Курорт местного значения с каким-то странным названием: «Чу-Лан». Разумеется, усатый кондуктор с удовольствием послал бы меня куда-нибудь подальше... Но его сын посоветовал в Чу-Лан. Ах, мне всё равно. В моей жизни всё миновало, молодость прошла!.. Хвать-Похвата я уже никогда не встречу, радостей осталось мало... В Чу-Лан, так в Чу-Лан... Безразлично...

Однако побывать на курорте Шубе не пришлось. Гриша схватил её и швырнул в кабину: «Поехали, мохнатая, может, пригодишься в дороге».

— Вперёд, Славный Дружок!

...В тот момент, когда они выезжали со двора, произошло маленькое чудо, которого, впрочем, никто не заметил: из земли, что была насыпана в глиняный горшочек (он стоял на окне в Гришиной комнате), вдруг пробился тонкий стебелёк!.. Ты догадался, что это за стебелёк?.. А ну-ка, подумай...

Помнишь — Гриша когда-то купил мандарины?.. Вот этот стебелёк-то и вырос из твёрдого зёрнышка того отважного мандарина, который не боялся смерти. И, как видишь, храбрец был прав. Стебелёк пробился сквозь землю и закричал нашим друзьям:

— Счастливого пути! Хорошей вам погоды!..

Жаль, что никто его не услышал.

...А Гриша с Бибишкой заехали на Главную почту, Гриша положил в кузов два мешка с письмами и — в дальнюю дорогу.

Эй ты, Шуба! Лежи себе тихо и не ворчи... Слышишь, как колёса поют!..

Везут почту

Колёса пели свою нескончаемую песенку. Славный Дружок заливисто и весело кричал: «Би-би-и!». Гриша, улыбаясь, шурился от яркого солнца, что заглядывало в кабину. Шуба топорщилась на кожаном сиденье и раздраженно вздыхала. А в кузове...

А в кузове, в кожаных мешках, тесно прижавшись, друг к другу, шептались письма. У каждого было что рассказать.

Деловые письма говорили серьёзно и малопонятно:

«Предлагаем вам во исполнение циркулярных директив обратить внимание на инструкцию за исходящим номером...» и так далее.

Очень странно выражались эти письма; и кто только их сочинял!

Зато треугольнички со штампом «Воинское» говорили просто и ясно:

«Живется мне, дорогая мамаша, очень хорошо, чего и вам всем желаю. Я обещаю, дорогая мамаша, как следует выполнять всё, что прикажет Родина!»

Хорошенькие открыточки с яркими цветами наперебой повторяли: «Поздравляю!.. Желаю счастья!.. Будьте здоровы!.. С днем рождения!.. Поздравляю!..»

В самой глубине мешка, меж других писем находилось ещё одно — тоненькое-претоненькое, коротенькое письмо с неровными каракулями в одну строчку: «Папочка, приезжай скорее, бабушка очень больна». Это письмо лежало тихонечко, а его бумага совсем побелела от волнения... Оно очень боялось опоздать.

...Конечно, Бибишка не слышал, о чём шептались письма. И не до того ему было. Главное сейчас заключалось в быстрой езде по мягкой просёлочной дороге.

Маленькие голубые лужицы бросались под колёса машины. Ветер обдавал прохладным дыханием разгоряченный мотор. Ветви встречных берёз тянулись к Славному Дружку и словно хотели погладить его по крыше кабины.

Хорошо ездить быстро! Хорошо, когда ты молод, когда в тебе столько силы! Хорошо жить на свете!

Вправо или влево?

Вдруг Гриша нажал на тормоза, и Бибишка остановился. Впереди в чистом поле стоял полосатый столб, а за ним шли две дороги: одна вправо, другая влево. По какой ехать?..

Гриша задумался.

«Ах, зачем мы остановились? — шепнуло в кузове тоненькое письмо. — Скорее, скорее! Я боюсь опоздать...»

— Ну, Славный Дружок, в какую нам сторону? — спросил Гриша. — Я впервые еду в эту деревню... дорогу толком не знаю. Вот неприятность... Поедем направо, а?..

— Раз человек говорит «направо», — сказала Шуба, — я бы на вашем месте, грузовик, поехала налево!

— Налево! — воскликнул Бибишка, послушавшись Шубу. И они поехали налево.

— Ой, не туда мы едем! Нам надо направо! — зашептало тоненькое письмо, но опять его никто не услышал.

Бибишку украли

Дорога, по которой они решили ехать, привела в лес.

Здесь было сумрачно и сыро. Угрюмые деревья обступили путь. Толстые корни вылезли из влажной земли, а между ними застоялась чёрная затхлая вода.

Трудно путешествовать по такой дороге, и Гриша всё сдерживал Бибишку, заставлял его ехать помедленнее. Но Славный Дружок рвался вперёд; ему не терпелось поскорее выбраться из леса. Он подпрыгивал на корнях, проваливался в неглубокие ямы, задыхался от запаха прелых прошлогодних листьев.

...Неужели они едут не в ту сторону?..

Вдруг Бибишка выбежал на полянку; деревья тесно зажали её в кольцо, и от этого она казалась совсем маленькой. В стороне от дороги темнела покосившаяся избушка.

Гриша остановил машину, вылез из кабины и зашагал к избушке: может, там кто-нибудь живёт и покажет правильную дорогу.

Но едва только Гриша вошёл в избушку, как из-за деревьев выскочили два человека и опрометью бросились к Славному Дружку.

— Ж-живо! — прошипел один из них, забираясь в кабину.

— Живо! — нажал другой на педаль.

— Хвать-Похвать! Мой Хвать-Похвать! — радостно воскликнула Шуба.

А Хвать-Похвать, цепко зажав руль жирными пальцами, круто развернул машину и на полной скорости погнал её по лесной дороге.

«Узнал! Он меня узнал!..»

Всё произошло так быстро, что Бибишка растерялся. Фары его залепило грязью, он плохо разбирал дорогу. Натыкаясь на кустарники, шаркая кузовом о стволы деревьев, Бибишка мчался стремглав, ни о чём не думая. Он даже не понимал, что произошло!

— Хвать-Похвать! — стонала от счастья Шуба. — Как я рада! Как я рада!

Хвать-Похвать сперва не обращал на Шубу внимания. Он хотел побыстрее удрать от Гриши. И только когда они, наконец, выбрались из леса, Хвать-Похвать сказал своему приятелю:

— Вроде знакома мне эта Шуба... Ага, так и есть!.. Я её носил, когда кондуктором работал.

— «Работал»!.. Го-го-го! — захохотал приятель. — «Работал»... Скажешь тоже!..

— Узнал! Он меня узнал, — радовалась Шуба. — Вот счастье!.. Имейте в виду, грузовик: вами управляет сейчас редкий человек! Вы должны его слушаться!..

Бибишка не отвечал. Он бежал с невероятной скоростью. Ещё ни разу в жизни ему не приходилось ездить так быстро. И никто его не тормозил, никто не сдерживал. Вот хорошо-то!.. Кажется, в самом деле Хвать-Похвать — редкий человек. В приятную компанию попал Славный Дружок!

Грабят почту

Теперь они катили по широкому шоссе.

Мимо пролетали и оставались позади перелески, вспаханные поля, деревянные мостики, редкие домики... Вихрем пронёсся Бибишка мимо встречных автомобилей, прохожих, велосипедов... Всё мгновенно появлялось и исчезало, только серая тяжёлая пыль крутилась в синем весеннем воздухе.

— Удача! — сказал Хвать-Похвать.

— Повезло нам! — отозвался его приятель. — Ничего не скажешь — повезло! Не каждый день удаётся украсть грузовик с почтовыми мешками.

— Брось болтать. Скажи лучше, что дальше будем делать?

— А вот сейчас остановимся и пощупаем мешки. Ой, удача!.. Там, наверное, деньги!

Хвать-Похвать остановил Бибишку.

— Не свернуть ли нам в сторону? — спросил он приятеля.

— Не надо. Кто нас тут увидит?.. Людей поблизости нет. Давай, Хвать-Похвать, скорее!..

Воры забрались в кузов и попытались развязать один мешок. Но он был завязан прочно. Воры и так, и сяк — ничего не выходило.

— А! Только время теряем! — крикнул Хвать-Похвать и, достав из-за пазухи острый нож, полоснул им по мешку.

Оттуда потоком хлынули открытки с яркими цветочками.

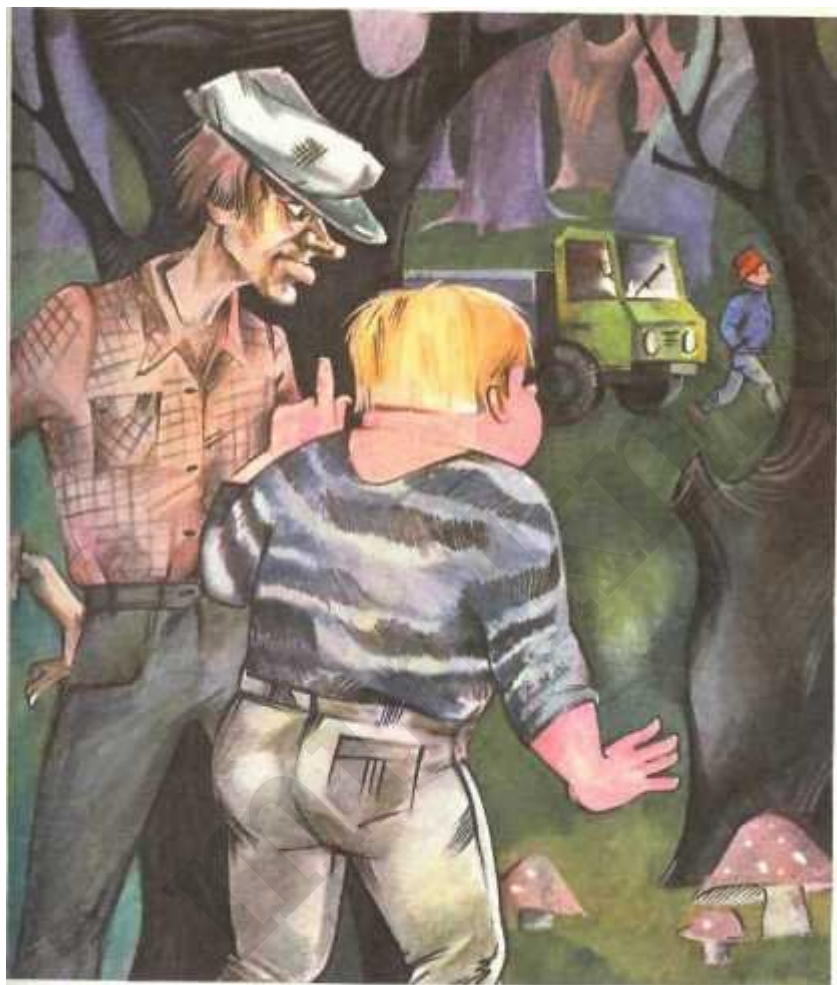
— «Поздравляю!.. Желаю здоровья! С днем рожденья!..» — зашумели открытки.

Хвать-Похвать отшвырнул их ногой, и они легкими бабочками полетели по шоссе.

— Нет здесь денег!

— Наверное, в другом мешке...

Но и в другом мешке были только письма.

— Проклятье! — закричали воры и в ярости стали грязными сапогами топтать конверты и открытки. — Проклятье!

— Ах, несчастный Хвать-Похвать! — вздыхала Шуба. — Бедненький, несчастный!..

Запачканные письма сыпались из кузова прямо на дорогу. В сторонке, возле канавы валялось тоненькое письмецо: «Папочка, приезжай скорее, бабушка очень больна!»

А в это время Гриша...

Увидев, что Бибишку украли, Гриша бросился вдогонку. Задыхаясь, обдирая лицо и руки о ветки деревьев, спотыкаясь о пни и корни, он бежал прямо по лесу, чтобы хоть немного

сократить расстояние.

Однако когда Гриша, наконец, выбрался на дорогу, Бибишки, конечно, и след простыл. Разве под силу человеку догнать машину!

Усталый, измученный шофёр брёл по просёлочной дороге и вдруг увидел старенький, запылённый грузовичок. Грузовичок не торопясь ехал по своим колхозным делам.

Гриша закричал: «Стой! Стой!»- и отчаянно замахал руками.

Шофёр грузовичка заметил Гришу, остановил машину. Гриша подбежал и в двух словах объяснил, в чём дело.

...Эх, и понеслись же они! Старенький грузовичок старался изо всех сил; он уже позабыл, когда ему приходилось бегать с такой скоростью... Мотор завыл, стонали рессоры, дребезжал кузов, а деревянная кабина шаталась из стороны в сторону...

Вот и шоссе.

— А ну, ещё быстрее! Поднажми, старичок! Не робей!..

Колхозный шофёр пригнулся к рулю, а Гриша смотрел вперёд на дорогу и в стороны: не виднеется ли где-нибудь Славный Дружок... Нет, ничего не видно. Лишь сверкает на солнце асфальт да мелькают кустарники, мостики, поля... Но что это?..

— Стоп! — крикнул Гриша. — Письма на дороге!

Оба шофёра в одну минуту подобрали разбросанные конверты и открытки. Все подобрали... кроме тоненького письмеца, которое так и осталось лежать в стороне, возле канавы.

Но где же Бибишка?..

Погоня

У Хвать-Похватя испортилось настроение. Как же — думал, в мешках деньги, а там — письма.

Приятель его тоже сидел мрачный и злой.

Ехали теперь медленнее, чем раньше, озираясь по сторонам, чтобы свернуть в лес. Но подходящей дорожки не попадалось. Обернувшись, Хвать-Похвать увидел, что их догоняет какой-то плохонький грузовичок.

Хвать-Похвать прибавил скорость.

Грузовичок начал отставать.

Бибишка мчался легко и радовался, что никто его не может догнать. Издали он услышал голос Гриши:

— Стой, стой, Славный Дружок!

— Ах, не обращайтесь внимания, — сказала Шуба. — Не останавливайтесь... Разве этот Гриша позволял вам бегать так резво?.. Не останавливайтесь. Слушайте Хвать-Похватя; с ним нам будет спокойно и приятно.

— Стой, Бибишка! Стой, Славный Дружок! — кричал Гриша. Колхозный грузовичок выбивался из сил.

— Ну, ещё!.. Ещё немного! — уговаривал его Гриша. — Сейчас... Сейчас догоним!..

Воры сообразили, что их хотят поймать.

Хвать-Похвать нажал на педаль, и Славный Дружок полетел быстрее птицы!

«Вот она — настоящая свобода! — думал Бибишка, задыхаясь. — Вот как я умею бегать!.. Не то, что с Гришей!.. Только мне что-то дышать трудно... Ничего, ничего... Зато я бегу быстро...»

— Молодец, грузовик! — визжала Шуба. — Я вас хвалю, слышите?.. Мы убежим от этого Гриши! Мы будем жить с Хвать-Похватом. И вам уже никогда не надо будет больше работать! Слышите?.. Вы не будете работать! Мы заживём спокойно, неподвижно!..

«Спокойно?.. Неподвижно?.. Не работать?..»

В этот момент Бибишка вспомнил, что его родители — рабочие! Он подумал, что никогда не хотел жить спокойно, неподвижно... И почему он должен делать так, как хочет эта мохнатая Шуба? Ей бы только валяться, околачиваться без дела... А Бибишке всегда нужна работа!..

И письма... Почему они выбросили письма? Ведь письма нужны людям... Ах, зачем же я бегу сейчас так быстро?.. Я задыхаюсь, я больше не могу... Гриша, Гриша!.. Гриша, где ты?..

— Стой, Бибишенька!.. Остановись, родной!.. — донёсся Гришин голос.

И тогда Славный Дружок нарочно свернул в сторону, перекатился через канаву и всеми колёсами въехал в размокшую, липкую глину.

— Проклятье! — заорали воры. — Проклятый грузовик! Куда ты нас завёз?.. Как нам отсюда выбраться?!

Хвать-Похвать отчаянно нажимал на педаль; мотор работал, но колёса бесполезно крутились на месте; жидкая глина вылетала из-под них...

— Надо подложить что-нибудь под колёса, чтобы не скользили! — крикнул Хвать-Похвату его приятель.

— Мы погибли! — застонала Шуба. — Надо бежать!.. Хвать-Похвать выскочил из кабины, потащив за собой Шубу.

— Ах, как я счастлива! — обрадовалась она. — Хвать-Похвать не оставляет меня здесь; даже в эту минуту он вспомнил обо мне!.. Он возьмёт меня с собой!.. Какое счастье!.. Добрый Хвать-Похвать!..

«Добрый» Хвать-Похвать жирными пальцами взял глупую Шубу за подол... и затолкал её под колёса.

— Я погибаю! Я умираю, — пропищала Шуба. Колёса прижали её к глине и проехали по ней.

— Вперёд! — заорал Хвать-Похвать, холодный пот выступил у него на лбу. — Бежим!..

Но в этот момент Гриша и колхозный шофёр настигли воров.

Попались!

Воры сидели в кузове колхозного грузовика. Руки у них были связаны.

— Попались! — сказал Гриша.

— Попались... — грустно согласился Хвать-Похвать.

Славный Дружок вздыхал и вздрагивал. Он опять получил урок: надо уметь отличать плохих людей от хороших, иначе легко можно угодить в дурную компанию, в неприятную историю...

Поехали обратно по шоссе. Впереди колхозный грузовик со связанными ворами. Позади — забрызганный грязью Бибишка.

Небо слегка потемнело. Набежавшая тучка просыпала на землю редкие капли дождя.

Хвать-Похвать с приятелем съёжились: дождь попадал им за шиворот. Глядеть на них было противно.

Вдруг на шоссе показался мотоцикл с коляской. Там ехали два милиционера. Гриша попросил их остановиться и рассказал им всё.

Милиционеры обрадовались:

— А мы этих жуликов давно ищем. Спасибо вам, товарищи шофёры, что поймали их... Давайте-ка их к нам в коляску, мы отвезём голубчиков куда следует...

Так и сделали.

Милиционеры уехали в одну сторону. Колхозный грузовик — в другую...

А Бибишка с Гришей поспешили в деревню, где ждали почту.

А что с Шубой?

Э! Ленивой Шубе тоже, кажется, пришёл конец. Она лежала в грязи и стонала:

— Ой, болит моя шкура!.. Ой, всё по швам расплзается... Погибаю!.. Помогите!..

Действительно, все про неё забыли.

И валялась она измятая, мокрая с разорванными рукавами.

Тут она вспомнила, что ей говорили когда-то мандарины...

«А может быть, это хорошо, что я лежу на земле?.. Может быть, я снова вырасту из земли?..»

Но для того, чтобы подняться из земли, нужно иметь в себе твёрдое зёрнышко. А зёрнышка-то у лентяев никогда не бывает.

— Спасите! — кричала Шуба. — Возьмите меня с собой!.. Конечно, я — глупая, ленивая... Только не оставляйте меня!.. Возьмите!..

Но все её оставили.

«Поспешим!»

А Бибишка ехал по шоссе.

Вдруг он остановился. В стороне, возле канавы что-то белело. Ну, конечно же! — это тоненькое письмо мокло под дождиком!

Гриша подобрал его, осмотрел со всех сторон. Конверт расклеился, из него высунулся листик бумаги с каракулями: «Папочка, приезжай скорее, бабушка очень больна»... Видно было, что письмо сильно страдало — каждая буква в нём плакала, расплываясь по бумаге.

Гриша бережно положил письмо рядом с собой на кожаное сиденье, где прежде валялась Шуба.

— Умоляю вас, товарищ грузовик, — прошептало письмо, — поедemте поскорее! Я буду показывать дорогу.

— Хорошо, — ответил Славный Дружок. — Мы поспешим. Би-би-и!..

...К вечеру они добрались до нужной деревни. Человек, которому были адресованы заплаканные каракули, попросил Гришу довести его до города.

— Дочка просит приехать, — объяснил человек.

— Мы это знаем, — ответил Гриша. — Верно, Славный Дружок?

— Би-би! — подтвердил автомобиль. — Конечно, мы всё знаем.

— Садитесь в кабину, — сказал Гриша. — Садитесь... Сейчас поедem в город.

— А может быть, вам лучше переночевать в деревне?.. Вы, наверное, устали; да и грузовик ваш измучился...

— Отдыхать некогда. И вас нужно побыстрее в город привезти — ведь бабушка очень больна...

Славному Дружку хотелось отдохнуть. Он устал и утомился за день. Но он видел, сколько беспокойства в глазах незнакомого человека! Да, Гриша прав — надо немедленно ехать. Разве можно отдыхать, когда человек беспокоится, девочка волнуется, а бабушка болеет!

И хоть никто не учил его этому, Славный Дружок понял: отдыхать можно только тогда, когда всё вокруг тебя спокойно.

Он понял это сам, без посторонней помощи и подсказки. И поэтому мы можем с тобой сказать, что Бибишка стал, наконец, взрослым.

Стал взрослым

Бибишка — Славный Дружок стал взрослым!

Дело не в том, что от роду ему было ещё совсем немного. Иной ведь и до старости живёт беззаботно, как дитя, а иной с юных лет начинает жить по-взрослому.

...После первого путешествия в деревню, после тех приключений, которые произошли в дороге, — все в гараже стали относиться к Бибишке иначе. Уже несколько раз он рассказывал Эмочке,

как его хотели украсть, как он помог поймать воров... И автомобили слушали его с любопытством. Ведь такие истории случаются очень редко.

Славный Дружок так же, как и все «почтовые», стал ежедневно ездить за город с письмами, газетами, иногда с деньгами.

И всё, кажется, было теперь хорошо... Но только после отчаянной езды с Хвать-Прхватом где-то в самой глубине Бибишкиного мотора появилась трещинка. Маленькая, совсем незаметная. Даже сам Бибишка её не почувствовал...

Друзья

Тому, кто работает, всегда кажется, что время бежит быстро. Гриша и Славный Дружок трудились честно, без лени; они не заметили, как пробежал целый год...

Шофёр и грузовик привыкли друг к другу. Гриша изо всех сил ухаживал за своей машиной; всегда следил, чтобы у Бибишки вдоволь было масла и холодной воды, чтобы фары сияли ярко, чтобы в кузове было чисто. Весной Гриша украшал кабину веточками черёмухи, летом — синими цветами — колокольчиками, осенью — гроздьями красной калины...

Бибишка тоже по-своему заботился о Грише. Он больше не спорил с ним, не капризничал, начинал работать по первому Гришину слову. Ездил осторожно, подчиняясь Гришиным рукам.

Человек и машина любили и уважали друг друга.

Прошло полтора года

Жил Бибишка теперь в новом гараже, рядом со Старым Грузовиком и Эмочкой. Сюда же переселились и все другие автомобили... Все, кроме Иностранца.

Иностранец остался в старом гараже. Он оказался очень упрямым!..

В новом помещении было сухо, светло, тепло, просторно. Жить там — одно удовольствие!

А в старом гараже по-прежнему чернели лужи на полу, протекала крыша и слишком пахло бензином.

И всё-таки Иностранец хвастался:

— О! Я есть отлично живи! Один! Никто мне не мешать делать, что хочу. В своём старый гараж я есть очень свободный машина!..

Даже маленький Бибишка смеялся:

— И на что тебе нужна такая «свобода»?

— Я делать, что хочу!

— А что же ты хочешь?

— Жить в старый гараж.

— А зачем?

— Чтобы быть свободный!

Нет, не понимал Иностранец, что значит настоящая свобода.

— Я в том сарае чуть не умер, — говорил Старый Грузовик, — да вот, спасибо добрым людям — вылечили меня... Иди, Иностранец, к нам!

Но Иностранец не хотел.

«Там слишком сильно пахнет бензином!»

Однажды летом Старый Грузовик ночевал во дворе, рядом со своим гаражом: то ли шофёр позабыл увести его под крышу, то ли душно ему было в гараже летней тёплой ночью... а может быть, он подждал Эмочку, которая уехала куда-то далеко и до сих пор ещё не вернулась.

Ночь была тёмная, звёздная. Всё тихо вокруг. Машина и люди отдыхали.

И вдруг в старом гараже раздался крик:

— Алло! Сюда!.. Здесь есть на электропроводке загореться маленький огонь!..

Это кричал Иностранец.

За закрытой дверью нового гаража заволновались машины:

— Огонь в старом гараже!.. Это опасно!

— Там слишком сильно пахнет бензином!..

— Сторож! Где сторож?..

— Старый Грузовик, зови скорей людей!

— Что я могу поделаться без шофёра? — воскликнул Старый Грузовик. — Я не могу сдвинуться с места.

— Шофёры! Где вы, друзья?..

— Спасайте Иностранца!

— Скорее!.. Зовите пожарных!..

Кто-то крикнул:

— Иностранец! Постарайся как-нибудь потушить огонь!

— Я не могу! — слышалось из старого гаража. — Я здесь один... Помогите!..

Наконец, сторож увидел языки пламени.

Он побежал вызывать пожарную команду.

В старом гараже всё гудело, как в огромной раскалённой печи. Чёрный дым смешался с жёлтым пламенем. Искры разлетались по всему помещению.

— Я погибаю! На помощь!.. — кричал Иностранец; теперь-то он говорил правильно, не коверкая слова. — Спасите!..

Но чем можно было помочь несчастному? Старый Грузовик весь дрожал от ужаса. Он видел, как искры взлетали в тёмное небо. Видел, как рухнула обгоревшая крыша...

Раздался оглушительный удар — это у Иностранца взорвался бак с бензином.

— Бедняга!.. Погиб... — прошептал Старый Грузовик. — Какое счастье, что здесь нет Эмочки, она бы умерла от страха...

Но в этот момент Старый Грузовик заметил, как от горящего здания побежало пламя к новому гаражу. Оно хитро прыгало по двору и подкрадывалось к плотно закрытым дверям, за которыми стояли автомобили.

И вот тогда случилось чудо.

Тогда Старый Грузовик сам, без шофёра, сдвинулся с места и загородил дорогу огню!

Ух, как обозлился огонь! Он бушевал и метался вокруг Старого Грузовика. Уже загорелась краска на кабине. Задымились резиновые шины на колёсах...

— Не бойтесь, друзья! — крикнул Старый Грузовик своим товарищам. — Я не пушу огонь дальше... Сейчас приедут пожарные... Не бойтесь!..

Старый Грузовик горел посреди двора, как светлый факел. А там, вдали, на улице, уже показались пожарные.

— Я вижу их! — радостно кричал Старый Грузовик. — Они мчатся на помощь! Они спасут моих товарищей!

И в тот же миг на мелкие кусочки разорвался испытанный мотор Старого Грузовика.

...Примчались пожарные. Они приехали очень быстро — быстрее даже, чем ты прочитал эту страницу.

Но чем могли помочь пожарные Старому Грузовику и Иностранцу?..

Тот, кто пожелал жить один, без друзей, бесславно сгорел дотла. Сгорел, заваленный обломками гнилого здания.

И мужественно, светло погиб тот, кто защищал своих товарищей от беды.

...После того, как огонь был потушен, какой-то пожарный удивился:

— Неужели вправду Старый Грузовик сам задержал пламя?.. Это — просто сказка!

А что ж, геройские поступки и в самом деле часто кажутся нам сказкой.

И Эмочка уехала...

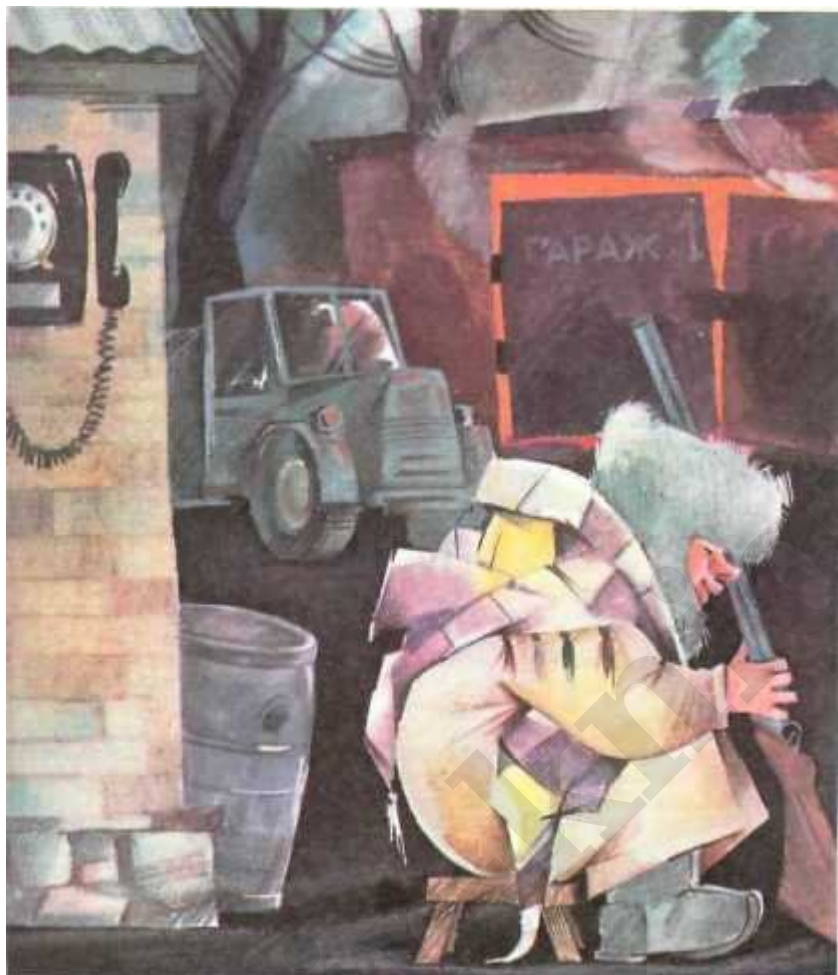
Все машины очень горевали.

Особенно страдала чёрненькая Эмочка. Она всё вспоминала своего друга — Старого

Грузовика. Вспоминала прожитые годы.

И от этих воспоминаний, от этой тоски здоровье Эмочки стало портиться, силы убывали. Ездил она всё медленней, часто останавливалась в дороге.

Начальник гаража понял, что Эмочке не стоит жить здесь, где всё напоминает ей о потерянном друге.

И Эмочку направили на другую работу, поселили в противоположном конце города.

С этих пор Бибишка больше не встречался с нею.

Гриша напевает песенку

Загрустил Славный Дружок.

Он привык к своим соседям. Привык каждый вечер рассказывать Эмочке всякие истории, что случались с ним за день. Привык к серьёзным разговорам со Старым Грузовиком.

И вот теперь их нет.

...Скучно, скучно стало Бибишке. Если бы не Гриша, то совсем плохо пришлось бы ему.

Но Гриша — самый верный, самый добрый друг — теперь особенно заботливо относился к Бибишке. Он подолгу беседовал с грузовичком, рассказывал ему о своем отце — усатом кондукторе, о мандариновом деревце, что росло всё выше и пышнее.

А иногда Гриша напевал вполголоса нехитрую песенку:

Мы с тобою — ты да я —
Неразлучные друзья.
Едем, едем мы с тобой
По дороге, по любой!
Солнце светит, дождь идёт,
Ветер дует, снег метёт —
Нас с дороги сбить нельзя.
Мы — отважные друзья!

Бибишке нравилась эта песенка.

На работу в колхоз

Уже полтора года прожил Бибишка в большом сибирском городе.

Однажды Гриша сказал ему:

— Завтра едем в деревню.

— Как всегда? Повезём почту?..

— Нет. Мы поедем работать в колхоз. Поможем убирать урожай.

А урожай в ту осень был такой большой, что сами колхозники ни за что не справились бы с уборкой. И на помощь им из города поехали рабочие, студенты, школьники старших классов...

Хлеб — дело общее, его все едят, он всем нужен. А раз так, то и работа на полях — тоже дело общее.

— Разве, — спросил Бибишка, — своих грузовиков у колхозников мало?

— Грузовиков у них много, — ответил Гриша, — но ведь зерна-то ещё больше!

— А кто же будет возить почту?

— Кого-нибудь пошлют... Урожай сейчас — самое важное.

— Раз важное, значит, — едем.

Степь осенью

Приходилось ли тебе когда-нибудь видеть спелую пшеницу в сибирских степях?.. Если не приходилось, тогда ты и представить себе не можешь — до чего же это красиво!

На десятки километров вдаль и вширь колышется золотой океан. Его волны медленно перекачиваются из края в край необозримой степи...

Добрая земля взрастила эти колосья. Каждый колос бережно хранит в себе твёрдые спелые зёрна.

Сколько тут таких колосьев?.. Сосчитать их невозможно, даже если бы ты занимался этим всю жизнь, без сна и без отдыха.

Колосья тихо шепчутся меж собой; если прислушаться, то можно разобрать, как они гордятся: «Х-хорош-ш-ша пш-ш-шениц-ца! Хорош-ш-ша пш-ш-шениц-ца!»

А над степью — синее небо.

Редкие облачка медленно движутся по нему, не торопятся — им тоже хочется подольше полюбоваться на красоту земли сибирской, на урожай этот.

Не во всех местах осень бывает так красива, как здесь, в Сибири. Дни — прозрачные, ясные, тёплые. Ночи — тёмные, с большими блестящими звездами. А до чего же красив восход солнца над степью, когда всё небо медленно загорается жёлто-красным огнём!..

Но лучше всего сибирская степь вечером, во время заката. Тогда в небе по всему горизонту вырастают огромные разноцветные корабли — красные, оранжевые, фиолетовые; они как будто замерли над этим золотым океаном.

И ни в какой сказке невозможно описать их волшебные паруса и узорчатые флаги.

Потому-то, наверное, и вкусен наш русский хлеб, что созревает он среди такой удивительной красоты. Потому-то, наверное, и славится Сибирь своим зерном.

Но нам некогда долго любоваться золотистой степью. Погода осенью переменчива: сегодня солнце, а завтра может дождь полить.

Надо торопиться убирать урожай.

И в степь приходят люди. Много людей.

В прозрачном осеннем воздухе слышатся песни, рёв тракторов, гул комбайнов, сигналы автомобилей...

Спешите, люди!

Веселее работайте, машины!

Урожай не ждёт — каждая минута дорога. Скорее!..

От комбайна на пристань

Когда Бибишка первый раз увидел комбайн, то испугался даже. Он смотрел и не верил глазам: катится по полю громадная машина, сама срезает колосья, сама их обмолачивает и отдельно выбрасывает солому, отдельно — зерно; сбоку у комбайна труба такая, и из этой трубы, как вода из крана, льётся, льётся, льётся пшеница... Ну и машина!

Гриша подвел Бибишку к комбайну: из трубы в кузов полилось зерно.

Полный кузов насыпали.

И без промедления Славный Дружок поехал через степь к реке, на пристань. Там зерно грузили в пароходы. А пароходы повезут пшеницу в город. В городе её перемелют в муку. Из муки многое сделать можно: хлеб, пироги, ватрушки, печенье, пирожные...

Когда ты сегодня завтракал, то, конечно, не задумался над тем, сколько труда вложили люди и машины в тот маленький кусочек хлеба, который ты проглотил в один момент.

А вот Славный Дружок видел, как с утра и до ночи и с ночи до утра кипела в степи весёлая работа. Здесь все старались не отстать друг от друга.

Бибишка тоже торопился перевезти от комбайна на пристань как можно больше зерна.

...Вначале работать было приятно. Стояли сухие, погожие дни. Десятки грузовиков прикатали чёрную землю, и степные дороги стали гладкими, ровными, похожими на асфальтовое шоссе.

Хорошо ехать по такой дороге с полным кузовом зерна. Эй, вперёд!!! Не задерживай! Спешите! Би-би-и! Хорошо чувствовать себя здоровым, сильным!

Бибишка бегал быстрее всех автомобилей, никто не мог угнаться за ним.

Он весь покрывался густой дорожной пылью. Но Гриша каждый вечер купал его в реке; Славному Дружку это очень-очень нравилось — он терпеть не мог грязи...

Гриша тоже работал без усталости; отдыхал совсем немного. Да и не до отдыха теперь, когда время такое горячее.

Словно ветер, летал по степи Славный Дружок. А рядом с ним и навстречу ему спешили другие грузовики. Шофёры улыбались. И то здесь, то там проносилась песня:

По дорогам пропылённым,
Жарким солнцем опалённым,
Всё спешат,
Спешат,
Спешат грузовики.
Наступили трудовые,
Трудовые-золотые,
Долгожданные
Весёлые деньки!
Дорога, дорога!
Путей на свете много...
Гудит испытанный мотор.
И мимо леса,
Мимо гор
Бежит, бежит дорога!..
Нет на свете лучше груза,
Чем тяжёлый полный кузов
Золотистого
Целинного зерна;
Принимай наш хлеб, сибирский,
Наш подарок богатырский,
Дорогая
И любимая страна!
Дорога, дорога!..
Ещё ровней немного!
От дома к дому пролегла,
Зовёт на славные дела
Весёлая дорога!

Под дождём

Неожиданно погода испортилась.

Посыпался мелкий бесконечный дождик.

Сначала дороги просто стали скользкими — уже не поедешь по ним быстро. Потом появились лужи. Земля размокла, сделалась липкой, тяжёлой, колёса с трудом крутились.

А урожай-то ещё не убран. Хоть и немного осталось, но надо же убрать всё, до последнего колоска.

Серые, влажные колосья опустились до земли, тяжело стало их скашивать, обмолачивать. Комбайны ревели с досады, медленно передвигаясь под дождём.

С мокрыми лицами, с покрасневшими руками, в мокрых телогрейках и плащах, в грязных сапогах — люди упорно работали.

Без сна и без отдыха

Представь себе такую картину.

Пасмурный осенний день. Солнца совсем не видно. Над степью идёт дождь. Холодно.

По чёрной расплывшейся дороге, проваливаясь в лужи, весь заляпанный грязью, двигается грузовичок, доверху нагруженный зерном. Это — наш Бибишка — Славный Дружок. Но что с ним? Его невозможно узнать!.. Усталый, измученный, он спешит к пристани.

Гриша не улыбается, не поёт, как бывало. Не до песен сейчас. Глаза у Гриши красные, воспалённые. Но шофёр зорко глядит сквозь дождь, выбирая дорогу получше... А где сейчас получше? Везде одинаково плохо — лужи, лужи, лужи, грязь, грязь, грязь...

«Эх, не повезло нам с тобой, Бибишка», — думает Гриша; и так ему хочется лечь куда-нибудь да уснуть покрепче... Но нельзя!

А Бибишка ни о чём таком не думал. Если ему бывало трудно, он повторял про себя смелое слово: «Вперёд!» — и делалось легче.

Было в степи такое место, где дорога проходила через узенькую речушку; даже не речушку, а ручеёк неприметный.

Пока не было дождей, ручеёк этот переезжали быстро, без задержки. Бибишка любил почувствовать прикосновение холодной воды; она приятно освежала его, разгорячённого работой.

Но теперь ручеёк стал и впрямь похож на речку. Мутная вода пенилась и бурлила меж топких берегов.

— Ну, Славный Дружок, разбегись получше!.. — воскликнул Гриша. — Давай с ходу!.. Прыгнем!

Бибишка прибавил скорость. Мотор заревел, как бешеный.

Ух, ты! Вихрем скатились с бережка; вихрем пронеслись по воде, вихрем...

Нет, не смогли они вихрем подняться на другой бережок... Тут земля совсем размякла и стала

похожа на какую-то серую сметану. Колёса завертелись в этой сметане, но уцепиться-то им было не за что...

— Ну, ещё немного, Славный Дружок!.. — кричал Гриша. — Ну, ещё, миленький!.. Давай!..

Но как ни старался грузовичок — ничего не получилось. Пришлось остановиться.

Гриша вышел из кабины, и ноги его почти по колено утонули в грязи.

Попросить бы кого-нибудь помочь... Вокруг не видать ни одной машины... Жди, когда они приедут! Ведь сейчас ездят осторожно, медленно...

Да и разве можно сидеть на берегу и ждать?! Время дорого! Ни за что не будут они ждать!

Бибишка чуточку отдохнул, и Гриша снова уселся за руль. Опять заревел мотор, опять колёса завертелись на месте... Всё без толку.

— Не могу, Гриша, — признался Славный Дружок. — Не могу... Очень тяжёлый груз у меня. Вот если бы его...

Гриша рассердился:

— Если бы высыпать зерно, да?.. Ты понимаешь, что говоришь?.. Куда его высыпать?.. В грязь, в ручей?.. Молчи лучше!

— Но я же не могу...

— Неправда. Сможешь!.. Я тебе сейчас помогу.

Из кабины Гриша достал лопату с короткой рукояткой и принялся отшвыривать грязь с дороги. Работа эта была неприятная: жидкая грязь стекала с лопаты, как вода... А дождь всё лил и лил...

Гриша работал не разгибаясь. Спина у него заныла, заболела; руки отяжелели; в ушах звенело и стучало... Но всё-таки он добился своего: добрался до сухой земли. Ну, хоть и не совсем сухая земля была там, внизу, под грязью, хоть и поливал её дождик, но всё-таки не такая уж была она жидкая.

— Попробуем ещё разочек, Славный Дружок...

Бибишка поднатужился... и чуть-чуть сдвинулся с места: колеса зацепились за сухую землю и — раз, два, три, четыре! — вскарабкались на бережок!

— Би-би-и! Вперёд!

Ничего не скажешь — дружная работа!

Всё хорошо... Только где-то, в самой глубине мотора, чуть-чуть расширилась маленькая трещинка...

Награда

Долго в ту осень лили дожди. Но до тех пор, пока не убрали весь, до последнего зёрнышка урожай, никто не ушёл с поля. Ни один человек, ни одна машина.

И колхозники, и горожане, которые помогали им, — все трудились очень хорошо. Но лучше всех — Славный Дружок и его шофёр Гриша!

Маленький грузовичок во всякую погоду возил зерно от комбайна к пароходам. И комбайнеры удивлялись: как это ловко у него получается — только что уехал с пшеницей на пристань и вот уже снова тут с пустым кузовом!

И за то, что Бибишка отлично делал своё дело, люди решили прикрепить к его кабине красный флажок: пусть каждый знает, что во всей неоглядной степи нет лучше работников, чем Гриша и Славный Дружок.

Устроили торжественное собрание. Оно, конечно, было коротким — некогда сейчас долго разговаривать. Но и в такую горячую пору всё-таки нашлось время, чтобы сказать: «Спасибо за доблестный труд!».

Председатель колхоза произнёс хорошую речь. И комбайнеры тоже хвалили Бибишку. Даже Начальник пристани и Капитан парохода приехали на это собрание, чтобы поблагодарить наших друзей за честную работу.

Бибишка скромно стоял в сторонке, фары его сияли от счастья! Красный флажок развевался над кабиной.

А Гриша сидел в кругу колхозников, и они похлопывали его по плечу, приговаривая:

— Молодец, парень! И автомобиль твой молодец!.. Спасибо вам, ребята, за помощь...

И даже дождь перестал капать. Небо прояснилось на часок, глянуло солнышко, и заблестели, засверкали под его лучами мокрая трава, вода в ручейке, лужи на дорогах... Праздник получился коротким, но зато радостным, весёлым.

Домой, в город

После этого Бибишка стал ездить ещё быстрее. Ещё громче раздавалось в степи залиvistое «би-би-и!».

Остальные грузовики старались не отставать от него: все равнялись на наш грузовичок. Он хоть мал ростом, но красный флажок его далеко виден каждому!..

И урожай, наконец, был убран. Всё зерно увезли с поля!

Когда работа закончилась, Председатель колхоза заботливо сказал:

— А теперь, Гриша, оставайся здесь на недельку отдохнуть. И Бибишке отдых нужен...

Гриша ответил:

— Спасибо за приглашение. Но отдыхать нам некогда. Надо в город спешить. Осень кончается, не ровён час — снег повалит. Трудно будет по снегу пробираться: дорога-то дальняя. Спасибо. До свиданья!

А Бибишка подумал:

«Правильно Гриша решил; надо скорее в город. Я соскучился по своему гаражу... И почту возить хочу».

До свиданья, товарищи колхозники! Когда будет нужно — позовите нас опять. Мы всегда рады вам помочь! До свиданья!.. Би-би-и!

Новые соседи

Славный Дружок был в колхозе, а в гараже за это время появились новые машины.

Теперь рядом с Бибишкой, на том месте, где раньше стояла Эмочка, красовалась великолепная легковая машина «Волга». Она была окрашена в голубовато-зелёный цвет, и про неё говорили, что «Волга» похожа на морскую волну.

Бибишка с восторгом смотрел на новую соседку. Белый руль, пушистые ковры на сиденьях, маленький радиоприёмник.

«Вот бы подружиться с нею! — думал Славный Дружок. — Подружиться и жить всегда рядом, как жили Старый Грузовик и Эмочка...»

А «Волга», кажется, не обращала внимания на Бибишку! Она, правда, с интересом выслушала его рассказ об уборке урожая, о комбайнах, о пароходах на реке...

Но каждому в гараже было ясно, что «Волга» успела уже подружиться с громадным новым грузовиком по имени Маз.

На капоте Маза был изображен дикий бык — зубр. И сам Маз тоже походил на быка — тяжёлого, сильного, быстрого.

«Волга» стояла между Бибишкой и Мазом и всё повторяла про себя весёлые песенки, которые днём напевал её радиоприёмник.

«Ничего, ничего! — думал Бибишка. — Вот завтра она увидит, как быстро и ловко я бегаю, и тогда будет относиться ко мне иначе... Этого тяжёлого быка я легко сумею обогнать, да и „Волгу“ тоже... Скорее бы день наступил!..»

Первые перебои

На следующее утро все три машины выехали из гаража одновременно.

«Сейчас я им покажу!» — решил Бибишка.

— Му-му-му! — бычьим голосом рявкнул Маз.

— Ди-ди-ду! — пропела «Волга».

И обе машины промчались мимо ошеломлённого Бибишки.

— Би... — кратко крикнул он, захлебнувшись от обиды. А Маз и «Волга» уже скрылись вдаль.

...И в этот несчастный день мотор Бибишки впервые работал не так ровно, как всегда, а с небольшими переboями...

— Что это с тобой, мой милый? — удивлялся Гриша. — Что случилось? Неужели заболел?..

Бибишка не отвечал. В его радиаторе клокотала вода.

Гриша осмотрел мотор, подтянул гайки, добавил масла, переменял воду. Славный Дружок мало-помалу успокоился и стал работать, как обычно.

...А вечером в гараже «Волга» заговорила неожиданно ласково:

— Начальник, которого я вожу, сказал, что вы, Славный

Дружок, имеете почётную награду!.. Это правда?.. У вас есть красный флажок?..

— Есть, — признался Бибишка.

— А за что вы его получили?

— За работу.

— Значит, вы хорошо работали, верно?.. А почему же вы не носите эту награду?

— Гриша сказал, что хвастать не нужно.

— А вы сами как думаете?

— Я тоже так думаю. Ведь другие смогли бы сделать, наверное, больше меня, лучше, быстрее...

И Бибишка, вздохнув, покосился в сторону Маза.

— Вы, оказывается скромный! — сказала «Волга». — Это хорошо. Давайте будем дружить?

— Ах, давайте! — с радостью согласился Бибишка. — Только...

— Что «только»?

— Только вы бегаёте быстрее меня: мне вас не догнать... Вы гораздо моложе... И, кажется, дружите с Мазом?..

— Ну и что же! Мы будем дружить втроём!.. Согласны, Маз?

— А мне всё равно, — ответил Маз; он, наверное, ещё плохо понимал, что значит настоящая дружба.

...Бибишка был счастлив!

С этого вечера они всегда беседовали втроём — рассказывали друг другу о том, что видели за день, кого встретили. Иногда «Волга» пела им новые песенки, услышанные по радио. А Бибишка давал советы юному Мазу:

— Езди осторожно; не торопись попусту; учись делать повороты...

Горе

Хорошо было Славному Дружку.

А Гриша стал какой-то беспокойный — то весело смеялся, то вдруг задумывался о чём-то... И не раз Славный Дружок замечал, что, когда Гриша смотрел на него, глаза у шофёра становились грустными, печальными.

Что случилось с Гришей?

Однажды он пришёл в гараж очень рано: осмотрел Бибишку, проверил мотор, вымыл кузов, протёр фары, сменил масло, воду...

— Мы опять собираемся куда-нибудь далеко? — спросил Бибишка.

Шофёр ласково погладил Бибишку, вздохнул:

— Нет, Славный Дружок, мы больше с тобой никуда не поедем. Пришла пора нам расстаться... Меня приняли в институт.

Я буду теперь студентом, учиться буду...

Бибишка плохо понимал, что такое «институт», что значит «быть студентом»... Но он даже не спрашивал об этом. Он только думал: «Как хорошо, что я железный, — никто не увидит моих слёз...»

Славному Дружку захотелось посадить Гришу в кабину и увезти куда-нибудь далеко-далеко, где нет ни институтов, ни студентов... А он-то думал, что они с Гришей никогда не расстанутся, всегда будут вместе...

— Я, наверное, очень плохой? — шёпотом произнёс он, наконец. — Конечно, я очень плохой, если ты уходишь от меня...

— Нет, Славный Дружок, ты — замечательный! Мне было с тобой хорошо. Но, понимаешь ли, я должен учиться...

— Зачем это тебе? Ты и так всё знаешь.

— Что ты, Бибишенька! Я знаю слишком мало. А мне хочется стать учителем математики, физики...

— И мы с тобой не увидимся больше?

— Н-не знаю... Может быть... Не знаю... До свиданья...

— Не увидимся мы больше!.. Прощай.

Славный Дружок хотел крикнуть: «Би-би!», но от волнения и горя смог выговорить только «б-б...»

Широко расставленными, неподвижными фарами он всё смотрел, смотрел на уходящего Гришу.

Вот Гриша помахал рукой, повернулся... Вот он побежал... ещё раз оглянулся... и скрылся за углом.

Прощай, Гриша! Прощай!..

И трещинка в моторе раздалась ещё шире.

Шофёр Бублик

С этого дня для Бибишки началась другая жизнь.

Его шофёром стал Бублик.

Бублик любил только сладко поспать да вкусно поесть. А в автомобилях разбирался неважно и уж, конечно, не умел разговаривать с ними.

Все грузовики он называл «железяками» и считал, что «железяки» для того и существуют, чтобы возить на себе Бублика.

Начальник гаража сказал ему:

— Берегите, Бублик, Славного Дружка. Это хороший грузовик! Помните, что на уборке урожая его наградили красным флажком. Вы отвечаете за машину.

— Не видел Бублик железяк, что ли? Нажал, крутанул и поехал!..

Бублик так грузно уселся на кожаное сиденье, что пружины застонали. Нажал педаль, крутанул руль и действительно поехал.

Без внимания и заботы

Теперь Бибишка старался ездить особенно хорошо.

«Какой бы шофёр ни сидел за рулем, — решил он, — но я должен работать как полагается: ведь я родился в рабочей семье».

И опять — за неделями недели, за месяцами месяцы — он возил почту из города в деревню и из деревни в город.

Иногда Бублик дремал за рулём. Но Славный Дружок ни разу не сбился с дороги. Путь был хорошо известен, колёса сами знали, куда ехать.

Вот плохо то, что Бублик не хотел думать о грузовичке: редко менял масло, воду, редко мыл его и совсем не разговаривал с ним.

Мало-помалу и Бибишка сделался молчаливым, угрюмым. Мотор его часто работал с перебоями, а голос стал хриплым, простуженным.

Бублик ничего не замечал, но сердился на Славного Дружка за то, что он ездил теперь медленнее, чем прежде, уставал быстро.

— Ух ты, железяка! — ворчал Бублик. — Погоди, доберусь я до тебя!.. Что, Бублик не шофёр, что ли? Крути, давай!

Друзья беспокоятся

Одна радость была у нашего грузовичка — беседовать по ночам с автомобилями.

При этом никогда он не жаловался на своё здоровье, не жаловался на Бублика.

«Зачем говорить, что у меня понемногу портится мотор? — думал Бибишка. — Мотор тут ни при чём. Просто — старость подходит... Годы идут, идут... и скоро меня будут называть уже не Бибишкой, а Старым Грузовиком... И жаловаться тут не на что...»

Маз и «Волга» заметили, что Славный Дружок чувствует себя плохо. Они видели, что краска на нём поцарапалась, фары потускнели, белая полоса почти стёрлась.

— Вам, Славный Дружок, нужно отдохнуть, — говорила «Волга». — Вы устали.

— Ничего. Силы ещё есть! — бодрился Бибишка.

— Отдохните, — говорил Маз. — Я с удовольствием вас за меню...

— Нет уж! — хмурился Бибишка. — Каждый должен делать свое дело!

И он тревожно засыпал.

«Волга» тихонько напевала ему песенку, а молодой Маз ворчал: «С этими стариками никогда не сговоришься».

Трещина в моторе

Однажды — это было зимой — Бибишка и Бублик, как обычно, повезли почту в деревню.

Туда они доехали благополучно. А на обратном пути вдруг началась метель. Злой ветер срывал с полей снег, поднимал его, крутил в тёмном небе и со страшной силой бросал на дорогу.

Наш грузовичок смело пробивался вперёд. Грудью рассекая ветер, он упрямо карабкался на сугробы. Дело это было для него привычное — не впервой сражался он с метелью.

Только на этот раз Бублик поленился напоить Бибишку и дать ему свежего масла. Да и бензина маловато осталось в баке.

...Впереди замелькали огни города.

А снег всё валил и валил. Вот уже и дорогу нельзя разглядеть. И ночь приблизилась.

Бибишка торопился, как мог. Мотор его дрожал от непосильной работы.

— Давай, железяка! — покрикивал Бублик. — Крути! Боишься, что ли?

Нет, Славный Дружок не боялся. Но ему было очень жарко. Все раскалилось внутри.

— Воды!.. Масла!.. — просил он. Но Бублик не понимал Бибишку.

Славный дружок чувствовал, что заболевает; не хватало сил, чтобы поворачивать колёса в глубоком снегу... Он задыхался... Фары то и дело гасли... И тут он сбился с дороги и заехал в большой сугроб.

— А чтоб тебя! — заорал Бублик. — Погубить меня хочешь, что ли?.. Крути! Город близко!..

Другой бы шофёр вылез из кабины, достал бы лопату, разгрёб снег и помог бы автомобилю. Но Бублик даже лопату позабыл взять в дорогу!..

Бибишке было нелегко бороться с ветром, с колючим снегом.

От непосильной работы трещина в моторе ещё больше расширилась, и из неё сочилось горячее масло... Прошло ещё около часа, и мотор замер.

— У! Железяка! Помирать мне тут с тобой, что ли? — зло крикнул Бублик.

Он выбрался из кабины и, по пояс утопая в снегу, зашагал к городу.

Бибишка остался один среди метели. Ему сделалось холодно.

В кузов, на почтовые мешки сыпался снег. А ветер выговаривал страшным голосом:

Вью-ю-ю! Вью ю-ю! Вью-ю-ю! Вью-ю-ю!

Всех сейчас с пути собью-ю-ю!..

Заверчу и закружу-у-у!..

В снег холодный положу-у-у!..

Выручили

Неожиданно сквозь завывание ветра послышался ровный гул сильного мотора. Яркий луч осветил Бибишку.

— Да ведь это Славный Дружок! — воскликнул кто-то.

К Бибишке подбежал человек, заглянул в кабину и удивился:

— А где же Бублик?.. Неужели — бросил машину?.. И почту бросил?! Вот безобразие!.. А ну-ка, Маз, выручай своего товарища.

Молодой могучий Маз объехал Бибишку, встал впереди. Человек соединил обе машины толстой стальной проволокой.

Маз легко вытащил замерзшего Бибишку из сугроба и осторожно повёз в город.

От усталости и холода Славный Дружок совсем закованел и даже не понимал, что с ним происходит.

Зато Маз радовался: он спас своего старшего товарища...

А где же Бублик?

В ту метельную ночь Бублик, конечно, добрался до города; только обморозил нос.

За то, что он оставил в беде машину, бросил почту, Бублика выгнали из гаража. И теперь он торгует горячими пирожками возле бани. Вот эта работа в самый раз по нему!

А мальчишки с нашей улицы прозвали его «Бублик с красным носом».

В Бибишке не нуждаются

Бибишка наш совсем ослаб.

Он теперь редко-редко выезжал из гаража. А когда это всё-таки случалось — двигался медленно, часто останавливался...

Надо было отправить его в больницу, для капитального ремонта, но кто-то решил, что незачем ремонтировать этот маленький грузовичок. В гараже появилось много новых автомобилей с большими кузовами, с сильными моторами.

И в Бибишке особенно никто не нуждался.

Зима кончилась. За нею на журавлиных крыльях пролетела весна. Снова наступило лето.

Славный Дружок отогрелся под тёплым солнышком. И хоть не было прежних сил, он бегал проворнее, чем зимой; дороги стали сухими, ровными.

«Вот бы сейчас в степь! — мечтал Бибишка. — Помочь бы колхозникам, как бывало... Ведь уже скоро урожай поспеет. Ах, как хочется ещё разочек поработать в поле... Я же не старый ещё... Неужели я больше никому не нужен?..»

Снова в путь!

И в один из летних дней пришла в гараж девушка — шофёр Галя.

Она внимательно осмотрела Бибишкин мотор. И заметила там трещинку, которую уже можно было увидеть простым глазом.

Позвала Галя опытного механика. Тот заделал трещинку. Бибишке дали бензин, воду, масло...

А потом Галя принесла откуда-то бумажные плакаты и наклеила их на кузов, на дверцы кабины.

Плакаты закричали разноцветными буквами:

«Цирк!.. Цирк!..»

«Привет товарищам колхозникам!»

«Спешите к нам на представление!»

«Цирк!.. Цирк!..»

Славный Дружок не понимал, в чём дело. Что происходит?

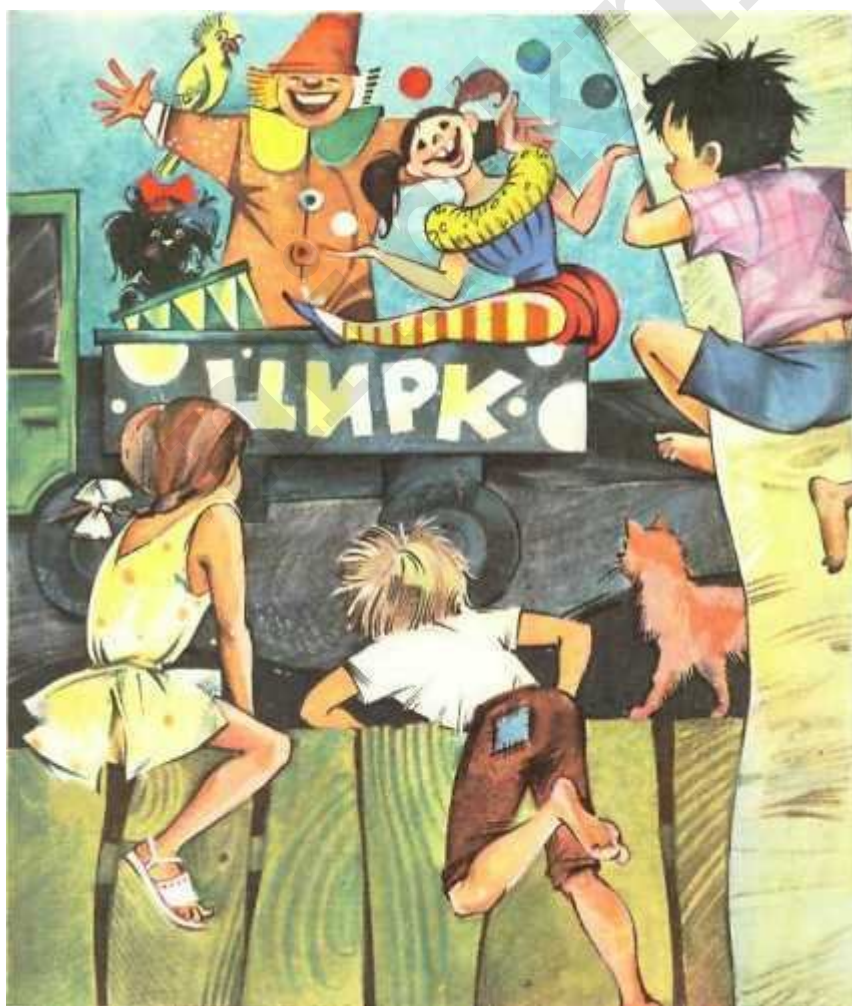
Но ты, конечно, понял: это артисты цирка собрались ехать в деревню, выступать перед колхозниками.

Правда, артистам хотелось получить большой грузовик. Но Начальник гаража сказал им:

— Возьмите Бибишку; он уже бывал в колхозах, ему там многое знакомо... Я бы послал его на уборку урожая, но теперь на поле нужны сильные машины, ведь зерна теперь собирают гораздо больше, чем раньше. А Бибишка, к сожалению, стал слабенький — тяжёлый груз возить не может... А вас-то он доставит куда нужно.

...И опять покатился Славный Дружок по просёлочным дорогам, по степям, по лесам — от деревни к деревне, от колхоза к колхозу.

Шофёр Галя не гнала его понапрасну, хотя артисты часто просили её: «Скорей, скорей!». Гале тоже хотелось, чтобы Бибишка бежал быстрее, но что поделаешь, если мотор совсем почти износился.

«Я ещё нужен!»

Едва Бибишка, весь обклеенный плакатами, показывался на колхозной улице — за ним толпой бежали ребяташки.

— Цирк приехал! — кричали они. — Здравствуйте!

— Здравствуйте-пожалуйста! — тонким голосом отвечал из кузова смешной клоун.

— Почём билеты? — спрашивали ребяташки. А клоун пищал:

Цены новые!

Билеты дешёвые!

Купите!

Спешите

Услышать мой смех!

Кресло — полтинник!

Ложи — дороже!

Выход обратно -

Бесплатно

Для всех!

Все вокруг смеялись и радовались. Вот хорошо-то! Цирк приехал! Цирк!

Прямо посреди колхозной площади устанавливали скамейки, строили сцену, на столбах подвешивали трапеции. И когда колхозники возвращались с поля — начиналось весёлое представление.

А Бибишка стоял где-нибудь возле забора и оттуда смотрел, как ловко артисты подкидывали в воздух мячики, как крутились акробаты, как забавно падал смешной клоун...

«Всё-таки я ещё нужен людям, — думал Славный Дружок. — Ведь это я привёз сюда артистов!»

«Вперёд! Только вперёд!»

Дело своё Бибишка делал как можно лучше.

Пусть болен, пусть ослаб, но работу свою он всё равно выполнит!

На подъёмах в гору он задыхался, мотор стучал глухо, как старый барабан... Но Славный Дружок всё повторял про себя смелое слово: «Вперёд!»

Вперёд! Только вперёд!

Вперёд, до той самой секунды, пока совсем не остановится мотор и не сломаются колёса!..
Пока бензин бежит по трубочкам — только вперёд!

...А вокруг зеленели рощи, наливалось зерно в колосьях, пели птицы в лесах, плескались рыбы в реках...

А вокруг стрекотали сенокосилки, гудели тракторы, самолёты пролетали в облаках, проносились по дорогам автомобили...

И всюду звенело это главное слово- «Вперёд!»

Снова в степи

Артисты приехали в тот самый колхоз, в те самые степи, где когда-то Славный Дружок помогал убирать урожай.

Видел бы ты, как обрадовались колхозники артистам! Но ещё больше, пожалуй, обрадовались они встрече с Бибишкой.

— Он был нашим хорошим помощником! — сказал Председатель колхоза, подойдя к грузовичку. — Много доброго сделали они тогда с Гришей.

Разглядев Бибишку получше, Председатель воскликнул:

— Что же стало со Славным Дружком?! Отчего он так плохо выглядит? Ведь это же совсем не старая машина. Что с ним сделали! Кто виноват в этом?

Галя объяснила, что во всем виноват Бублик; это из-за него Бибишка заболел.

— Ох! — вздохнул Председатель. — Испортить здоровье очень легко, а вот поправить трудно. Надо беречь своих друзей, заботиться о них надо!

Последнее усилие

А как обрадовался Бибишка, встретив хороших знакомых! Он даже почувствовал себя моложе и сильнее!

...В этот день колхозники начинали уборку урожая. И Славный Дружок захотел ещё раз повезти в своем кузове золотистое зерно от комбайна к пароходу.

Словно угадав это желание, Галя сказала колхозникам:

— Разрешите нам поработать вместе с вами!

И пока артисты готовились к выступлению, наш грузовичок с полным кузовом пшеницы покати к реке.

Едва завидев его вдаль, пароход затрубил обрадовано:

— Добро-о-о пожалова-а-ать!

Бибишка прибавил ходу.

Ему было очень трудно в этот раз. Очень трудно. Невмоготу...

Он весь дрожал под тяжестью груза. Но сейчас не думал о своей болезни, об усталости...

Он был счастлив тем, что работал, помогал людям.

Вот и река.

Пристань близко... Совсем немного осталось...

А мотор хрипит всё громче, колёса крутятся всё тише... Ничего, Галя, мы доедем до самой пристани... до конца... Довезём груз!..

Ещё одно, последнее усилие!..

Вот она — наша пристань. Приехали!

И в этот миг в моторе что-то щёлкнуло, зашипело, и он смолк.

Смолк, наверное, навсегда.

— Отработал грузовичок... — сказал кто-то шёпотом. А Галя заплакала.

...В тот же день неподвижного Бибишку втащили на палубу парохода и отвезли в город.

Склад на окраине

Снег, снег, снег...

Сыплется снег из тёмной тучи. Сыплется на крыши домов, на деревья, на заборы, на улицы... Скоро весь город станет белым.

Давно закончилась уборка урожая. Прошли последние осенние дожди. И вот медленно кружатся в холодном воздухе пушистые снежинки, как будто выбирают, куда бы им упасть?.. Хотят они лечь в такое место, где никто их не потревожит до весны, где тихо и безлюдно. Но в большом оживлённом городе немного найдётся таких укромных местечек. А что, если залететь на окраину города?..

Вот там, например, за длинным забором, виднеется какой-то скучный, унылый склад. «Полетим туда!» — говорят снежинки.

И летит снег над складом старого железа. Ложится на дырявые бочки, ржавые балки, погнутые трубы, прогоревшие духовки, сломанные станки...

Сколько тут мёртвого, бесполезного железа! Бесполезного?

Нет, оно принесёт людям пользу! Придёт время, и всю эту ржавую рухлядь бросят в раскалённые мартеновские печи, переплавят заново и сделают новые станки, новые трубы, новые балки, новые бочки и духовки...

...А снег всё падает на старое железо... падает и на маленький исковерканный грузовичок, что прижался боком к забору.

Никто не мог бы узнать сейчас в этом поломанном автомобиле нашего Славного Дружка. Застыл его мотор, покосилась кабина, погнулся руль, продырявились шины...

Он уже ни о чём не думает, ничего не желает. Про него, наверное, все позабыли. А на том месте, где он стоял когда-то в гараже, какой-нибудь новенький грузовик мечтает о белой полосе.

Падай, снежок, падай... укрывай Бибишку... Кому он теперь нужен?

«Здравствуй, Славный Дружок!»

И вдруг поблизости раздались весёлые голоса:

— Сюда, Григорий Иванович! Сюда!

— Смотрите, Григорий Иванович: вон он стоит у забора!

— Сюда, сюда!..

Перепрыгивая через куски ржавого железа, к грузовичку подходили школьники. Рядом с ними шёл высокий белокурый мужчина; он очень волновался и поэтому даже не смог сразу понять, куда ведут его ребята...

Но вот мужчина увидел, наконец, Бибишку и закричал:

— Славный Дружок! Здравствуй!..

Вздрыгнул грузовичок, услышав знакомый голос. Кто это зовёт его?.. Кому он понадобился?..

— Здравствуй, мой хороший, — повторил мужчина.

Да ведь это же Гришин голос!.. Старый товарищ вспомнил о Бибишке, пришёл к нему!

— Вот и встретились мы снова, — сказал Гриша.

Он ласково положил руки на Бибишкины заснеженные фары; из-под тёплых ладоней упали наземь тяжёлые прозрачные капли... Неужели это только снеговая вода?..

Ребята разбросали снег, вытащили грузовичок со склада и с большим трудом доставили к себе, в школьную мастерскую.

Почти всю зиму они лечили его; поставили новый мотор, заново сделали и покрасили кузов, надели крепкие шины на колёса, починили тормоза, рессоры, сигнал...

Конечно, всей этой тяжёлой и серьёзной работой руководил Гриша.

Постой! Почему мы с тобой называем его Гришей? Ведь он уже не Гриша, а Григорий Иванович! Будущий учитель!.. А пока что студент, который решил научить школьников управлять автомобилем.

Счастливого пути!

Настоящая дружба делает чудеса, каких и в сказке не встретишь.

Руки друзей оживили Бибишку. Он снова стал молодым и сильным — таким же, как прежде.

Правда, не было больше на нём белой полосы; впрочем, и на почтовых машинах её теперь не

рисуют... Но зато над Бибишкиной кабиной светилась маленькая надпись: «Учебный».

И когда он пробегал по шумным городским улицам — другие автомобили уступали ему дорогу. Все знали: этот грузовичок делает важное дело — учит ребят труду.

...Вот он мчится по проспекту — маленький, быстрый, ловкий; аккуратно делает повороты, осторожно тормозит у перекрёстков... Счастливый школьник сидит за рулём, а рядом — Григорий Иванович.

Вот они проезжают мимо дома Григория Ивановича. Кто там выглядывает в окно и приветливо машет рукой?.. Так ведь это же усатый кондуктор товарного поезда! Он теперь — почётный пенсионер. И все в нашем городе знают, что бывший кондуктор выращивает у себя дома отличные мандарины.

Славный Дружок кричит: «Би-би-и!»

А мандариновое дерево в ответ: «Живём!.. Растём!.. Счастливого пути, Бибишка!..»

Вот кончилась сказка.

Не сказка, а быль

Про школьный «учебный» автомобиль.

Ты тоже поедешь на нём, может быть;

Он многому сможет тебя научить:

Беды не бояться,

Вперёд пробиваться,

Свой путь находить среди сотен дорог..

Сказка кончается,

Быль продолжается —

Живёт и работает Славный Дружок!

КОТ КОТЬКИН

1981 г.

Вот Вотбыкин

Часть первая. ГОРОД

Цирк

Почти в самой середине нашего большого государства находится большой город.

Почти в самой середине большого города находится большой цирк.

А в самой середине этого большого цирка устроен круглый манеж (иногда его по старинке называют ареной).

И на этом круглом манеже каждый вечер выступают артисты. Они выступают и в дневное время, но только по воскресеньям.

Здесь можно увидеть акробатов, жонглёров, дрессировщиков. И конечно — клоунов.

Клоун

В цирке, да и в городе все очень любили замечательного клоуна, которого прозвали «Жура». Разумеется, он имел настоящее русское имя и фамилию. Однако на цирковых афишах он назывался «музыкальный клоун Жура». Так и мы будем звать его в нашей истории.

...Всё-таки надо объяснить, откуда появилось такое необычное прозвище. Дело в том, что наш клоун чем-то очень походил на журавля. Он был тоненький и высокий; ноги у него длинные-предлинные, шея длинная и даже нос — тоже длинноватый и остренький, как у птицы. Ну, чем не журавль!

А глаза у нашего клоуна были круглые. Ярко-голубые круглые глаза, которыми он смотрел весело и, может быть, чуть-чуть удивлённо. Но каждый, кто хоть раз заглянул в эти глаза, сразу же понимал, что Жура — человек добрый. На редкость добрый. Бесконечно добрый!

Этот клоун замечательно потешал людей. Размахивая длинными руками, словно крыльями, он рассказывал всякие весёлые истории. Высоко подкидывая тонкие ноги, необыкновенно забавно танцевал.

Но всем особенно нравилось, как он играет на глиняной свистульке.

Свистулька

Самая простая, грубо обожжённая деревенская свистулька из самой обыкновенной глины. Издали напоминала она маленькую птичку — что-то вроде воробья или чижики.

Свистулька — если на ней хорошо играть — инструмент замечательный! Что и говорить: прекрасно поёт скрипка, звонко заливается медная труба, далеко слышен бодрый стук барабана... Это всё инструменты серьёзные, без них не обходится ни один оркестр.

А что — свистулька? Так, мелочь какая-то: «фью-фью-фью» да «ти-ли-ли»...

Но когда Жура подносил к губам свою глиняную птичку, из её клювика вылетали вдруг такие нежные мелодии, такие ласковые напевы, что все зрители в цирке — все две тысячи человек! — моментально умолкали.

Это было похоже на чудо. Только что люди хохотали, глядя, как по-журавлиному приплясывает клоун; только что в цирке не было ни одного серьёзного лица; только что гремел оглушительный смех... И вдруг наступала тишина!

Две тысячи человек, как по команде, замирали и даже наклонялись вперёд, чтобы лучше слышать, чтобы не пропустить ни одного звука. Как будто бы клоунская свистулька говорила какие-то чрезвычайно важные вещи, как будто она объясняла то, что люди давно хотели понять.

Мелодия была самая простенькая, но всегда новая, не похожая на вчерашнюю. И каждый мог её сразу же запомнить. И всё было в ней понятно. И почему-то хотелось слушать ещё и ещё. А когда Жура медленно отнимал свистульку от губ, все кричали ему: «Ещё! Ещё сыграйте! Пожалуйста, не останавливайтесь!..»

И клоун уходил за кулисы под долгие дружные аплодисменты.

Ещё про свистульку

Другие артисты — другие клоуны и даже весьма серьёзные музыканты из циркового оркестра — тоже пробовали играть на глиняной свистульке. Иногда у них получалось неплохо. Но с Журой никто сравниться не мог. Только он умел играть так ясно, нежно и понятно. Только во время его игры в огромном цирке становилось совершенно тихо.

«В чём тут дело, в чём секрет?»- спрашивали у Директора цирка.

И Директор (он был чрезвычайно умный человек, который знал решительно всё на свете... но не точно!) отвечал так:

— Секрета вовсе нет. Ведь всякому известно, что чем добрее музыкант, тем лучше его музыка. А наш клоун невероятно добрый. Конечно, и свистулька у него особенная...

— А в чём же её особенность?

— В том, что слепил её знаменитый Профессор чародейства, фокусов и забав, который проживает в деревне Весёлые Горы.

— А где же находится эта деревня?

— Не близко, не далеко. До неё можно доехать на автобусе, но лучше всего туда лететь на самолёте. Там с одной стороны деревни — поля, пашни. А с другой — тайга, дремучий бор. А в том бору — прозрачное озеро. Чтобы замесить глину, Профессор брал воду из этого озера. Поэтому голос у пташки чистый и звонкий. К сожалению, громко играть на ней нельзя. А я лично обожаю громкую музыку — так, чтобы в ушах трещало!

— А кто научил играть вашего клоуна?

— Конечно, тот же знаменитый Профессор, Жура — его любимый ученик!

Джинсовая старуха

Директору всегда хотелось, чтобы на каждом представлении было очень много народу, чтобы все места в цирке были заняты, чтобы весь зал был забит до отказа. Конечно, для этого нужны были самые хорошие артисты.

Но публика ходила в цирк не столько для того, чтобы посмотреть этих самых хороших артистов, но главным образом, чтобы посмотреть и послушать Журу.

Над цирковым входом сияли буквы: «Сегодня и ежедневно!

Музыкальный клоун Жура и его волшебная свистулька! Приходите к нам — слушать, смеяться, мечтать!»

Каждый день, подходя к своему цирку, клоун читал эту светящуюся надпись и чувствовал себя счастливым. Для настоящего клоуна нет в жизни большего счастья, чем радостный смех в зале и доброе внимание публики.

Да-да! Жура был счастлив!

Но вот однажды...

Однажды — это было весной, в конце апреля, — он заметил в первом ряду, в кресле номер семьдесят семь, маленькую старуху.

Худенькая такая, лицо тёмное, смуглое, как будто сильно загорело. Глаза смотрят пронзительно, и в них словно огонёк поблёскивает. Поверх крючковатого носа большие квадратные очки.

Одета старуха была, прямо скажем, не по возрасту: в ярко-синий модный джинсовый костюм со множеством блестящих пуговиц — штук сто пуговиц (а может, и больше!) на куртке, на брюках, спереди, сзади... От этих пуговиц рябит в глазах, до того они блестящие, сверкающие.

Но Жура не из-за пуговиц обратил внимание на эту старуху. Нет, дело тут в другом.

Старуха морщилась, как от зубной боли, когда в полной тишине пела глиняная птичка.

Все, абсолютно все — мужчины и женщины, мальчики и девочки, старики и малыши, военные и школьники — тысяча девятьсот девяносто девять человек — смеются от души, а потом слушают удивительную мелодию. И только одна эта старуха кривится и морщится...

Можно не обращать на неё внимания: что значит одна недовольная старуха в переполненном цирке?

Но Жура был действительно добрейшим человеком и на старуху не обижался, не сердился. Наоборот, он сердился на самого себя.

Он думал: наверное, у несчастной бабушки большая неприятность. И чтобы хоть немножечко развлечься, бабуся забрела в цирк. А вот он — музыкальный клоун, артист — не может помочь ей, не умеет развлечь старого человека. Выходит, он вовсе не такой уж хороший музыкант!..

Так Жура думал о старухе, думал о самом себе. И совсем не думал о той песенке, что высвистывала его глиняная свистулька.

И не заметил, что песенка-то получилась в этот раз не такая задушевная, как обычно.

...Впервые нашего клоуна слушали не очень внимательно. И зрители уходили из цирка чуть-чуть недовольные.

Станный разговор

Но всех недовольнее был сам клоун. Поздно вечером вышел он из цирка расстроенный, сердитый неизвестно на кого... То есть почему же — неизвестно на кого? Конечно, на самого себя!

На улице было темно. Моросил холодный дождь. Фонари отражались в холодных лужах. Неуютная, промозглая погода.

Жура поднял воротник плаща, пониже нахлобучил шляпу — ему не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал его в такой неудачный вечер.

Он уже повернул в переулок к своему дому, как вдруг за углом увидел... Кого бы вы думали?

За углом его поджидала та самая джинсовая старуха в квадратных очках на крючковатом носу. Во мгле ярко светились металлические пуговицы.

— Извините, молодой человек, — скрипучим голосом сказала старуха. — Но мне нужна кошка!

— Какая кошка? — удивился Жура.

— Ну, не совсем кошка, а, точнее, кот. Рыжий.

— Не понимаю...

— Чего ж тут непонятного? Я, кажется, ясно сказала: отдайте моего рыжего кота!.. Или продайте. За любые деньги.

— За сто рублей? — усмехнулся клоун.

— Какая мелочь!

— А если за тысячу?

— Будьте любезны!.. Отсчитать?

— А за миллион?

— Только поскорее. Мне срочно нужен мой рыжий кот!

— Жаль! — вздохнул музыкант.

— Чего жаль?

— Хорошо бы получить миллион рублей!.. Да вот жаль: нет у меня ни кошки, ни кота. Ни рыжего, ни серого. Ошиблись, бабушка: кошек не держу.

— Странно... — старуха покрутила головой, словно нюхала воздух. — Тут ошибки быть не должно — я чувую, что рыжий кот где-то поблизости. Что ж, не хочешь отдать, не хочешь продать — пеняй на себя, журавлиная нога!

Она круто повернулась. Пуговицы сверкнули, как молния. И ничего нельзя было разглядеть вокруг... Клоун зажмурил глаза... А когда открыл — в переулке никого не было.

На другой вечер в цирке

Представление началось как обычно: выступали акробаты, жонглёры, наездники...

Наконец публика дождалась: «Выступает знаменитый лирический клоун, неповторимый и единственный Жура!»

Он весело выбежал на манеж в своих неуклюжих красных ботинках, уселся на бархатный барьер и долго-долго с огромным удовольствием разглядывал зрителей в зале. Он так простодушно радовался этой милой публике! Он просто не мог поверить, что здесь собралось столько прекрасных людей! Он удивлялся! Он поражался! Он ликовал!

От невысказанной радости клоун поднялся с барьера и взмахнул руками. Потом он стал пританцовывать... Прыгать! Высоко прыгать! Он даже сделал сальто — в воздухе перевернулся через голову! Казалось, его длинные несуразные ноги, и руки вот-вот перепутаются между собой, и он сейчас грохнется, растянется на манеже. Но это только казалось! «Ах, какой он ловкий! Какой сильный и умелый!» — восхищались зрители.

А клоун вдруг замер, как журавль, на одной ноге... Вот он стал чрезвычайно серьёзным и, запрокинув голову, уставился взглядом в одну точку — куда-то вверх, под самый купол цирка... Да-да! Всем показалось, что он смотрит сквозь бетонный купол и видит звёзды на небе: далёкие звёзды — яркие, чистые...

Медленно погасли белые цирковые прожекторы. Густой тёмно-фиолетовый свет поплыл над манежем. И длинная неуклюжая фигура с поджатой ногой сделалась похожей на знак скрипичного ключа.

И наступила такая тишина, что слышно было, как на манеже шуршат опилки. Вот появилась глиняная свистулька... Вот она приблизилась к губам... Вот артист легко вздохнул... Вот началась мелодия...

— Остановите музыку! — внезапно взвизгнули из первого ряда. — Остановите музыку! Прошу вас я!

На сиденье кресла номер семьдесят семь стояла и топала ногами маленькая вертлявая девчонка в ярко-синем джинсовом костюмчике. Сто пуговиц (а может, и больше!) блестели на куртке и брюках.

Глиняная птичка, словно поперхнувшись, мгновенно умолкла. Снова вспыхнули белые прожекторы. Публика зашумела.

А джинсовая девчонка в три прыжка перемахнула со своего кресла на манеж, подскочила к клоуну и вполголоса пискнула:

— Дяденька, отдай рыжего!

— Какого рыжего?

— Кота!

— Нет у меня кота!

— Ой, смотри, дядя, пожалеешь!.. Ахалай-махалай!

Все, кто был в цирке, во все глаза глядели на манеж, но, честное слово, никто не заметил — когда и как в руках этой девчонки появилась большущая рогатая электрогитара...

Ручаюсь, что вы никогда не видели такого жуткого инструмента. Он весь был сделан из ослепительно-холодной стали. Издали казалось, что девчонка держит в руках не электрогитару, а глыбу льда. И в этот лёд, словно острый кинжал, вонзился широкий гриф, на котором были натянуты не шесть, не семь, а тридцать три стальных струны!

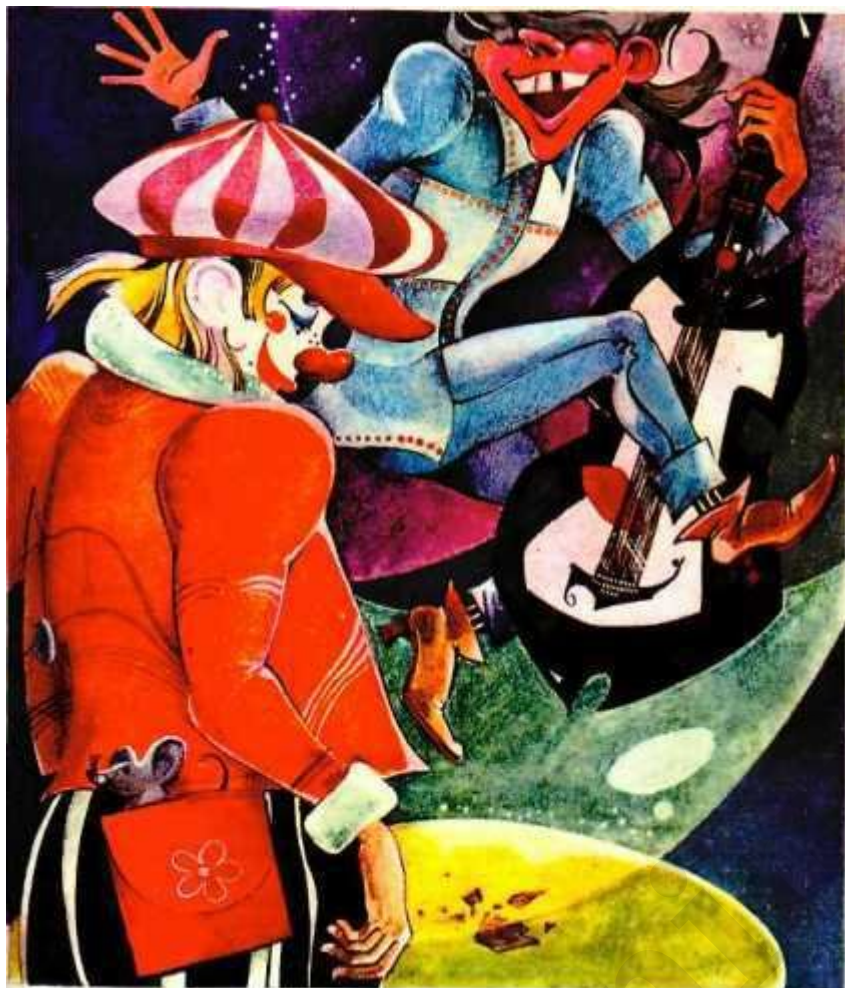
Жура растерянно держал свою бедную свистульку. А девчонка резко повернулась и как будто случайно ударила кинжальным грифом по свистулке... Бедная глиняная птичка раскололась на мелкие кусочки. И осколки эти...

Нет, вы не угадали: осколки не разлетелись по белу свету, как разлетелись зеркальные осколки в знаменитой сказке. Они лежали на манеже, а джинсовая девчонка, как безумная, скакала и втаптывала их в опилки.

Гитарная сталь завывала, ревела, гроыхала... Мелодии, конечно, не было никакой. Басовые струны гремели твёрдо, ритмично — подобно ударам дьявольского барабана. Воздух дрожал...

И вот уже зрители в самых дальних рядах, оглушённые, замороженные этой чудовищной нездешней музыкой, стали постукивать каблуками в такт гитаре — всё громче, всё чётче!.. Вот и средние ряды грохнули ногами об пол!.. А вот и первые тоже начали сходить с ума... Гул и дрожь повисли в воздухе — будто могучий реактивный самолёт кружился над манежем и зрителями.

В это невыносимое гудение, в этот топот и грохот врзался пронзительный девчонкин визг:

Замечательная пара —
Цапа Цопик и гитара!
Цапа Цопик — это я!
Громче, музыка моя!
Громче топайте ногами!
Громче хлопайте руками!
Ла-ла-ла! Ла-ла-ла!
Развесёлые дела!

Клоун Жура весь как-то сгорбился и, шаркая красными башмаками, поплёлся прочь с манежа... И — подумайте только! — кто-то нехорошо засмеялся над ним, в тех дальних рядах, где было потемнее. А для артиста, как и для любого человека, — беда, если кто-то смеётся над его несчастьем. Беда!..

Вздрыгнули узкие плечи клоуна, поползли вверх и сдвинулись тонкие брови... Впервые в жизни Жура горько заплакал. Слёзы крупными каплями скатывались по заgrimированным щекам.

...То ли потому, что слёзы были прозрачными, то ли ещё по какой уважительной причине — но чрезвычайно умный и всё знающий (но не точно!) Директор цирка совсем их не заметил.

Директор — небольшого роста, толстенький, лысый — стоял за занавесом и с удовольствием поглаживал свои пышные усы. Он бодро похлопал клоуна по плечу:

— Правильно, дорогой Журинька! Хорошо сделали, что удалились с манежа. Молодчина! Уступил место молодёжи! Ах, какой трам-тарарам устроил этот отчаянный ребёнок. И гитара хороша! Громко играет — я люблю, когда громко... Слышите, как зрители топают ногами?..

Наверное, эта девчонка нигде ещё не училась, а выступает получше настоящих артистов! Талант! Я приглашу её на работу в наш цирк. Пусть выступит вместо вас. А вы, мой дорогой Журинька, немножко отдохните. Поезжайте к Профессору в деревню Весёлые Горы — закажите себе новую свистульку... Дорогу молодым! Дорогу детям!

«Этого не может быть!»

Клоун жил неподалёку от цирка, на самом верхнем этаже девятиэтажного дома.

Лифт в этот вечер почему-то не работал, и Журе пришлось подниматься пешком. После всего, что произошло сегодня в цирке, он чувствовал себя невероятно усталым — шёл медленно, часто останавливаясь и вздыхая.

Вдруг ему показалось, что кто-то крадёт за ним. Он оглянулся — нет никого...

Он опять вздохнул и снова тяжело зашагал по ступенькам.

И опять ему послышались позади чьи-то лёгкие шаги. Он опять оглянулся — никого... Клоун снова вздохнул... И тут кто-то сказал шёпотом:

— Нечего вздыхать! Подумаешь — свистульку его разбили! Новая будет. Надо сражаться, а не вздыхать, как больной мышонок!

Кто это сказал?..

Жура глянул под ноги и увидел рядом с собой кругломордого рыжего кота.

— Откуда ты, дружище? — спросил клоун.

И вот здесь произошло самое поразительное, самое сказочное (что случается только в самых старинных сказках!): кот приложил переднюю лапу к своим рыжим усам и произнёс:

— Тс-с-с! Тише!..

И подмигнул левым глазом.

Что?.. Говорящий кот?.. Этого не может быть!

Клоун сел на ступеньки, приложил руку ко лбу:

— Кажется, у меня жар... Я устал сегодня. Я заболел.

Голубая акварель

Зато кот не собирался попусту рассиживаться на лестнице.

— А ну-ка, вставай! — зашипел он. — Живее! За нами погоня!

— Какая ещё погоня?

— Потом узнаешь. Вставай!

Клоун тяжело поднялся и, хватаясь за перила, кое-как доплёлся до своей двери.

Кот первым прошмыгнул в квартиру и деловито обнюхал прихожую, кухню, комнату. Потом

спросил:

— Краски есть?

— Краски?.. Какие?..

— Любые. Давай сюда!

— Я не художник. Зачем мне краски? Я клоун, артист.

— Я слышал сегодня на улице, про тебя говорили: «Этот артист — большой художник»... Давай краски!

— Это, наверное, в другом смысле говорили. Клоунов иногда называют художниками, а художников иногда — клоунами... Нет у меня красок. Только грим.

— Грим не годится. Эх, пропаду я сегодня!

— Постой-ка! Где-то у меня ещё с детства завалялись акварельные краски. Сейчас поищу...

— Быстрее!

Жура полез под диван и извлёк оттуда изрядно потёртый портфельчик, с которым лет двадцать тому назад бегал в школу. Из портфеля он вынул коробку акварельных красок... Ах, какая жалость! — краски высохли, рассыпались. Уцелела только одна — голубая.

— Кроме этой, к сожалению, ничего больше нет!

— Эх ты, «большой художник»! — сердито фыркнул кот. — Ладно, в крайнем случае и голубая пригодится. Живо разведи в блюдечке. Да побольше!.. Пошевеливайся! Каждая секунда дорога!

— А зачем это всё?

— Вопросы потом! — яростно прошипел кот. — Скорее краску! Развёл?.. Приступай к делу! Начинай!

— Что начинать-то?

— Ты, братишка, совсем непонятливый. С тобой мышей не поймаешь.

— Я не собираюсь ловить мышей.

— Это у меня поговорка такая... Уж очень ты медлительный. И за что тебя в цирке держат?.. Начинай красить!

— Что красить-то?

— Шерсть! Мою шерсть начинай красить — от носа до хвоста, от ушей и до когтей. Только быстренько, быстренько! Лови мышей! Пошевеливайся!

Жура приступил к делу. И через несколько минут рыжий кот сделался... нет-нет, не голубым...

В том-то и дело, что, если рыжего кота выкрасить голубой акварельной краской, он станет, представьте себе, не голубым, а зелёным. Нежно-зелёным, как первая майская травка.

— Ага! Теперь живём! — сказал бывший рыжий кот, оглядев себя в зеркале. — Отлично получилось. Сам Профессор не узнает теперь меня.

— Какой Профессор?

— Всемирно известный Профессор чародейства, фокусов и забав!

Жура удивился:

— Ты знаком с моим учителем?

— Да! Перед тобой его любимый ученик! — кот поднял кверху нежно-зелёный хвост.

— Вот как? А мне всегда казалось, что самый любимый ученик Профессора — это я, — сказал клоун.

— Что поделать! Был когда-то — ты. А теперь вот стал я.

— Он специально для меня сделал глиняную птичку-свистульку...

— Подумаешь — птичка! А ты знаешь, что сделал Профессор для знаменитого кота Котькина?..

— Котькин? Это твоя фамилия? А как же тебя звать по имени?

— Вот что — запомни раз и навсегда: терпеть не могу, когда меня называют по имени. Прошу обращаться ко мне только по фамилии. Я не Васька и не Мурзик, не Тигрик и не Киска. Котькин — моя фамилия. Только так, а не иначе!

Нежно-зелёный кот гордо посмотрел направо и налево.

Плоская кепка

В прихожей раздался требовательный резкий звонок. Жура взглянул на часы: ровно полночь!

— Кто это пришёл к нам так поздно?.. — клоун кинулся открывать входную дверь.

— Тс! Стой! — зашипел приятель Котькин. — Ты что — ослеп?.. Вылей из блюдечка остатки краски! Спрячь кисточку! Вымой как следует руки!.. Имей в виду: меня сегодня зовут Мурка. Кошка Мурка. А ещё лучше — Мурочка.

Клоун сделал всё, как велел Котькин. А когда позвонили во второй раз — открыл дверь.

В квартиру не вошёл, а прямо-таки влетел маленький человечек в широкой плоской кепке. Из-под кепки выглядывали очки и чёрная всклокоченная борода. Человечек почему-то ужасно сердился, всё время размахивал плоскогубцами и отвёрткой. А говорил с сильным кавказским акцентом.

— Я — бюро ремонта! Мастэр! — выпалил он с такой силой, что плоская кепка даже слегка подпрыгнула. — Бэобразие, понимаешь?

— Какое бэобразие? Что случилось?

— Э! Он ещё спрашивает, что случилось! Тэлэвизор твой барахлит. Бэобразие! Твои сосэды обижаются: смотрэть мешаешь!

Искажэния: смотрят артыстку Доронину — видят Пугачёву. Хотят

«Здоровье», а смотрят «В мире животных»... Барахлит тэлэвизор, проверять будем! Где тэлэвизор? Антенна?.. Э?.. Вэсь дом показывай! Вэсь показывай, бэз утайки!

Чернобородый мастер без спросу шагнул в комнату и заметался по квартире, будто искал

булавку, а не телевизор. Он быстро-быстро всё оглядел: стол, стулья, кресло, книги, широкий подоконник... Взглянув на диван, он попятился в испуге:

— Зелёная кошка?.. Нэ бывает! Кошмар!

— Что такое? — вежливо спросил клоун. — Обнаружили неисправность в телевизоре?

— Обнаружил неисправность в кошке! Кошка нэ бывает зелёный. Ни один зверь нэ бывает зелёный.

— Ну почему же?.. Всякие бывают звери. Вы, должно быть, плохо знаете кошек.

— Кто? Я нэ знаю! — от возмущения мастер затряс бородой, и его кепка опять подпрыгнула. — Я нэ знаю кошэк!.. Да вэдъ я...

Но тут он внезапно чихнул от внезапной простуды. Потом ещё раз внимательно и подозрительно посмотрел на Котькина:

— Слушай, как звать этот зелёный кошмар?

— Мурка... А ещё лучше — Мурочка.

Нежно-зелёный кот, свернувшись клубком, мурлыкал и делал вид, будто совершенно не понимает, о чём говорят люди.

— Слушай, а ещё кот имеется? Рыжий такой? Мордатый? Э?..

— Других котов не держим. Хватит с меня и этой Мурочки...

А как же насчёт телевизора? — спросил Жура, заметив, что мастер уже собирается уходить. — Вы, кажется, интересовались антенной?

— Всё в порядке! Полный порядок!

Сунув нос, на всякий случай, ещё раз в кухню; открыв, опять-таки на всякий случай, дверцу платяного шкафа; нагнувшись, конечно, совершенно случайно, чтобы заглянуть под диван, — мастер из бюро ремонта поспешил уйти.

Дверь за ним захлопнулась. Жура прислушался: ни звука на лестнице — словно никто и не приходил. Тишина... Поздняя ночь.

Кто же это был?

— Станный какой-то мастер, — пожал плечами клоун. — Ушёл, ничего не проверив.

— Всё, что ему было нужно, он проверил, — сказал Котькин.

— Что же ему было нужно в моей квартире?

— Ему был нужен замечательный рыжий кот!.. Но она меня не узнала — мы её перехитрили!

— Почему «она»? Ведь это был мастер- «он»...

— Эх ты, артист! Перед людьми каждый день выступаешь, сам гримируешься, а фальшивую

бороду не разглядел!.. Приходил не мастер из бюро ремонта, а злющая колдунья Цапа Цопик, которая пробивается в большие ведьмы.

— Цапа?.. Где я слышал это имя?.. Позвольте, так зовут девочку с электрогитарой! «Цапа Цопик — это я! Громче, музыка моя!»... Но в цирке у неё не было бороды и очков.

— Очки — только у старухи, а не у девочки.

— Не понимаю...

— Чего ж тут непонятного? — нежно-зелёный кот даже фыркнул с досады. — Обыкновенная колдунья — девочка-старуха.

— Девочка-старуха? Разве такие бывают?

— Колдуньи всякие бывают.

— Первый раз слышу!

— Сразу видать — не шибко образованный. И чему ты только учился у нашего Профессора?

— Я учился музыке. И, между прочим, на одни «пятёрки».

И нет мне никакого дела до ведьмы и колдуний!

— Ишь ты! Тебе до колдуньи дела нет, а вот она тобой интересуется.

— Зачем я ей нужен?

— Ты ей не нужен. Ей нужен только я. Опять не понял? Ладно, садись и слушай мудрого приятеля Котькина. Время у нас пока что есть: самолёт в деревню по ночам не летает.

— В деревню?

— Конечно. Утром мы полетим к Профессору. Надо срочно с ним посоветоваться, рассказать о моих приключениях.

— Какие у кота могут быть приключения?

— Ого!.. Вот садись и слушай.

Котькин рассказывает

— А для начала ответь мне по-честному: нет ли у тебя жареной печёнки в сметане? — спросил приятель Котькин. — Нет?.. Жаль, очень-очень жаль! Я, видишь ли, большой любитель печёнки — знаешь, такой печёнки, чтобы снаружи она была тёмно-золотистая, а внутри чуть-чуть розоватая. Некоторые коты предпочитают печёнку жёсткую, пережаренную. Но я люблю — мягкую, сочную. Вонзишь в неё острые зубы, окунёшь усы в тёплую сметану — и по всему телу бодрость разливается... С жареной печёнки всё и началось.

Нет, всё-таки началось, пожалуй, не с печёнки, а с того, что в Весёлых Горах откуда ни возьмись появилась старуха в джинсовом костюме. В таких костюмах и наши деревенские теперь иногда щеголяют, однако таких блестящих пуговиц ни у кого нет.

Старуха пару раз, вроде бы случайно, прошмыгнула по переулку Фантазёров. А вечером, как только стемнело, постучалась к нам в окошко.

Профессор крикнул: «Заходите! Мы гостям рады!» Он всегда так кричит, если кто-нибудь стукнет в окно.

Шустро, словно ящерица, старуха вбежала в избу. Ноги о половичок не вытерла. С Профессором не поздоровалась. Мне — образованному коту — это совсем не понравилось!

— Какое же у тебя образование? — спросил, улыбнувшись, клоун.

— Незаконченное высшее специальное! Кроме родного кошачьего и кроме человеческого, знаю ещё несколько языков.

— Каких же?

— Ну, разных — звериных и птичьих... Понимаю, разговариваю и перевожу...

— Ну-ка скажи что-нибудь по-собачьи.

— Что именно?

— Например: «Спасибо за угощение!»

— С какой стати говорить «спасибо», если ты ничем ещё меня не угостил? Хотя бы кусочек колбаски кинул — с самого утра во рту ничего не было,

— Так бы сразу и сказал! Сейчас поищу в холодильнике.

Кажется, у меня там варёная колбаса оставалась...

— Мурррр-мурр-мурр! — обрадовался кот. — Мурр!

— Неужели это по-собачьи?

— Нет, это я на родном языке говорю: «Дай побольше, не жадничай!»

Два изрядных куска колбасы были моментально проглочены.

«Гав-гав!»- хотел сказать Котыкин, что по-собачьи означало бы «Спасибо за угощение», но вместо этого у него получилось «тяф-тяф!», что значит «Дай-ка ещё!»

Жура, к сожалению, этого не понял. И вообще, колбасы в холодильнике больше не было.

— Ничего не поделаешь! — вздохнул приятель Котыкин и провёл лапой по усам. — Всё-таки немного подкрепил свою мощную кошачью силу... Слушай дальше.

Котыкин продолжает рассказывать

Растянув тонкие губы, старуха улыбнулась Профессору: «Как поживаешь, старый хитрец? Или ты меня не узнал?» Профессор надел очки, посмотрел на старуху и ответил:

«Простите, но мы с вами не знакомы...»

«Ай-яй-яй! Нехорошо забывать бывших сослуживцев. Цапу Цопик помнишь? Маленькую такую

Цапочку припоминаешь? Фокусницу?.. Вместе же выступали! Неужели забыл?»

«Цапа Цопик?.. — Профессор задумался. — Да, когда-то очень давно работала в нашем цирке девочка с таким именем. Да, её называли фокусницей. Но выступала она плоховато — не желала учиться нашему трудному искусству. Ту девочку помню. А вас...»

«А посмотри-ка получше! — сказала старуха. — Ахалай-маха-лай!»

И вдруг превратилась в девчонку.

Я — образованный кот. У меня незаконченное высшее специальное образование. Но, веришь ли, я не понял, как это у неё получилось!

«Ловко! — похвалил Профессор. — Впервые вижу такой фокус!»

«Ха-ха! Деревня ты! — захохотала девчонка. — Это же не фокус. Это самое настоящее колдовство! Погляди ещё разок: ахалай-махалай!»

И снова превратилась в старуху.

«Отличный трюк! — сказал Профессор. — Объясните, как это делается?»

«Ишь чего захотел! Это мой колдовской секрет. Ведь я не какая-нибудь цирковая артистка. Я теперь колдунья! Понял?»

«Колдунья?.. Это бывает только в сказках».

«А вот я как раз и есть — сказочная колдунья!»

«Вроде Бабы Яги, что ли?»

«Ну, до Бабы Яги мне ещё далеко! Она — большая ведьма. А я только пробиваюсь к этому почётному званию. Ведьмы делают не только фокусы: они умеют исчезать и появляться, прикидываться лесом, рекой, облаком. У них чёрный ум и белое сердце... Эх, пробиться бы мне в настоящие большие ведьмы! Уж тогда бы я!..»

«Что же вам для этого нужно?»

«Лично мне нужен учёный кот, который умеет болтать по-человечески и понимает язык зверей и птиц».

Профессор подумал, прищурился и развел руками:

«Нет у меня таких котов. И с чего это вы решили, будто я имею говорящего кота?»

«Разведка донесла».

«Какая разведка?»

«Секрет. Дашь хорошего умного говорящего котика — так и быть, скажу, какая разведка».

«Говорящего не имею. Есть у меня один рыжий Васька, так он и „мур-мур“ толком сказать не может».

«Ну что ж, старикашечка, пожалеешь!..»

И, сердито хлопнув дверью, Цапа Цопик ушла.

А Профессор достал с полки какую-то толстую старинную книгу в кожаном переплёте и читал её всю ночь, до рассвета.

Котькин всё ещё рассказывает

А на другой день я попался. И во всём виновата жареная печёнка.

Видишь ли, мне нравится гулять ранним утром, когда люди ещё не проснулись, а собаки уже сладко спят после ночного дежурства. Тогда можно пройтись не только по забору или по крыше, но и по самой середине улицы.

И вот вышел я раненько-рано из дому, иду не торопясь, не оглядываясь по сторонам... Как вдруг свежий ветерок донёс до меня прекраснейший в мире аромат. Я мгновенно его распознал!

Что такое? Откуда в эту пору — жареная печёнка?

Огляделся, принялся... И сообразил, что этот великолепный запах течёт со двора тётки Доставалихи, нашей соседки. Позабыв всякую осторожность, я перелез через высокий забор.

Первая радость: будка, где проживает чёрный пёс Аспид, была пуста; почему-то в это утро Аспид спал в закрытом сарайчике.

Вторая радость: посредине двора, прямо на земле, стояла большая закопчённая сковородка... А в ней плавали в сметане два куса золотистой печёнки!

Кто оставил во дворе такую прелесть? Зачем?.. Раздумывать было некогда. Надо действовать! Немедленно!..

Чудное мгновенье! Радость жизни! Утренняя тишина. Вокруг ни души. И я наедине с печёнкой!..

Позади раздался ласковый голос:

«Вкусно, голубок?»

«Ещё бы! Конечно, вкусно! — ответил я по-человечески. — Любимая еда!..»

«Мы так и думали! Хе-хе!..»

Над головой что-то прошелестело. И на меня упала сеть! Кусок капроновой рыболовной сети. Никуда не денешься. Не разорвёшь. Не удерёшь... Я сразу же запутался всеми четырьмя лапами.

Через полминуты всё было кончено...

«Получите подарочек! — сказала тётка Доставалиха. — А с вас — пуговички!»

«Подождёшь!»- ответила Цапа Цопик. Она тоже пряталась здесь.

Чёрный пёс Аспид выбежал из сарайчика, кинулся было к сковородке с печёнкой, но тётка Доставалиха сердито пнула его ногой:

«Пшёл!.. За неё деньги плачены. Сама доем!..» Меня засунули в брезентовый рюкзак. Я сидел там и слушал, как Доставалиха жаловалась:

«Обижаете, гражданочка ведьма! Очень обижаете. Я вам прямо на квартиру и творожок деревенский привозила, и сметанку домашнюю. Нынче вот и котика предоставила в целости. Да ещё на печёнку тратилась... А вы мне вместо пуговичек двадцать пять рублей суёте. А такой котик не меньше сотни стоит. Я на базаре и за полторы сотни его продала бы!.. Да не в деньгах дело. Белое креп-жоржетовое платье уже почти построено, а пуговиц всё нет. Обижаете, гражданочка ведьма!»

«Дура! Я ещё не ведьма, только маленькая колдунья — всё равно как младший ненаучный сотрудник. Откуда я тебе сотню возьму?.. А пуговицы дома забыла — старая стала, память ослабла, понимаешь?»

«Как не понять! И сама-то я не молоденькая... А ведь хочется...»

«Мало ли что хочется! Жди — надейся! Я этого кота сколько ждала? Два года ждала —

надеялась, пока его старик разным языкам обучал. Да и неизвестно ещё — хорошо ли кот обучен? Может, он только про печёнку и способен болтать?»

«Опять обижаете, гражданочка ведьма! Я ведь каждый день у ихнего окошечка подслушивала, как идёт учење. Котик на одни пятёрки учился. Правда, в математике слабоват — больше трёх считать не умеет. Ну да ведь ему не на рынке торговать и не в Академию наук поступать... И голосок у него, правда, малость гнусавый, будто бы насморочный. А всё равно, для вашей работы котик очень даже подходящий!.. Когда мне за пуговичками прибыть?»

«Никогда! Ты теперь в городе у меня, смотри, не показывайся!»

«Ас пуговицами как будет?»

«Получишь в свое время! Дай только в большие ведьмы пробиться!»

Надела колдунья рюкзак на плечи. И — на самолёт. В тот же день привезла меня к себе домой.

— Она живёт в нашем городе? — спросил Жура. — А на какой улице?..

— Не знаю... Где-то в новом микрорайоне. Там все дома одинаковые. Я когда удрал от неё — так чуть не заблудился.

— Как же тебе удалось удрать?

— Проще простого. Развязала колдунья рюкзак, — и я, не долго думая, шась в открытую форточку! Оттуда — на чей-то балкон... с балкона — на карниз... с карниза — на высокое дерево!.. С дерева — на тротуар. И был таков! Удрал!.. Потом два дня по городу бродил — до цирка добрался, тебя искал.

— Меня?

— А кого же ещё?.. Мы с тобой у одного Профессора учились.

Однокашники, значит. Должны помогать друг другу... Вот и нашёл я тебя. Тут и конец моей истории.

— До конца ещё, наверное, далеко! — вздохнул клоун.

— Пожалуй... — согласился Котькин. — А пока что нам пора в аэропорт. За окном посветлело. Утро уже.

В аэропорту

Путешествовать можно по-разному: и на автомобиле, и на поезде, и на телеге, и просто пешком. Но, конечно, быстрее всего — по воздуху, в самолёте. У нас в Сибири это особенно принято: расстояния тут огромные, а народ живёт деловой, торопливый, даром времени терять не любит.

В здешних аэропортах всегда многолюдно: одни прилетают, другие улетают, встречаются, провожают... Колхозники, шахтёры, артисты, охотники, нефтяники — все люди занятые, каждая минутка у них на счету.

На площади перед аэровокзалом тихо постукивают моторы легковых автомобилей. А там, за аэровокзалом — на необозримом бетонном лётном поле, могуче ревут реактивные двигатели

огромных самолётов-лайнеров.

Эти белые красавцы лайнеры летают только в большие города. А в деревни, районные посёлки, на далекие шахты и прииски люди добираются на маленьких зелёных самолётиках, чем-то похожих на стрекоз...

Клоун Жура вошёл в аэровокзал.

Приятель Коткин сидел на руках у клоуна и всё время оглядывался по сторонам: не выслеживает ли их злая колдунья Цапа Цопик?.. Нет, здесь её, кажется, не было.

Жура прикрыл кота полкой своей оранжевой куртки: всё-таки шкура у приятеля Коткина была не обычного цвета...

«Зачем этой колдунье нужен кот? — думал Жура. — И не простой кот, а именно говорящий? Зачем она гоняется за ним?.. А всё-таки хоть она и злая колдунья, хоть очень меня обидела — всё равно мне её немножечко жалко: живёт, наверное, совсем одна и поговорить не с кем. Кто захочет с нею разговаривать, с такой злой? Вот и нужен ей котик для беседы...»

Коткин, сидя под курткой, прикрыл глаза и размышлял совсем о другом: «Вот прилетим в деревню — расскажу я Профессору о своих приключениях. Налёт он мне полную миску молока, отрежет кусок печёнки... Я поем, отдохну... Потом к знакомым побегу — расскажу им о городе: про высоченные дома, про цирк, про троллейбусы и трамваи...»

Жура ещё думал: «Давно я не видел моего дорогого Профессора! Наверное, состарился он, совсем прозрачным стал... Сможет ли слепить новую птичку-свистульку? А без неё что мне делать в цирке?.. А без цирка я жить не смогу!»

Коткин тоже задумался: «И зачем это я научился разговаривать по-человечески? Жил бы себе неграмотным... С неграмотного много ли спросишь?»

Так они размышляли, каждый о своём.

А пассажиры в аэровокзале смотрели на своего любимого клоуна и радовались, что видят его совсем близко и даже могут поговорить с ним:

— Здравствуйте, Жура! Как поживаете?

— Наверное, жалеете свою свистульку?

— Мы вчера видели, как она разбилась...

— А можно ли сделать новую?

— Вчера мы чуть с ума не сошли от электрогитары!

— Совсем не умеет играть эта девчонка!

— Так брэнчать — просто безобразие!

— И скакала, как ненормальная!

— Откуда она взялась в нашем цирке?

— Здравствуйте, товарищ клоун!

— Разрешите пожать вашу руку, товарищ артист!

Жура улыбался, здоровался, отвечал на разные вопросы...

Наконец он купил билет до деревни Весёлые Горы.

И вот уже объявили, что можно садиться в самолёт. Но вдруг низенькая толстая контролёрша, чем-то похожая на закрытый шкафчик-тумбочку, плотно загородила проход:

— А кто такой у вас под мышкой?

— Видите ли, это кот... — смущенно ответил Жура. — Домашний кот... Рыжий... То есть бывший рыжий...

— Меня ваш кошачий цвет не колеблет! — сказала контролёрша. — А справка на данную животную имеется?

— Какая справка?

— Медицинская. По всей форме. А если ваша животная заразная?

— Это совершенно здоровый кот. Честное слово!

— Я ваше честное слово к самолёту не подошью. Справку!

— Пропустите без справки! — попросили контролёршу другие пассажиры. — Кот здоровый — зачем же справка?

— Ежели всякие неизвестные граждане будут провозить по воздуху всякую неизвестную животную...

— Да разве этот гражданин — неизвестный? Это же наш любимый клоун из цирка. Его каждый знает!

— А вот я лично не знаю! — возразила тумбочка. — В цирк отродясь не хожу и знать не знаю ваших всяких клоунов и их них заразных кошек!

— Хорошо, хорошо, — сказал Жура. — Будь по-вашему. Сейчас представлю справку. Но кто мне её даст?

— А вон там, в углу за стеклянной перегородкой докторша сидит — специалист по животной твари. Предъявите ей для медицинского осмотра вашу кошку и получите справку.

Что поделать! Отправился Жура к стеклянной перегородке с надписью: «Выдача справок». Поднёс нежно-зелёного приятеля Коткина к окошку...

А оттуда высунулась костлявая рука и поманила:

— Кис-кис-кис!.. Иди-ка сюда, голубок! Цапа Цопик!

Усатый младенец

Клоун прижал кота к груди и в несколько прыжков переметнулся в другой конец аэровокзала... Побежал на второй этаж, где рядами стояли сотни низких кожаных кресел.

А Коткин торопливо командовал:

— Ну, теперь лови мышей! Быстренько работай! Снимай свой клетчатый шарф... Закутывай меня! Скорей!.. Держи, как младенчиков на руках держат... Баюкай!.. Пой колыбельную!.. Подними воротник на куртке... Спрячь лицо... Берет надвинь до самых глаз!.. Наклони голову! Теперь ты — мой папочка, а я — твой капризный младенец!.. Давай к выходу! Быстрей! Лови мышей, тебе говорят! Поторапливайся!

Контролёрша-тумбочка даже зажала пальцы ушами, когда проверяла билет у высокого пассажира с младенцем на руках. Из клетчатого свертка на весь аэровокзал раздавался оглушительный вой: «Ой, папа!.. Ой, мама!..»

— Простыл, должно быть, — покачала головой контролёрша. — Голосок-то какой хриловатый... А мамочки нету... А папочка разве может дитяню понимать?.. Несите, несите его скорее в самолётик!

К счастью, контролёрша не заметила, что с одной стороны свёртка у младенчика высунулись зелёные усы, а с другой — кончик зелёного хвоста.

Бегом к самолёту!

Бегом по трапу!

Дверь захлопнулась. Мотор взревел. Самолёт разогнался по бетонной полосе и — в воздух!

Внизу — длинные проспекты. Жилые кварталы. Под утренним солнцем ярко зарозовела широкая полоса реки. А вон там — с самого края большого парка — цирк!.. Мы сегодня в нём не выступаем. Директор, который знает решительно всё (но не точно!), пригласил сегодня джинсовую девчонку со страшной электрогитарой.

А мы летим к Весёлым Горам.

...В это время к контролёрше подскочила старуха в белом докторском халате и в больших квадратных очках:

— Пропустили?.. А я вас предупреждала: никаких кошек в самолёт!

— Что вы, доктор! — оправдывалась контролёрша. — Никаких кошек не было. Был высокий пассажир с болящим младенчиком на руках...

— А хвост у младенчика вы не заметили?

— А хвост не заметила!

— Вот тебе за это!.. Ахалай-махалай!

И шкафчик-тумбочка на своём ответственном посту затопала толстыми ножками и запела (до этой минуты она совсем не умела петь) на весь аэровокзал:

Громче топайте ногами! Громче хлопайте руками!

Она прыгала и повторяла эту песенку до тех пор, пока её не уволили за неправильное поведение во время исполнения служебных обязанностей.

Конец первой части

Часть вторая. ДЕРЕВНЯ

Профессор и его изба

Наверное, весёлый был тот человек, который назвал эту деревню Весёлые Горы. Никаких гор тут нет и никогда не бывало. Вокруг — поля, пашни да леса с глубокими озёрами.

Однако если внимательно приглядеться — деревня действительно весёлая. Крепкие избы с расписными наличниками. На этих наличниках расписные петушки, цветы, кони скачущие, ну и, конечно, солнышко с длинными-предлинными лучами.

Посреди деревни — магазины с большими витринами, красивый Дом культуры, библиотека. А рядом с библиотекой — переулок Фантазёров.

Переулочек совсем крохотный — всего несколько домов. Зато один из них — необыкновенный. Этот дом вот какой.

Деревянный, рубленный из толстенных лиственниц. У него высокая остроконечная крыша, выложенная тёмно-красной черепицей. На самом коньке крыши крутится зелёная флюгарка, изображающая всадника с флагом и с трубой. Этот всадник поворачивается не туда, откуда

дует ветер, а в ту сторону, откуда едет в деревню хороший человек. Вот как!

А под коньком крыши, на фронтоне дома, — круглое слуховое окошечко. И в нём каждый вечер показывается забавная рожица; если погода на завтра ожидается хорошая — рожица улыбается, а если плохая — горько плачет. Между прочим, предсказывая погоду, эта рожица ни разу не ошиблась. Вот как!

Окна у домика небольшие, деревенские. Стёкла в них чисто вымыты, переплёты покрашены белой краской. А наличники на окнах такие забавные, такие причудливые, что глядеть на них можно целый день и всё равно не наглядисься: там и зайчики прыгают, и олени бегут, и гуси-лебеди летят, и зимородки порхают, и ёжики грибы собирают, и птички-пеночки на ветках распевают... Вот как!

Живёт в этом удивительном доме знаменитый Профессор чародейства, фокусов и забав. В деревне все зовут его «уважаемый Профессор». И совершенно правильно, что так зовут — ведь Профессор достоин настоящего, большого уважения!

Когда-то давным-давно был он цирковым артистом. Сначала — клоуном. А потом научился фокусы показывать. И сделался таким знаменитым фокусником, что объездил весь мир, во всех странах побывал и прославил наш русский цирк.

Но вот подошла старость, выступать стало трудно... Да и в городе жить не захотелось. И поселился тогда Профессор здесь, в деревне Весёлые Горы, в переулке Фантазёров. Свежий воздух, лес, поля, луга... — что может быть лучше!

Профессор чародейства, фокусов и забав — совершенно седой, очень худенький старичок. Весь какой-то прозрачный. Одевается во все шерстяное, тёплое и даже в летнюю пору носит разноцветную вязаную шапочку с помпоном.

В Весёлых Горах Профессора сильно полюбили. Колхозники сами построили ему этот сказочный дом. Каждое утро с колхозной фермы ему приносят парное молоко. Школьники — те, кто постарше, колют ему дрова, а те, кто помоложе, собирают для него кедровые шишки, землянику, бруснику, костянику...

Профессор тоже всем помогает по мере своих слабых сил. Придёт на полевой стан, когда у трактористов отдых после работы, и начинает им весёлые фокусы показывать. Трактористы смеются, хохочут... Зато работа потом у них идёт веселее.

Или песенку споёт людям забавную. Или стишок сочинит. Но есть у Профессора и более важные дела в деревне.

Волк на бечёвке

Тётка Доставалиха, которая живёт по соседству с Профессором, пошла в лес за берёзовыми вениками, чтобы метлу сделать (это она так говорит; а на самом-то деле ей хотелось нарвать побольше подснежников и медунок и отвезти их в город на базар). В лесу на лужайке тётка Доставалиха увидела волка.

Отчаянно размахивая красной спортивной сумкой, без оглядки примчалась Доставалиха в деревню и, всё ещё дрожа от страха, рассказала:

— Выхожу это, значит, я на лужайку, а там цветков медунок полным-полно!.. Смотрю — на пенёчке волчина сидит, как ненормальный: башка у него задумчивая и набок склонилась, а

подбородок на серую лапу опирается... И смотрит он так серьёзно... У меня внутри всё прямо затряслось — ну, думаю, сейчас сожрёт меня и косточки не оставит. Стою перед волчиной ни жива ни мертва... А он как вздохнет: «О-ох!»... Помолчал маленько, и ещё раз: «О-ох!..» Ну, третьего разу я, конечно, дожидаться не стала, а помаленьку дала задний ход — за кустики, за кусточки и со всех ног домой!.. Да, уж всякое у нас бывало — и снег среди лета выпадал, и гром зимой грохотал, и моя пузатая корова на крышу залезала... Но чтобы серый волчина сидел на пенёчке да охал — такого никто не видывал и не слыхивал!..

Все колхозники в Весёлых Горах знали, что тётка Доставалиха, как говорится, «соврёт — недорого возьмёт», уж такой у неё характер. Но в этот раз ей почему-то поверили. И от этого тёткиного рассказа началось в деревне беспокойство.

Если бы волк напал на Доставалиху или даже схрупал её белые косточки — это всё-таки было бы понятно: тётка хоть и староватая, да с большого голода волк может и не разобрать — кто там ему на зуб попался: тётка или молодая овечка?..

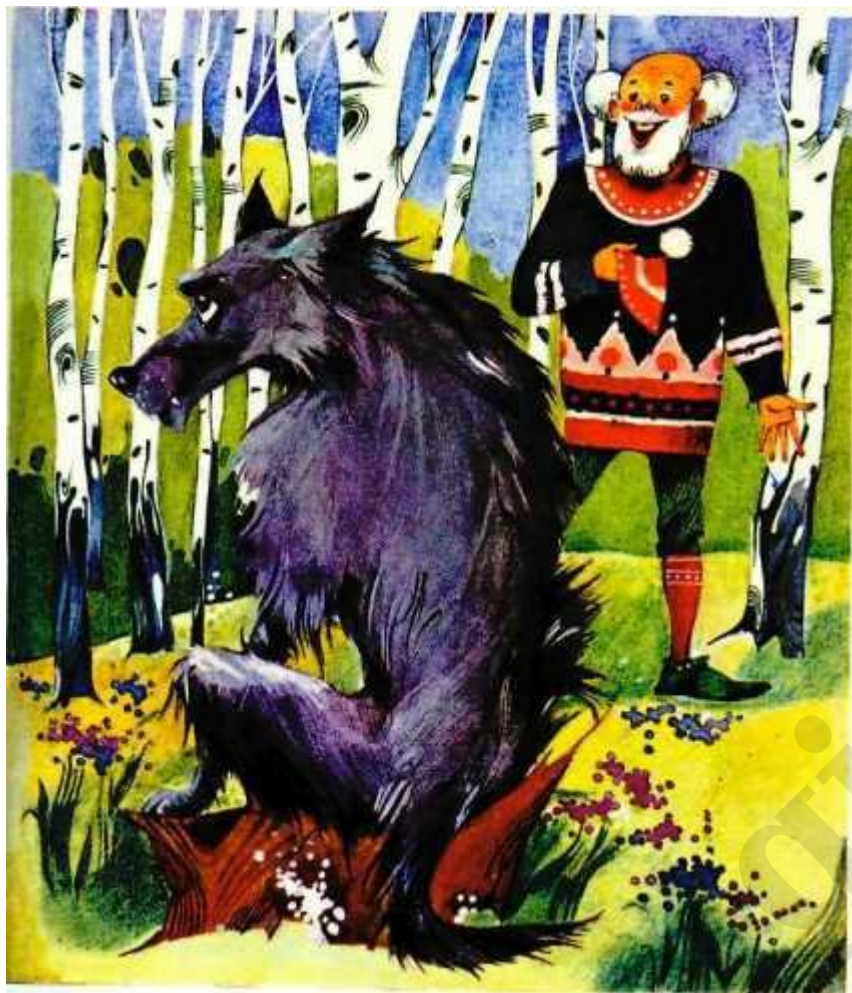
Но чтобы волк сидел на пеньке! Чтобы — вздыхал!.. Вот это, действительно, совсем невероятно, непонятно и, значит, очень страшно.

Трактористы, сеяльщики и все другие настоящие мужчины, которые ничего не боятся, в это время находились в поле — пахали и сеяли. А те, кто в деревне остался, — забеспокоились.

Даже дежурный пожарник — уж на что отчаянный гражданин! — а ведь и он струхнул да на всякий случай стал пожарный шланг разматывать.

Храбрый егерь — над всеми охотниками начальник! — который с двуствольным ружьём даже во сне не расстается, и тот в лес, однако, не поспешил...

Но всемирно знаменитый прозрачный старичок — Профессор чародейства, фокусов и забав, тот сразу же как ни в чём не бывало, без всякого оружия отправился в лес и пришёл на ту лужайку, где полным-полно цветков медунок.

— Здорово, Старый Знакомый! — весело закричал Профессор. — Значит, решился?.. Ну и правильно!.. Хватит вздыхать! Идём-ка!

С этими словами Профессор достал из кармана обрывок тонкой бечёвки, сделал петлю наподобие ошейника и спокойно надел её на волчью шею.

— Пошли!

Старый Знакомый ещё разок тихонько вздохнул, спрыгнул с пенька и поплёлся за прозрачным старичком.

— К ноге! — скомандовал Профессор. — Рядом! Так и пришли они в деревню.

Храбрый егерь — начальник всех охотников — храбро выбежал на улицу с двуствольным ружьём и сразу же храбро прицелился в волка, чтобы храбро застрелить его с расстояния в три шага... Но Профессор отвёл ружье в сторону и немного даже рассердился:

— Разве можно убивать зверя, который сам пришёл к людям? Это очень неблагородно! Это очень нехорошо!

— Да ведь если я его застрелю, — сказал храбрый егерь, — то получу премию в сто рублей. За волчью шкуру всегда дают премию.

— Когда волков разводится в лесу слишком много и они начинают губить овец да телят — тогда действительно за волков дают премию. Но тот, кто застрелит этого волка, — непременно будет оштрафован. Ведь это самый последний здешний волк. Его охранять надо!.. Теперь Старый

Знакомый будет жить у меня, в переулке Фантазёров. И каждый, кто хочет, пусть приходит смотреть на него и любоваться!

— А чего им любоваться! — удивился дежурный пожарник. — Волк, он и есть волк! Хищник! Ишь, зубы какие острые. И хвост серый, волчий. Хищник!

— Это красивое животное, — возразил Профессор. — Сильное, смелое, умное.

— Скажете тоже «умное», — тётка Доставалиха презрительно выставила нижнюю губу. — Дурак, каких мало: сам в руки дался!

— Так ведь он к людям пришёл! — сказал Профессор. — Он поверил нам, потому и пришёл... Я этого Старого Знакомого всю зиму уговаривал: «Пропадёшь ты один в лесу; не бойся, приходи к нам; мы и накормим тебя, и шерсть твою расчешем, и в обиду тебя не дадим!»

— Да разве волки понимают человеческий язык? — спросил храбрый егерь.

— Если говорить по-человечески, — ответил мудрый Профессор, — то вас поймёт всякий зверь и всякая птица.

— А почему же Старый Знакомый вздыхал? — спросил дежурный пожарник.

— Не знаю... Этого я объяснить не могу — ведь в мире животных так много необъяснимого. А чтобы нам всё понять, нужно быть к ним поближе, жить с ними в ладу и дружбе... Ой-ой! Смотрите!..

И Профессор взглянул на крышу своего дома, где закружилась флюгарка и всадник с флагом и трубой повернулся в ту сторону, откуда сейчас должен был показаться хороший человек...

Верно! И минуты не прошло, как в переулок Фантазёров вошёл высокий тонкий человек в оранжевой куртке и в берете, с котом на плече.

— Ура клоуну Журе! — закричали хором егерь, пожарник и, конечно, старенький Профессор.
— Ура славному артисту! Добро пожаловать в Весёлые Горы!

Молчали только Старый Знакомый и тётка Доставалиха. В цирке тётка не бывала, телевизора в её избе не было, и она ни разу не видела знаменитого музыкального клоуна.

Волк клоунов тоже никогда не видел. Да и вообще он не умел говорить по-нашему...

В доме под флюгаркой

В прохладной кладовой Профессор хранил консервы под названием «Перловая каша с мясом». Сам Профессор консервы почему-то не ел, зато для голодного волка это оказалась самая подходящая еда, и тоскующий волк немного утолил свой волчий аппетит.

Для Коткина в холодильнике нашлась отварная рыба, которую он съел всю без остатка.

Насытившись, Старый Знакомый улёгся на кухне, возле порога, положив узкую морду на вытянутые лапы.

Коткин осторожно подошёл к нему и попытался затеять приятный разговор. Но по-волчьи кот разговаривать не умел, а собачьего языка (Коткин знал его великолепно!) Старый Знакомый терпеть не мог... Беседа не состоялась...

Тут Котькину показалось, что волк как-то слишком пристально посматривает на его нежно-зелёную шерсть. «Кто его знает, — подумал Котькин, — может быть, в каше не хватило мяса?..» И, бесстрашно задрав хвост трубой, Котькин на всякий случай выскользнул за дверь. Было самое время повидаться со знакомыми кошками — рассказать о городе, о цирке, о злой колдунье Цапе Цопик...

Надо заметить, что днём образованный приятель Котькин любил бывать в колхозном Доме культуры. К сожалению, не в зале, не на сцене, а под самой крышей, на большом чердаке. Там всегда можно было встретить знакомых и спокойненько побеседовать о том о сём, не опасаясь грубого пса Аспида.

...А тем временем Профессор и Жура поджарили себе яичницу, вскипятили чай. И, позавтракав, мирно уселись возле печки.

— Спасибо тебе, милый, за то, что привёз моего говорящего кота, — сказал Профессор. — Он такой талантливый!.. Да где ж ты его нашёл? И как удалось тебе покинуть цирк? Ведь ты каждый вечер должен быть на манеже со своей свистулькой...

— Нет, вместо свистульки теперь там будет греметь стальная электрогитара... Свистулька-то раскололась на мелкие кусочки!

И, понурив голову, клоун рассказал своему старому учителю, как погибла глиняная птичка, как встретился он с приятелем Котькиным и как преследовала их злая колдунья... Словом, то, что мы с вами уже знаем.

— Как это всё печально! — промолвил Профессор. — И как опасно!

— Опасно? Почему?

— Потому что если кто-нибудь пробивается в большие ведьмы, то в мире сразу же появляется злоба и все вокруг начинают страдать. Вот говорят, будто страшные болезни, большие пожары, смертельные войны случаются тогда, когда солнце светит особенно резко... Нет, милый, солнце здесь ни при чём; оно ведь очень доброе, наше солнышко. А всё дело в том, что кто-то злой и кровожадный пробивается в ведьмы и никого при этом не жалеет — ни человека, ни зверя, ни воду, ни траву, ни небо!.. Колдунья Цапа Цопик, пробиваясь в ведьмы, хочет, чтобы люди сходили с ума от её жуткой музыки. Она, конечно же, хорошо знает, что ласковая, тихая музыка освежает человека, как тёплый дождь, что именно под такую музыку люди задумываются над жизнью. А колдунье надо, чтоб мы думали о смерти! Чтобы жили в страхе! Вот почему её страшная стальная гитара рычит и завывает...

— А говорящий кот?.. Зачем она так упорно гоняется за приятелем Котькиным?

— В этих колдовских и ведьминских делах я не очень-то разбираюсь, — сказал Профессор, снял вязаную шапочку и почесал затылок. — Но в одной книге я прочёл, что у настоящей ведьмы должен быть чёрный кот.

— Но Котькин — он ведь от рождения рыжий?

— Ты его перекрасил в зелёный цвет, а Цапа Цопик легко могла бы его сделать чёрным. Перекрасить можно кого угодно в любой цвет — хоть в синий, хоть в жёлтый, хоть в серо-буромалиновый с крапинками. Это совсем не трудно. Но вот пусть колдунья попробует сделать нашего Котькина злым! Ничего не получится! Котькин — добрейший кот, справедливый.

— А как вам удалось научить его разговаривать? — спросил клоун. — Просто удивительно! Вы, дорогой Профессор, истинный чародей и волшебник!

— Ах, что ты, милый! Нет-нет, волшебством и чародейством я не занимаюсь. Слишком хлопотное это дело. Конечно, забавно — за пять минут построить сказочный дворец; интересно — усыпить на сто лет какую-нибудь розовенькую принцессу; весело — выйти на лёд одному против целой команды и выиграть хоккейный матч со счётом десять: ноль!.. Забавно, интересно, весело. Но могут быть и неприятности. Или дворец не на том месте построишь. Или усыпишь на сто лет принцессу, а когда она проснётся, то окажется, что это уже не принцесса, а просто старуха... Нет, такие штуки, милый, не по мне!

Другое дело — научить животное разговаривать. Это никому не мешает, никого не беспокоит. Правда, и тут бывают промашки.

Как-то обучил я пению одну сиамскую кошечку. Придумали мы с нею красивую мелодию, слова сочинили: «Я всё хожу-хожу-хожу, я всё гляжу-гляжу-гляжу, мышей сперва люблю-люблю, потом ловлю-ловлю!» И что ты, милый, думаешь? Больше эта кошечка учиться не захотела — купила себе микрофон, организовала «Мяу-ансамбль» и поехала давать кошачьи концерты.

— Не огорчайтесь, Профессор! У вас теперь есть Котькин...

— Да, он прилежный ученик! Конечно, тут у нас не обошлось без волшебства и чародейства... Но больше всего здесь надо было терпения. Очень много терпения! Да ведь мы, артисты, — люди терпеливые...

— Ещё бы!

— Кроме человеческого языка, Котькин изучил несколько других — звериных и птичьих. И теперь пересказывает мне, что делается в семье у воробьев, как поживают мыши в подполье, что хотел бы съесть на сладкое один знакомый жеребёнок... Теперь мы можем по-настоящему помогать животным.

Недавно был такой случай: у моей соседки Доставалихи заболела её пузатая корова. Лежит, мычит и не даёт молока. Даже колхозный ветеринарный врач не мог понять: что с ней такое? А приятель Котькин потолковал с бурёнкой и выяснил, что ей ужасно надоело всю зиму торчать в тёмном хлеву, что ей хочется поскорее в стадо, на зелёный лужок!.. Или другой случай: одна лошадка не пожелала выходить на работу; конюх её сначала по-доброму уговаривал, а потом и кнутом стегал — не идёт да и только! Позвали Котькина, и лошадка сказала ему, что у неё неправильно прибита подкова и ей больно ступать на заднюю ногу... А однажды к нам во двор прилетела сорока — это ещё зимой было — и сказала Котькину, что в лесу, дескать, последний волк шатается, скучно ему там одному; с тоски он даже аппетит потерял и поэтому вовсе не опасен. Перевёл мне приятель Котькин эту сорочью речь, я сейчас же на лыжи — ив лес, с волком знакомиться...

Тут Старый Знакомый, который лежал у порога, сообразил, наверное, что это о нём разговор идёт, встал, подошёл к Профессору, положил морду ему на колени и вздохнул.

— Ах, какой же я недогадливый! — воскликнул Профессор. — Ведь он ещё не привык подолгу находиться в помещении, ему нужен свежий воздух... Мы немедленно идём гулять! Кстати, нам нужна хорошая глина и кружка чистой воды из лесного озера.

Жура, бери вот это ведёрко. А ты, Старый Знакомый, понесёшь в зубах мою лопатку...

Постойте! Где же приятель Котькин? Сегодня вечером мы все должны выступить на полевом стане. Я придумал забавное представление... Но до вечера ещё далеко... Вперёд, милый! В тайгу!..

О «Красной книге» и прочем...

На чердаке колхозного Дома культуры были сложены старые декорации для драмкружка и сломанная театральная мебель: огромный холст с намалёванным морем, оконный переплёт от какого-то «старинного дворца», фанерные колёса от фашистской «пушки», безногие стулья, диваны, столы и обломки позолоченного кресла.

В этом кресле восседал нежно-зелёный приятель Котькин и, не торопясь, рассказывал о своём путешествии в большой город. Он вспоминал высокие дома, троллейбусы, трамваи, широкие лужи на сером асфальте... Но особенно подробно говорил о цирке. Оказывается, чтобы встретиться с клоуном Журой, Котькин дважды пробирался в цирк; по неопытности чуть было не угодил в клетку с дрессированным снежным барсом и наверняка запутался бы в цирковых коридорах и вольерах... Но ему помогла одна старая цирковая крыса, которую он прихватил за хвост в конюшне; крыса объяснила, как выйти из цирка, и даже услужливо показала дорогу, по которой Жура обычно возвращался домой.

Разумеется, Котькин рассказал и про колдунью Цапу Цопик — как она поймала его рыболовной сетью и как ему удалось удрать через открытую форточку.

А кому он это рассказывал на чердаке? Кто слушал нашего приятеля?

Слушали его несколько соседских кошек и один незнакомый чёрно-белый угрюмый кот с разорванным ухом. Этот кот проживал в дальнем конце деревни: там, где избы подходят к самой тайге. Его пятнистая чёрно-белая шерсть кое-где слиплась от сосновой смолы — значит, он частенько шатался по лесу. Во всяком случае, в деревне его видели редко.

На чердак Дома культуры Угрюмый попал впервые, и всё ему тут не нравилось: и сломанная мебель, и эта компания сытых кошек... Честно говоря, чёрно-белый забрался сюда вовсе не для того, чтобы слушать болтовню какого-то зелёного хвастуна, а для того, чтобы поохотиться на жирных голубей. Теперь получилось, что вместо охоты он попал на лекцию.

Котькин, сидя в позолоченном кресле, говорил с важным видом:

— Я слышал, что есть даже такая толстая «Красная книга», где записаны названия всех редких птиц и зверей... Что значит «редких»? Ну, таких, каких на свете очень мало... каких редко где увидишь.

— А вы записаны в эту книгу? — спросил один котёнок-подросток. — Нежно-зелёную шерсть, как у вас, наверное, нигде больше не увидишь?

— Нет, — сказал Котькин. — Конечно, я довольно редкий кот.

Внешность у меня, как видите, необычная и образование специальное. Но даже меня в эту «Красную книгу» пока что не записали. Во-первых, потому что я не круглый отличник — всегда отставал по математике... только до трех умею считать... А во-вторых, домашних кошек в этой книге вообще нет. А жаль! Ведь если мы захотим, то сможем такие чудеса сотворить, что ни в сказке сказать, ни пером описать. И даже злая колдунья Цапа Цопик, эта девочка-старуха... Кстати, хочу вас предупредить: если она снова здесь появится...

— Всё ты врёшь! — вдруг перебил Угрюмый с разорванным ухом. — Бреешь! Дуришь малограмотных! Я, конечное дело, в этих ваших городах не бывал. Зато нутром чую: домов в двенадцать этажей не бывает! И снежного барса в клетке тоже не бывает. А конюшня в том цирке — зачем она? Для лошадей? Так на лошадях только в тайгу ездят, а где там, в цирке, тайга? Нету её?.. И выходит, что ты бреешь! Зелёный брехун!.. Видали мы таких, образованных! Вот я никаким языкам не обучен, а любую птицу, какую хошь, мигом словлю. Словлю и так разделаю, что и перышка не останется!

Приятель Коткин даже хвостом не шевельнул, даже глазом не повел в сторону чёрно-белого. Конечно, можно было бы этому Угрюмому порвать и другое ухо... Но разве дракой что-нибудь докажешь?

Коткин сделал вид, что ничего не слышал, и продолжал как ни в чём не бывало:

— Я хотел сказать, что если злая колдунья опять появится в Весёлых Горах, то нам — котам и кошкам — нужно быть начеку. Сначала она охотилась за образованным, а потом, глядишь, и за неграмотными пустится. От девчонки-старухи хорошего не жди!

— Подумаешь! — сказал чёрно-белый. — Да если хочешь знать, я эту девку-бабку сегодня видел. Полчаса тому назад.

— Где? — Коткин моментально вскочил и прижал уши, как перед боем. — Где ты видел девочку-старуху?

— А в лесу... Возле озера, где глину берут... Её на вертолёте приволокли. Ну, знаешь вертолёт, который следит, чтобы пожара в тайге не было. Вот с него твою девку-бабку и спустили по верёвочной лестнице. Сначала её спустили, а потом сверху гитару скинули — на лету поймала, ловкая!

— А ты что?

— А что я? Я ничего, — ответил Угрюмый и почесал свое драное ухо. — Наше дело — сторона. Кого с вертолёта спускают — бабку или девку, хоть самого чёрта — я в эти дела не встречаю. Моя хата с краю...

— Всё ясно! — воскликнул Коткин. — Она догоняет! Ну, Коткин, лови мышей! Начинается потеха!

У озера в лесу

Старенький Профессор стоял на коленях и маленькой лопаткой копал глину. Глина была хорошая, чуть голубоватая; хотелось вылепить из неё особенную, необыкновенную птичку — лучше той, которая разбилась. Чтобы она свистела ласково и тихо-тихо, но чтобы её слышно было далеко-далеко.

Рядышком Старый Знакомый пощипывал траву. У него теперь начиналась новая жизнь, поэтому он немного волновался и выискивал особую траву, успокоительную.

Жура задумчиво бродил среди белых берёз; листва на них едва распускалась, и каждое дерево светилось изнутри, словно таинственный фонарь...

«Какая получится свистулька? — думал клоун. — Будут ли меня слушать, как прежде?.. И что мне делать сегодня на полевом стане?..»

Совсем неподалёку послышался мощный гул вертолѐта. «Наверное, лесные пожарные пролетели, — догадался Жура. — А почему так низко? Может быть, загорелся лес?.. Пойду-ка в ту сторону!

Он быстро зашагал по сырой, едва приметной тропочке. Над его головой свистели птицы, а у ног осторожно покачивались таёжные цветы медунки.

Впереди послышались голоса. Клоун прислушался, да так и замер на ходу, с поднятой ногой... Разговаривали двое.

— Что ж вы, гражданочка ведьма, без предупреждения прибыли? Хоть бы телеграммку отбили.

— Некогда мне телеграммки отбивать. Устала я за этим проклятым котом гоняться. Просто замоталась! Хорошо ещё — попутный вертолѐт подвернулся.

— Как подвернулся?

— Один вертолѐтчик сдуру под мою гитару вчера скакал в цирке...

— Где? В цирке?.. Да разве ж вы артистка?

— Выступала там... Увидел меня этот вертолѐтчик в аэропорту и заахал: „Ах, девочка! Ах! Что ты здесь делаешь? Ах, куда полететь хочешь, девочка? Ах, пожалуйста!..“

— Вот как девочек-то балуют! А я всё в старухах хожу. Уж и платье креп-жоржетовое почти построено, а пуговичек к нему всё нет... Ой, неужто привезли? Вот спасибочки!.. Счастье-то какое!

— Тише, не ори!

— Позвольте, вашу ручку поцелую!

— Некогда! Кота поймать надо...

— Здесь котик наш, здесь. Сама видела, своими глазами. В перекраске был. Такой зелёный, аж глядеть скучно...

— Зелёный?!.

— Зелёный, зелёный. Утречком прибыл. И Журавель при нём. Своими глазами видела...

— А, и клоун тоже здесь... Где же они?

— А вот уж и не скажу — не уследила... Вечером на полевом стане выступать будут: Профессор объявление вывесил. Афишу, значит.

— На полевом стане?.. Ну-ну!..

Голоса умолкли. Хрустнули две-три веточки. И в лесу наступила тишина.

Жура ещё долго стоял не двигаясь. Потом осторожно повернулся и...

— Привет! — раздалось сверху.

Меж ветвей большой берёзы сидел Котькин и старательно точил свои когти.

— Ты что там делаешь? — сказал клоун. — Спускайся вниз, я тебя спрячу.

— Некогда прятаться. Побегу в деревню, поговорю с кошками: представление сегодня...

— Какое представление?

— А на полевом стане. Ты что, не слышал?..

При луне, под фонарём

Спроси кого хочешь — в Весёлых Горах каждый знает, что весной сеять нужно быстро, нечего время зря терять.

Колхозное поле находится совсем неподалёку от деревни. Но чтобы ни одна минутка не пропадала даром — трактористы и сеяльщики домой с работы не возвращались, а отдыхали и ночевали на полевом стане. Это такой большой дом, где есть и спальни, и столовая, и душевая... — всё, что требуется для отдыха после нелегкого труда.

Вечером, когда совсем стемнело и круглая белая луна неторопливо выкатилась в небо, трактористы и сеяльщики приступили к ужину. Повариха аккуратно положила в тарелки по полному черпаку поджаристой картошки, тут же пристроила куски жирной баранины и всё это густо облила добрым соусом.

Трактористы и сеяльщики — народ здоровый, сильный. Они в поле хороши, да и за столом неплохо. Быстро справились с ужином. И только встали из-за стола — вдрут:

— Здравствуйте, милые!

— Здравствуйте, дедушка Профессор!

— Все поужинали?.. Тогда быстренько выходите на крыльцо, рассаживайтесь на ступеньках. Начинаем представление.

Перед крыльцом — крохотный дворик. Даже не дворик, а небольшая утрамбованная площадка; за нею выстроились в ряд отдыхающие могучие тракторы — гусеничные и колёсные. К одним тракторам плуги прицеплены и бороны, к другим — длинные тяжёлые сеялки. Всё это под луной блестит, сверкает.

А ночь над весенним полем тёплая, влажная, тихая. Только слышно, как далеко-далеко ночные птицы изредка перекликаются...

Вышли трактористы и сеяльщики на крыльцо, уселись на ступеньках. И хоть при луне видно неплохо, а всё-таки ещё и фонарь над крыльцом засветили.

И тут из-за огромного колеса жёлтого трактора, который стоял немного в стороне от других машин, вышел знаменитый клоун Жура... Все, конечно, его сразу же узнали и громко захлопали в ладоши.

Он низко поклонился уважаемой публике. А потом улыбнулся так весело, что все засмеялись навстречу этой улыбке.

— Мой дорогой учитель — Профессор чародейства, фокусов и забав — попросил меня

выступить сегодня перед вами, — сказал клоун. — Но что я могу сделать без своей свистульки? Прежняя вчера разбилась, а новая будет готова только завтра... Нет, играть я не смогу. И петь тоже не буду... А подниму-ка я с земли вот эту соломинку и начну ею размахивать, как дирижёр перед оркестром. И вы сейчас увидите такое забавное зрелище, какого никто в мире ещё не видел. Итак, я начинаю! Раз-два-три-четыре!.. Шагом марш!

И тут на площадку, освещенную луной и фонарём, торжественно и спокойно вышли коты и кошки. Десять... двадцать... а может быть, даже девяносто девять кошек! Они беззвучно шли друг за другом; их длинные хвосты стелились по земле, словно тени.

Что такое! Смотрите, смотрите внимательно — все коты и кошки одного цвета... Все зелёные! Ну и зрелище!..

Только один кот, самый последний, не пожелал перекрашиваться: чёрно-белый, с разорванным ухом, он шёл недовольный и угрюмый.

Соломинка наклонилась вправо, и кошки пошли вправо. Соломинка — влево, и кошки — влево.

Соломинка заплясала в руке Журы: раз-два-три! раз-два-три!.. Кошки разделились по парам и закружились в вальсе. Да-да, в настоящем вальсе!

Трактористы на крыльце сидели неподвижно, как замороженные. Некоторые даже рты раскрыли от изумления. Ведь всем известно, что кошек дрессировать очень трудно, почти невозможно. А здесь — такой танец!..

Старший сеяльщик сказал с нежностью:

— Ишь ты, как танцуют пуховые!

Зато повариха чуть не заплакала от огорчения:

— Мой-то, мой чёрно-белый с разорванным ухом без пары остался!.. И краски на него не хватило, видать... Ах, бедненький! Сам по себе крутится... Голодный, поди, а ещё и в артисты записался...

Вдруг из темноты выскочила маленькая старуха в ярко-синем джинсовом костюме. Большие квадратные очки отбрасывали белый свет... Она схватила первого попавшегося кота, подняла его за шиворот и закричала:

— Говорящий?.. Отвечай!..

Ни в чём не повинный кот молчал и шевелил лапами в воздухе. Старуха отшвырнула его и схватила другого:

— Говорящий?.. Отвечай!..

Третьего так же... Четвертого... Пятого...

— Говорящий?.. Отвечай!..

— Вы кого-то ищете? — любезно спросил Жура. — Вам кто-то нужен?..

Сумасшедший трактор

А соломинка всё приплясывала: раз-два-три! раз-два-три! А зелёные коты и кошки всё кружились в вальсе...

— Да! — крикнула Цапа Цопик. — Мне нужен мой кот!

— Какой масти? — спросил Жура.

— Обыкновенный рыжий кот. Я его купила...

— Сегодня здесь только необыкновенные — зелёные.

— Ты их всех перекрасил, негодяй! — зашипела колдунья.

— Не перекрасил, а загримировал. Это артисты кошачьего балета.

— Враньё! Никакого балета! Это всё выдумки старого негодяя Профессора! Отдайте моего кота.

— А ты сама кто такая, бабуся? — спросили трактористы. — Или тоже артистка?

— Сейчас вы узнаете, кто я такая. Если мне не отдадут говорящего кота, я вам такое представление тут устрою — долго будете помнить!

Соломинка резко поднялась вверх, потом опустилась... Артисты, задрав хвосты, бросились врассыпную. Танец окончился.

Старенький Профессор сделался совсем прозрачным от гнева. Он вышел на площадку и сказал:

— Нет, кот, которого вы ищете, вам не принадлежит! Вы не смогли его отличить среди всех котов и кошек. А ведь у него совсем особенные глаза: умные, смышлёные, весёлые... Мы знали, что вы придёте сюда, и поэтому специально подготовились...

— Хватит болтать о пустяках! — перебила Цапа Цопик. — Поговорим лучше о деле. Кажется, здесь сегодня в поле что-то посеяли?

— Пшеницу здесь посеяли! Хлеб! — закричали с крыльца.

— А мне это всё равно. Если сейчас же, немедленно, я не получу кота — всё уничтожу. Всё повытопчу. Ничего не пожалею!

Трактористы и сеяльщики расхохотались: действительно, весёлое представление! Что может сделать крохотная старушонка в этом огромном поле?.. Забавно!

— Ахалай-махалай!..

И в руках у старухи появилась рогатая стальная электрогитара. Тридцать три струны грохнули с такой силой, что луна как будто вздрогнула. Люди прижали ладони к ушам и даже зажмурились от этого грохота, словно от яркого света.

И только клоун Жура не спускал глаз со злой ведьмы. Он видел, как, не переставая дергать струны, Цапа Цопик подошла к большому жёлтому трактору и, превратившись в вертлявую девчонку, мгновенно забралась в кабину... Гитара исчезла.

— В последний раз говорю: отдайте кота!.. Не отдаёте?.. Тогда — круши! Дави! Топчи!..

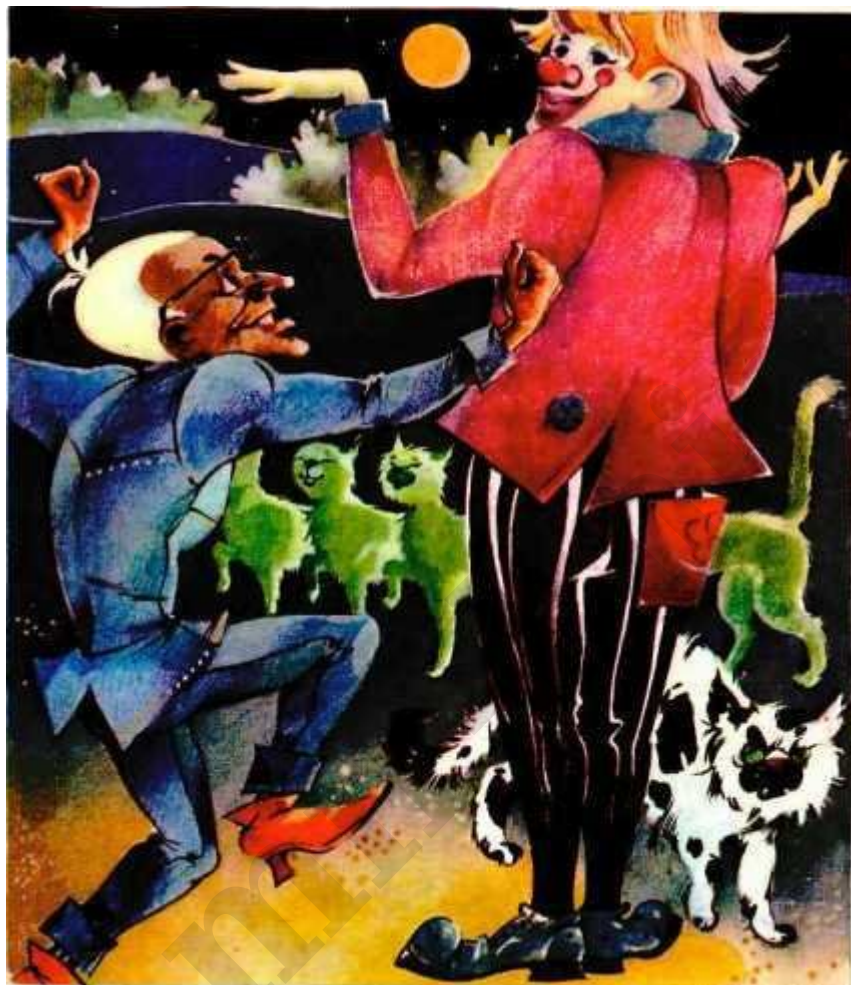
Могучая машина сорвалась с места и, придавливая широкими колёсами пушистую, только что засеянную землю, с невиданной скоростью помчалась по полю!

— Держите её! — закричали трактористы.

— Что она делает!

— Наше поле!.. Наш хлеб!..

Луна светила ярко. Было видно, как жёлтый трактор добежал до конца поля, там развернулся и, как сумасшедший, помчался обратно — никогда ещё эта машина не развивала такой безумной скорости! Плотная полоса твердой утрамбованной земли оставалась за её колёсами.

Из кабины выглядывала и горланила девчонка в джинсовом костюме:

— Уничтожу! Погублю!..

Тогда Жура не выдержал. Этот великий артист, всеми любимый клоун побежал в поле и стал на пути сумасшедшего трактора, широко расставив руки...

Машина летела на него, не сбавляя скорости. Вот она всё ближе... ближе...

— Она его задавит! Убьёт! — закричал старенький Профессор. — Спасите его!..

И Котькин — наш благородный приятель Котькин! — широкими прыжками кинулся наперерез трактору и как бы заслонил собой клоуна. Нежно-зелёный хвост отважно колыхался в лунном

свете.

Колдунья затормозила так резко, что машину занесло и Котькин чуть было не попал под колесо...

— Превышаете скорость, — сказал кот. — И тормозите не по правилам.

— Иди сюда, голубок! — поманила его Цапа Цопик, вылезая из кабины и снова обратившись в старуху. — Иди, иди ко мне, не бойся!..

— Мы трактора не испугались... А уж тебя, старая ведьма, я и подавно не боюсь!

— Ах, нет, ещё не ведьма!.. Иди, голубок...

Трактористы стояли поодаль и не слышали этого разговора; они возмущённо обсуждали случившееся.

— Ничего, — сказал старший сеяльщик. — Дело поправимое. А кот — молодчага! Сообразил, что к чему.

Жура наклонился к Котькину и погладил его:

— Спасибо тебе, дружище!

Цапа Цопик подскочила и, схватив кота под мышку, быстро-быстро засеменила куда-то в сторону.

— Прощай, Котькин! — крикнул Профессор.

— Мы тебя выручим! — крикнул клоун.

— Лови мышей! — донеслось из темноты.

Конец второй части

Часть третья. ПУГОВИЦА

Квартира

В самом новом микрорайоне города, где светлые высокие дома, где много скверов и бульваров, а улицы просторны, словно площади — в этом микрорайоне, в доме номер тринадцать, в двадцать первой квартире проживают странные жильцы: бабушка и внучка. Одеваются они одинаково: похоже, что у них на двоих один и тот же джинсовый костюм со множеством пуговиц. Но страннее всего то, что их никогда не видели вместе — то бабушка выбежит из квартиры, то внучка выскочит...

Соседи (а некоторые из них весьма любопытные люди!) никак не могли понять — чем занимается бабушка и что делает внучка? В их квартире частенько гремит странная музыка; пронзительно кричит какая-то птица, а из-под входной двери тянет то жжёной резиной, то серой... Может быть, они — химики?

С соседями бабушка и внучка разговаривали редко. Но иногда сообщали удивительные вещи: «Послезавтра в три часа двадцать семь минут перестанет идти горячая вода». Точно! Именно в

это время, ни раньше, ни позже, весь дом оставался без горячей воды. Или: «Арбуз, который вы купили, внутри белый и несладкий». Опять — точно! Разрезали арбуз — попробовали и выбросили...

Недавно в двадцать первую квартиру заходил слесарь-водопроводчик.

Потом любопытные люди его спрашивали: «Ну, что там, в этой квартире?»

— Краны в полном порядке, — отвечал слесарь. — Отопительные батареи не протекают. А в комнатах ничего особенного. На шкафу сидит сова — то ли живая, то ли чучело. А в большой клетке зелёный кот содержится — наверное, импортный... Нормальная квартира. И бабуся вполне нормальная — закуску мне поставила.

Слесарь-водопроводчик, кажется, ничего не понял. Мы-то с вами сразу же сообразили, кто проживает в доме номер тринадцать, в квартире двадцать один.

Важное решение

— Ну вот, голубчик, — потирая костлявые руки, сказала колдунья, — теперь от меня не удерёшь! Хватит тебе бегать. Будешь жить в клетке. Если полюбишь бедную Цапочку, я, может быть, тебя выпущу. Сам понимаешь, невыгодно мне кормить бесполезную тварь, которая будет бездельничать взаперти. Но — ничего не поделаешь — сиди пока под замком и привыкай к волшебной жизни... Тебя, кажется, зовут «приятель Котькин»? Никудышное прозвище. У меня ты будешь «Аркадий». Очень красиво: «Говорящий кот Аркадий». И вот что ещё: имей в виду, Аркадий, не будешь разговаривать со мной по-человечески — на завтрак, обед и ужин получишь одну рыбку косточку... Теперь — о цвете. У настоящих ведьм коты бывают только чёрные. Завтра перекрасишься. Впрочем, об этом я посоветуюсь с моими старшими начальницами: сегодня к нам в гости пожалуют две большие ведьмы — Плоская и Толстая. Готовься, Аркадий! Покажи, на что ты способен. От твоего поведения зависит мое будущее. Если помешаешь мне — сразу же отрублю твою глупую башку!.. Ну, заболталась я с тобой, Аркадий: вот-вот придут гости, а у меня ничего ещё не готово!

Старуха очень аккуратно сняла свой джинсовый костюмчик, бережно повесила его в шкаф, шкаф заперла на ключ, а ключ на длинной цепочке повесила себе на шею. Потом набросила на плечи драный шёлковый халат и скрылась в кухне. Вскоре там что-то зашипело, затрещало, и по всей квартире поплыл густой запах серы и горелой резины.

Сверху со шкафа раздался тихий скрипучий голос; это говорила ушастая сова — Котькин прекрасно её понял:

— Слушайся хозяйку — будешь сытеньким!

Перья у совы тусклые, взъерошенные — видать, не очень-то была она сытенькая, хотя и слушалась хозяйку.

— Слушайся — будешь сытеньким!

— Поживём — увидим, — проворчал Котькин.

Он свернулся клубком, прикрыл нос хвостом и притворился спящим. Надо было обдумать свое нынешнее положение и решить: что делать дальше?

Котькин знал, что рано или поздно — всё равно удерёт отсюда. Ну и что из этого?.. Удерёт,

скроется — а что потом?.. Опять колдунья начнёт его догонять, преследовать, опять начнёт устраивать всякие пакости... Нет, удрать — это хитрость небольшая. Надо как-то иначе. Думай, Котькин, думай! А что если в самом деле притвориться покорным, побеждённым?.. Зачем без толку удирать? Надо пожить здесь тихо, смиренно, до тех пор, пока не откроется тайна девочки-старухи.

В чём состоит эта тайна, он ещё не знал. Но, как и все коты, когда они выходят на охоту, Котькин будет очень осторожным и внимательным.

Ушастая сова трижды громко прокричала.

— Чего орёшь? — выглянула из кухни Цапа Цопик.

— Она говорит: «Гости, гости, гости!»- перевёл Котькин.

— Неужели? — всполошилась колдунья. — А я не одета... Она открыла шкаф, надела джинсовый костюм и побежала к входной двери...

На самом деле гости только сошли с троллейбуса и ещё находились далеко от дома. Но ушастая сова слышала за километр и никогда не ошибалась.

Приятный ужин

Дверной звонок прозвенел один раз длинно: «дрянь!» и два раза коротко: «дрянь-дрянь!»

— Пришли! — обрадовалась Цапа Цопик, распахнула дверь и, обратившись в девочку, присела в низком балетном поклоне. — Милости прошу!.. Я так рада, я так рада!

В комнату вошли две симпатичные особы.

Одна — высокая, плоская, как доска, с коротко подстриженными седыми волосами. Её огромный нос напоминал руль военного корабля. У неё были красивые искусственные зубы, поэтому она часто улыбалась. Говорила она сиплым командирским басом.

Другая — маленькая, толстая, широкая, как будто её сначала вылепили из жирного мягкого пластилина, а потом прищёпнули сверху, и она расползлась во все стороны. Под оттопыренной нижней губой у неё красовалась великолепная серая бородавка.

— Прекрасная квартирка в прекрасном районе! — рявкнула Плоская, не поздоровавшись. — Даже старые ведьмы не всегда могут получить такую. Ловкая вы, сестрица!

— Стараюсь... — скромно опустила глазки Цапа Цопик. — И добрые люди помогли... Пожалели, дурачки, бедную девочку и несчастную бабушку... Хи-хи!

— Без добрых дурачков нам, старым ведьмам, давно пришёл бы капут! — засмеялась Толстая, потом строго сказала — А ну, хватит прикидываться ребёнком! Знаем эти фокусы — сами специалисты. Мы к старухе пришли, а не к девчонке.

— Как вам, сестрицы, будет угодно!.. — Цапа Цопик приложила руку к груди и обратилась в старуху. — По совести сказать, девчонкой быть нелегко — прыгай, вертись... А кости-то болят, кости-то стариковские...

— Кому вы рассказываете! — воскликнула Плоская. — Вот я когда-то умела превращаться в книгу. Да-да, в обыкновенную книгу под названием «Загадки, шарады, ребусы». Как начнут

меня перелистывать — все косточки трещат и жилы вытягиваются. Нет, я уж давно оставила эти шалости.

— А я когда-то любила превращаться в облако... — сказала Толстая.

— В облако? — удивилась Плоская. — Это с вашей-то фигурой?

— Что ж такого? — обиделась Толстая. — Фигура для облака очень даже подходящая. Но — вечная сырость, ветер, сквозняки... Представляете: лечу над землей и чихаю! Ну их, эти превращения. От них для здоровья один только вред, старишься раньше времени.

— Извините, сестрицы, — сказала Цапа Цопик. — Я с вами не согласна. Конечно, вы опытные ведьмы. И вам все эти превращения, наверное, уже порядком надоели... Но мне, бывает, так выгодно вдруг прикинуться ребёнком. Тогда я легко могу делать мелкие пакости и творить большое зло. Вот на днях я на большом тракторе...

— Мы слышали, сестрица, про этот случай. Хорошо. Нам понравилось, — сказала Толстая.

— И про выступление в цирке нам тоже известно. Очень хорошо! — добавила Плоская.

— Я стараюсь... — улыбнулась Цапа Цопик. — Директор цирка предложил мне выступать там каждый вечер, я ему полюбилась. Оказывается, многие люди почему-то любят детей и очень верят детям. Прикинувшись девчонкой, я могу легко всех одурачить — взрослых, ребяташек, мужчин, женщин — всех-всех-всех! И даже зверей могу одурачивать — они тоже доверяют детям! И даже — птичек!.. Хи-хи-хи!..

Приятель Котькин сидел в клетке, прикрыв глаза и словно дремал от нечего делать. Но уши он выставил вперёд и всё внимательно слушал. Слушал и запоминал!

— И есть у меня ещё секрет, — продолжала будущая ведьма. — Только уж вы, сестрицы, меня не выдавайте: я до тех пор буду жить на земле, пока смогу возвращаться в детство. А если вдруг это моё волшебство пропадёт — я сразу же исчезну... меня больше не будет!.. Нет, пусть болят мои косточки, пусть трещат мои жилы, но я хочу жить — хочу быть девчонкой! Хочу прыгать, брэнчать на гитаре, мучить кошек и собак, бить стёкла, лупить мальчишек, обливать чернилами учителей — хочу быть настоящей ведьмой!

— Мы подумаем, — сказала Толстая.

— Мы решим, — сказала Плоская.

Уселись пить чай. Это был особенный чай, любительский — с маком и корицей, с перцем и горчицей. Ведьмы пили его с наслаждением.

— Угощайтесь, сестрицы! — говорила Цапа Цопик. — Отведайте вот эти колдовские пирожки, они домашние: самастряпала.

— Очень вкусно!

— А на каком масле жарили?

— Разумеется, на резиновом!

— А горючую серу добавляли?

— А как же!

— Дивный аромат!

— Вчера была я у доктора... — Толстая утерла пот со лба. — Пожаловалась на боль в животе. Доктор осмотрел меня очень внимательно и сказал, что мой желудок может переваривать жареные гвозди. У вас не найдётся хотя бы несколько штук?

— Какая жалость! — всплеснула руками Цапа Цопик. — Гвозди все вышли! А может быть, поджарить пару швейных иголочек?

— Благодарю, но иголки для меня слишком тонкая пища.

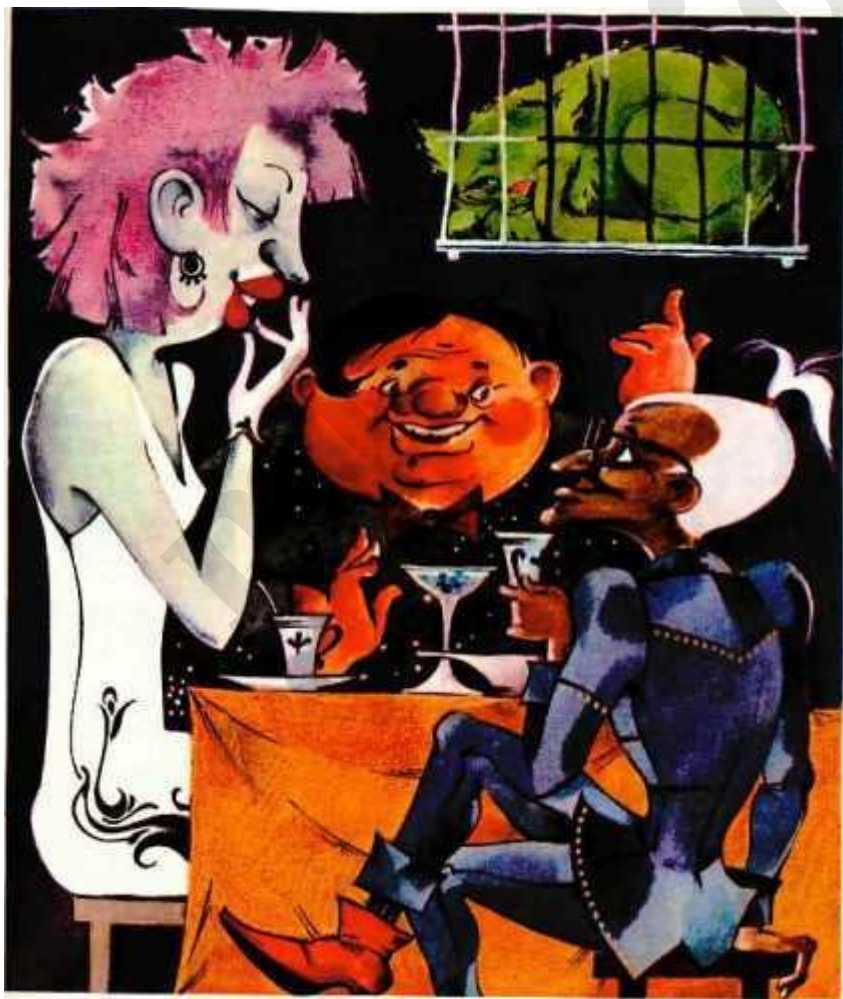
— Позвольте! — воскликнула Плоская. — Что я вижу!.. У вас в клетке сидит, кажется, кот?.. Зелёный!.. Это кот или крокодил?

— Так точно, кот! — Котыкин вскочил на задние лапы, а передние вытянул по швам.

— Какой молодчага! Люблю таких бравых. А как звать тебя, голубчик?

— Аркадий! — отрапортовал Котыкин.

— А скажи нам, Аркаша, ты только по-человечески болтаешь? — спросила Толстая.

— Никак нет! Кроме родного кошачьего и кроме человеческого, понимаю и разговариваю на звериных и на птичьих языках!

— Аркадий, — строго сказала Цапа Цопик. — Мои гости очень любят поэзию. Прочти-ка нам что-нибудь нежное, поэтическое.

— Слушаюсь! Будет исполнено! Нежные стихи под названием «Подарок».

Я своей кошурке Мурке
Куплю валенки и бурки.
А знакомому котёнку
Куплю жёлтую дублёнку!

— И это всё? — удивилась Плоская. — Дурацкие стихи. Голубчик, ты, может быть, дурак?

— Никак нет! Не дурак, а голодный.

— Что ж вы, сестрица, — Толстая обернулась к Цапе, — учёного кота голодать заставляете. Нехорошо! Кот с образованием должен быть с питанием... Видите, я тоже могу стихами выражаться.

— Ах, конечно, конечно, — засуетилась Цапа Цопик. — Аркадий, ты немедленно получишь рыбную ко... — она хотела сказать «косточку», но, подумав, великодушно произнесла: — котлету! Выходи из клетки, поужинай...

Взглянув на входную дверь — плотно ли заперта? — взглянув на форточку — закрыта ли? — Цапа Цопик осторожно отворила клетку.

Но Котькин не спешил выходить.

— А мне и здесь хорошо! — весело сказал он. — Уютно!

— Прекррасный кот в прекррасной кварртирре! — отчеканила Плоская. — У меня живёт учёный крокодил — играет на рояле и очень трогательно поёт «В лесу родилась ёлочка». У него тоже зелёный цвет. Очень современно. Мне нравится... Но поющий крокодил — для моего развлечения. А говорящий кот — зачем он вам?

— Нет, этот говорящий кот — не для забавы, — сказала Цапа Цопик. — Он мне нужен для великого дела. Я задумала сотворить такое, чтобы обо мне потом вспоминали долго-долго... Хочу уничтожить всё живое! Всех зверей и всех птиц!.. Кошки, собаки, голуби, воробьи, зайцы, олени, лебеди... — всех убью, всех уничтожу!.. Аркадий будет моим послушным помощником, моим верным шпионом. Я пошлю его к кошкам — он заманит их в мои капканы. Я пошлю его к птицам — он погонит их в мои силки. Я подошлю его к людям — он будет подслушивать разговоры, доносить мне; а уж я потом позабавлюсь: стану ссорить людей между собой — они начнут волноваться, драться, а может быть, даже и воевать! Обожаю, когда нервничают, ссорятся и воют!..

Цапа Цопик разгорячилась, раскраснелась. Очки на крючковатом носу покосились. Длинные острые пальцы сжались в кулачки.

Некоторое время гости сидели молча.

Наконец Толстая произнесла задумчиво:

— Да-а, сестрица, большие у вас планы! Широкий размах!

Ещё ни одна старая ведьма не решалась на такие дела. Это на до же! Уничтожить всех зверей и птиц! И людей перессорить меж собой!..

— Драка! Война! Кровь! Это прекрасно! — воскликнула Плоская. — Мы, старые ведьмы, об этом можем только мечтать!

— Но я, сестрицы, ещё не настоящая ведьма, — сказала Цапа Цопик. — Я только скромная колдунья... А уж если вы назначите меня ведьмой...

— Посмотрим, посмотрим, — сказала Толстая, прихлёбывая чай из блюдечка.

— Мы подумаем, — улыбнулась Плоская. — Мы решим!

— Завидую вам, сестрицы! — вздохнула Толстая. — У вас — кот, у неё — крокодил... А у меня — никого. Живу, как сирота, на болоте рядом с кикиморами. Был, правда, у меня один голодный шакал по имени «Сдох-пибидох»; из пустыни бандеролью прислали. Выл по ночам — заслушаешься!.. Скончался от недоедания... Раздобыли бы мне какого-нибудь волка, что ли? А уж я вам помогу — будете тогда настоящей ведьмой.

— Есть раздобыть волка! — Коткин неожиданно выскочил из клетки, прошагал по комнате на задних лапах и лихо козырнул Толстой. — Ждите-надейтесь! Обеспечим волком!

— Сам, что ли, будешь ловить? — усмехнулась Плоская.

— Так точно, сам! А хозяйка поможет...

— Но чтоб зубастый был, — сказала Толстая.

— Не извольте тревожиться! Волк по всей форме — четыре лапы, хвост и зубов полная пасть!

— Ну и кот! Молодчага! — похвалила Плоская. — Быть вам, сестрица, ведьмой!

— Быть! — утвердила Толстая.

Ушастая сова тихо проскрипела.

— Тебе чего? — спросила Цапа Цопик.

— Она говорит: «Кто сытенький — тому спатиньки!»- перевёл Коткин.

Часы пробили полночь.

— Быть вам, сестрица, большой ведьмой! — хором сказали Плоская и Толстая.

И исчезли. Не через дверь ушли, а просто растаяли в воздухе как дым.

«Пятая, волшебная»

— Ну, Аркадий! — Цапа Цопик пощекотала Коткина за ухом. — Обрадовал ты меня. Не зря гонялась за тобой. Кормить буду до отвала.

— Чем? — поинтересовался Коткин.

— Воробьями. Сотню воробьев поймаешь — один твой. Ешь досыта!

— Маловато, хозяйка. Хоть бы трёх выделила, а?

— Трёх не дам. А пару получишь.

— Вот и сговорились. Спасибочки!

— Но смотри: больше не удирать!

— Как можно, хозяйка! От вас разве удерёшь? Всё равно поймаете. Нет, я теперь буду жить в клетке: тепло и не дует. Из дому ни шагу!

— А волк?

— Что — волк?

— Ты же обещал изловить волка. Я должна подарить его толстой сестрице.

— Ах, волка изловить?.. Надо подумать.

— Ты же обещал, Аркадий!

— Мало ли что обещал! Сидя в клетке, волка не изловишь.

Волк в лесу проживает...

— А если я тебя отпущу в лес?

— Всё равно один я там ничего не сделаю. Нам с вами, хозяйка, вдвоём нужно в лес подаваться.

— И как же мы будем ловить?.. Волк — ведь он кусается!

— А мы ему голову заморочим.

— Как так?

— Очень просто. Вот встретим мы волка. Поздороваемся. И начну я ему рассказывать сказку про Красную Шапочку. А вы, хозяйка, будете перед ним представлять то девочку, то бабушку. Как я скажу «Красная Шапочка» — вы сразу же в девочку обращаетесь, скажу «бабушка» — старушкой прикидываетесь. От этих превращений голова у волка заморочится, упадёт он в обморок — тут мы его и свяжем.

— «Шапочка», «бабушка» — для меня это пара пустяков!

— Тогда давайте прорепетируем, — сказал Котькин. — Итак, я начинаю: «Жила-была Красная Шапочка»... Очень хорошо!.. «У неё была бабушка»... Отлично!.. «Однажды Шапочка...» побыстрее превращайтесь в девчонку!., «...пошла в гости к бабушке...» Ещё быстрее!.. «Шапочка пошла к бабушке... а бабушка ждала Шапочку... Бабушка... Шапочка... Шапочка... Бабушка...»

— Я так быстро не могу! — сказала, запыхавшись, Цапа Цопик. — И пуговица оторвётся...

— Какая там ещё пуговица?

— Волшебная... пятая...

— Не знаю никакой волшебной пятой! Мы волка должны изловить, а вы о пуговицах беспокоитесь!.. А ну, быстро! Лови мышей, хозяйка! «Шапочка... Бабушка... Шапочка... Бабушка...»

— Хватит, Аркадий!.. Я устала... Пора отдыхать — уже глубокая ночь.

— Ну что же — отдыхать так отдыхать. Спокойной ночи, хозяйка! — и Коткин забрался в свою клетку.

...За окном непроглядная тьма. Спит весь большой город. Спит дом номер тринадцать. В двадцать первой квартире с присвистом храпит лютая ведьма Цапа Цопик. Она спит, лёжа на спине, спрятав под голову свой джинсовый костюм.

Только ушастая сова, бесшумно взмахивая крыльями, перелетает со шкафа на стол, со стола на клетку...

— Эй, сова! — шепчет Коткин. — Чего не спишь?

— Мне спать не положено. Я ночная птица — охраняю хозяйку... пуговицы её стерегу.

— Ах, вот что!.. А на волю хочешь?

— Конечно, хочу!

— Спи. Скоро тебе будет воля...

До самого рассвета Коткин всё ворочается с боку на бок в своей клетке. Теперь он многое узнал. Узнал самое важное: всё дело, значит, в пятой пуговице. Если она оторвётся — старуха не сможет превращаться в девчонку. И кончится волшебство!

Но как завладеть этой пятой пуговицей? Отгрызть бы её сейчас, ночью, да глупая сова мешает... Как быть?

Ах, как нужна Коткину помощь! Где ж ты, милый Жура? Где Профессор?

Плохо тебе, приятель Коткин! Все секреты разведаль, всё, что нужно, узнал. А сам ничего не можешь сделать... Плохо. Очень плохо!

«Адрес!.. Дайте адрес!»

На главном входе в цирк висело объявление:

«Ввиду болезни артистов представление отменяется».

Третий день за кулисами волновались и тревожились. Зрители стучали во все двери, звонили по всем цирковым телефонам, спрашивали: «Кто заболел? Когда поправится? Когда же начнутся представления?»

Третий день чрезвычайно умный и всё знающий (но не точно!) Директор цирка теребил свои пышные усы. А на четвёртый день усы слиплись, словно кисточки для конторского клея, и сам Директор, кажется, немножко поглупел.

Он кричал своим помощникам:

— Я вас немедленно уволю! Вы ничего не умеете! Где, я вас спрашиваю, эта девочка с гитарой? Где клоун Жура со свистулькой? Найти немедленно!

Помощники спрашивали:

— Кого найти: гитаристку или клоуна?

— Клоуна! — кричал Директор. — Нет, лучше девочку!.. Ах, конечно — свистульку!.. Или — гитару!.. Журу — Цопик!.. Цапу — Журика!..

Помощники бегали по городу, звонили в милицию, в адресное бюро. Послали телеграмму в деревню Весёлые Горы, и оттуда незамедлительно пришёл ответ: «Профессор чародейства своими помощниками отбыл неизвестном направлении колдунья котом исчезли».

— Какой кот, какая колдунья? — удивлялся Директор.

Он стоял на пустом манеже и в десятый раз перечитывал телеграмму из Весёлых Гор, ничего не понимая...

В тот самый момент к Директору подошел сзади прозрачный старичок в разноцветной вязаной шапочке и согнутым пальчиком осторожно постучал в директорское плечо...

— Что такое? — рассердился Директор, круто повернулся и закричал так радостно, что его усы сразу же распушились: — Ах, кого я вижу! Дорогой Профессор, неужели это вы? В нашем цирке?.. А в телеграмме сказано, что вы отбыли в неизвестном направлении... У меня такие неприятности: исчез наш Журинька, разбилась его прелестная свистулька. Пропала очаровательная девочка-гитаристка Цапочка Цопик... Я отменил представление. Зрители волнуются... Помогите, Профессор!

— Спокойно, милый, спокойно! Жура не исчез. У него новая свистулька и, кажется, получше прежней. Он снова будет выступать...

— Когда?

— Ещё не знаю... Прежде всего нам нужно найти Цапу Цопик. Где она живёт?.. Адрес! Дайте её адрес!

— Если бы я знал! Я сам поехал бы к ней! Ведь этот ребёнок так забавно прыгал.

Директор нахмурился, заметив, что по манежу топают какая-то женщина с красной спортивной сумкой в руках.

— Что вы здесь делаете? — строго спросил Директор. — Посторонним вход воспрещён!

— Позвольте! — удивился Профессор. — Это же моя соседка, тётка Доставалиха! Как вы сюда попали, тётушка?

— Я вам не тётя, а вы мне вовсе не племянник! — рассердилась Доставалиха. — Все вы тут обманщики и жулики. А я женщина честная, пострадавшая. И пусть ваша артистка — гражданочка ведьма — даст настоящие пуговицы или возвернёт кота. Я ведь и в газету могу написать про такое безобразие...

— Что такое? — Директор обеими руками схватился за свою лысую голову. — Свистулька... гитара... Профессор... ведьма... газета... пуговицы... красная сумка... вход запрещается... Я схожу с ума... Ведьмы в нашем цирке не работают! А я окончательно схожу с ума...

— Как так не работают? — разозлилась Доставалиха. — А кто с вертолётчиком скакал? Тут она работает, это уж точно! А пускай предоставит настоящие пуговицы. У меня креп-жоржетовое платье построено. Я тоже хочу стать молоденькой!

— Милая тётушка, расскажите всё по порядку, — попросил Профессор.

— Какой же порядок, ежели беспорядок! Тут и рассказывать нечего. Я вашей гражданочке ведьме возила из деревни творожок домашний и сметанку. Сообщила, что у нас в Весёлых Горах кот разговору обучается... Ну, в общем, там всякое между нами было... И котик у меня во дворе заблудился...

— Я всё знаю, соседushка, — сказал Профессор. — Он не заблудился. Вы похитили приятеля Котькина и продали его колдунье. Что ж вы за это получили?

— А вот! — на ладони у Доставалихи сверкали дешёвые металлические пуговицы. — Она сказала: «Пришей к платью, как потом дёрнешь незаметно за пуговку — враз в девчонку переменишься!» А кому не хочется снова девчонкой стать?.. Я креп-жоржетовое платье построила, пуговицы нашла. А они все как есть фальшивые: дёргаю, дёргаю — и никакой тебе перемены... Жулики вы тут собрались и обманщики!

— Мы-то здесь при чём? — спросил Директор.

— А как же! Вы — её начальник. Гражданочка ведьма сама сказывала, что в цирке, мол, выступала, на гитаре играла.

— Ничего подобного! В нашем цирке выступала очень милая девочка с гитарой...

— Она самая ведьма и есть! Оборотень. Девочка-старуха.

— Оборотень?!. — Чрезвычайно умный и всё знающий (но не точно!) Директор опять схватился за голову. — Девочка-старуха?.. В том-то и дело, что в цирке её нет и где она живёт — неизвестно!

— Почему ж неизвестно? — сказала Доставалиха. — Очень даже известно: новый микрорайон, дом тринадцать, квартира двадцать один. Там и проживает.

— Спасибо! — маленький прозрачный Профессор вдруг чмокнул Доставалиху в щёку. — Спасибо, соседushка! Теперь-то мы знаем, где наш приятель Котькин!.. Жура, ты запомнил адрес?

— Запомнил! — раздалось из темноты зрительного зала.

Там в последнем ряду сидел грустный клоун и осторожно гладил по спине Старого Знакомого — серого волка.

Волк человеческого языка не разумел, о чём идёт разговор — не понимал, и от этого вздохнул с особенной тоской.

Топлёное резиновое масло

Приятель Котькин всё утро сидел на подоконнике, под закрытой форточкой, и смотрел вниз на улицу.

За окном висел мелкий весенний дождик — казалось, ему конца не будет. Люди торопливо бежали по мокрому асфальту, шлёпали по лужам, прятались под зонтами и плотнее запахивали блестящие от дождя плащи.

Ушастая сова, сидя на шкафу, крепко спала.

Цапа Цопик с утра опять жарила колдовские котлеты на топлёном резиновом масле, и вся квартира пропиталась мерзким запахом.

Но ведьма позавтракала с удовольствием. Потом встала перед зеркалом и, подёргивая пятую волшебную пуговицу, превращалась то в девочку, то в старуху. Когда она становилась девочкой — подкрашивала серым карандашом веки и мазала помадой тонкие губы. А когда делалась старухой — выщипывала жёсткие седые волосы над верхней губой и на подбородке.

— Ах, я и в старости выгляжу ещё милой и симпатичной, — говорила она, любуясь собой. — А уж девица — так просто прелесть! Не правда ли, Аркадий?

Котькин не отвечал.

— Ты меня слышишь, Аркаша?.. Что с тобой, Аркадий!.. Нежно-зелёный хвост Котькина как-то нелепо завертелся, усы задергались, глаза закрылись, и он, как мешок, свалился с подоконника на пол... Вот он судорожно потянулся и неподвижно замер.

— Аркадий! Аркадий! — закричала Цапа Цопик. — Что с тобой? Пропали все мои надежды! Рухнули мои планы!.. Аркадий, ты жив?..

— Ещё жив... — слабеньким голосом отозвался Котькин. — Но вот-вот помру...

— Почему помрёшь? Что с тобой, Аркадий?..

— Я задыхаюсь... Резиновое масло... И жжёной серой пахнет!.. Умираю...

— Не умирай, Аркашенька! Я проветрю комнату — вот видишь: открываю форточку... Не умирай!

— Вы сами, хозяйка, пропахли резиновым маслом... Примите душ... Вымойтесь хорошенько... Этот запах!.. Я сейчас умру!

— Хорошо, хорошо! Я сделаю всё, что ты хочешь! Только не умирай! Ты мне очень нужен, Аркадий!.. Проклятое резиновое масло! Я иду принимать душ! Только не умирай, пожалуйста, хвостатенький!..

Старуха лихорадочно содрала с себя джинсовый костюм, швырнула его на пол и поспешила в ванную комнату... Вскоре там заплескалась вода.

Котькин легко вскочил на ноги и бросился к ярко-синему костюму. Теперь только бы не ошибиться!

Вот она — джинсовая куртка! Первая пуговица... вторая... третья... А где же пятая?.. Ах, беда: Котькин умел считать только до трёх! Он плохо учился по математике — и вот... Первая... вторая... третья... Какая же тут из них пятая?..

А вода в ванной комнате плещется всё тише — сейчас ведьма закончит мытьё... Скорей, Коткин! Лови мышей!..

Но — что такое?.. Вот эта пуговичка, если приглядеться, чем-то отличается от остальных... Коткин понюхал её и даже лизнул: сладкая!.. Она вовсе и не металлическая, она — леденец, конфетка!

Приятель Коткин отродясь терпеть не мог сладкого. Поэтому пуговицу он есть не стал, но быстро перегрыз нитки, которыми она была пришита к костюму.

— Эй, сова!..

Ушастая сова раскрыла свои круглые глаза:

— Что случилось?

— Хочешь на волю?.. Лети — форточка открыта!

Спросонья сова пару раз стукнулась в оконное стекло и только потом вылетела в форточку.

Коткин прыгнул вслед за ней. В зубах он зажал обрывок нитки, на которой болталась волшебная пуговица-леденец...

Верхом на троллейбусе

Четыре человека и серый волк подбежали к дому номер тринадцать.

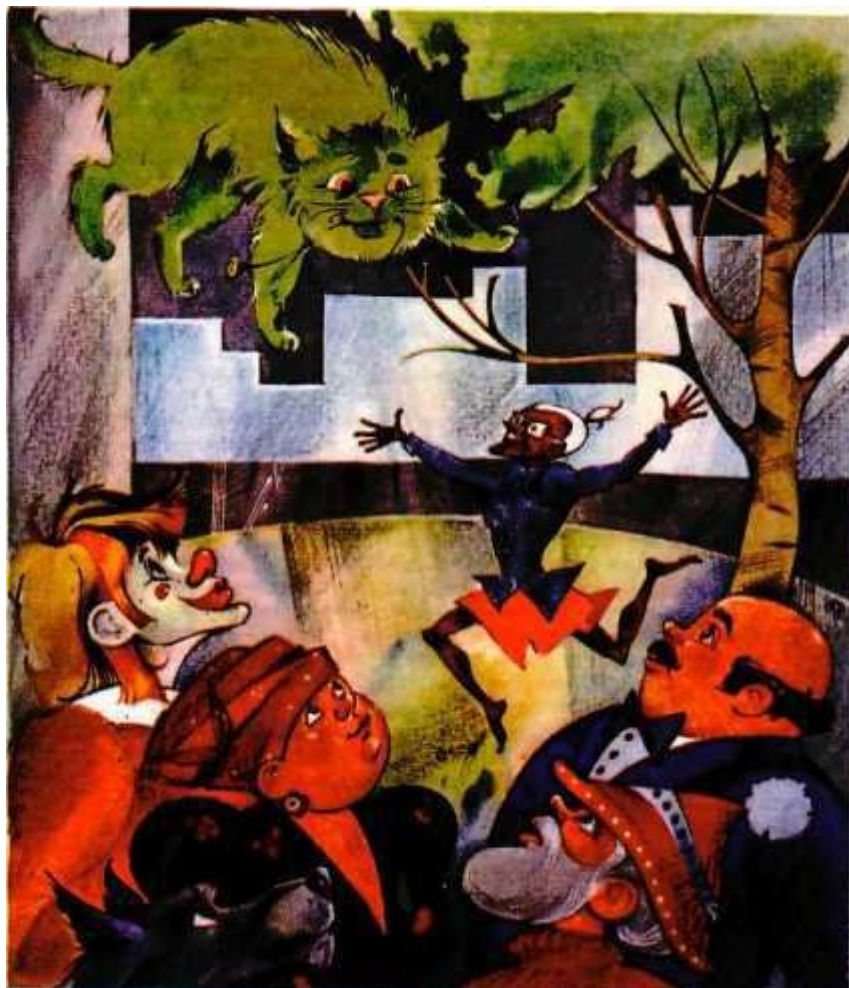
— Здесь! — сказала тётка Доставалиха. — В двадцать первой квартире она и проживает, эта ваша артистка.

— Всё равно я не верю, что она колдунья, — сказал Директор цирка.

— А я не верю, что сейчас встречу с Коткиным! — сказал Профессор.

Старый Знакомый, который от долгой жизни в лесу стал очень наблюдательным, задрал кверху узкую морду и вдруг тихонько заскулил: он заметил высоко на карнизе что-то похожее цветом на первую весеннюю травку...

Жура посмотрел туда же, куда глядел волк, и уже хотел закричать «Коткин!», но в этот момент из подъезда выскочила растрепанная полуодетая старуха: на ней была надета ярко-синяя джинсовая куртка, а под курткой — купальный халат, из-под которого виднелись костлявые голые ноги.

— Караул! — орала старуха. — Ограбили! Обворовали!

...Шёл мелкий дождик. Карниз, где притаился Коткин, сделался скользким. На нём долго не просидишь!..

Коткин сжался в комок и, собрав всю свою кошачью силу, прыгнул с карниза на высокий тополь, что стоял возле дома. Но в момент прыжка его задние ноги скользнули по мокрому карнизу, и нежно-зелёный кот, не долетев до дерева, упал на асфальт, прямо под ноги Цапе Цопик.

— Ага! — обрадовалась старуха. — Вот он!.. Пуговица!.. Сейчас поймаю!

Конечно, она поймала бы Коткина. Но Старый Знакомый вдруг сообразил, в чём тут дело (недаром же несколько дней прожил с хорошими людьми!); он вцепился своими острыми зубами в купальный халат и придержал старую ведьму.

— Коткин, беги! — крикнул Профессор.

— Лови мышей! — закричал Жура. — Быстрее!.. И приятель Коткин помчался.

Он бежал по лужам, перепрыгивал скамейки на бульваре, пересекал газоны, перебежал улицы... Завидев бегущего кота, шофёры притормаживали свои машины. А Коткин несся по улице, как совершенно неграмотный — не соблюдая правил уличного движения!

Блестящая пуговица-леденец на тоненькой ниточке болталась возле рта. И Коткин больше всего на свете боялся её потерять!

А вслед за Котькиным прямо по лужам и по газонам мчалась полуодетая старуха. За нею — тётка Доставалиха. За Доставалихой — клоун Жура. За ним — Директор цирка. А за Директором — едва поспевал, задыхаясь, прозрачный старичок в вязаной шапочке с помпоном; на тонкой бечёвке старичок держал серого волка и всё время командовал: «Рядом!.. К ноге!..»

— Пуговица! — кричала Цапа Цопик. — Отдай пуговицу, преступник! Шарлатан! Бандит!

Ведьма догоняла Котькина; расстояние между ними всё сокращалось, а сил у нежно-зелёного приятеля становилось всё меньше...

И тогда Котькин, внезапно свернув в сторону, быстро забрался на какое-то невысокое деревце, а с него прыгнул на будку телефона-автомата, которая стояла возле самой троллейбусной остановки.

Подкатил троллейбус. Двери открылись. Одни пассажиры вышли, другие вошли. Двери захлопнулись. Машина тронулась. И Котькин ловким прыжком махнул с автоматной будки на троллейбусную крышу!

...Вот какую удивительную картину наблюдали прохожие на улице. Верхом на троллейбусе сидел кот непонятного цвета. Он небрежно помахивал хвостом и свысока смотрел на растрёпанную полуодетую старуху, которая во весь опор скакала за троллейбусом. За старухой, шумно хлопая мокрой юбкой, бежала тётка, размахивая красной спортивной сумкой...

— Аркаша! — кричала старуха. — Не разбей пуговицу! Я сразу же погибну!.. И ты тоже...

Она не договорила, потому что в эту самую секунду приятель Котькин разгрыз пуговицу-леденец; как и всякий кот, он презирал сладости. Но ведь надо было как-то избавляться от этой проклятой волшебной конфетки! И Котькин, фыркая и морщась, разжевал своими острыми зубами пуговицу... Он оглянулся: что это?

Цапа Цопик — девочка-старуха, колдунья и злая ведьма — вдруг сделалась совсем маленькой! Она всё ещё бежала, размахивала руками, что-то кричала нехорошее, но становилась всё меньше... меньше... меньше... И совсем исчезла. На мокром асфальте даже следа не осталось.

Тётка Доставалиха остановилась, растерянно посмотрела вокруг, потом махнула рукой... И пошла куда-то продавать своё креп-жоржетовое платье, которое лежало в её красной спортивной сумке.

Жура, Профессор, Директор цирка и Старый Знакомый не побежали за троллейбусом.

— Зачем? — сказал клоун. — Идёмте-ка лучше в цирк — приятель Котькин знает туда дорогу. Там и встретимся.

А нежно-зелёный кот сидел на крыше троллейбуса и спокойно разглядывал большой город... Впрочем, отчего же «нежно-зелёный»? Под дождём голубая акварельная краска смылась, и наш приятель снова сделался рыжим, каким был всю жизнь до этого приключения.

Троллейбус прикатил в центр города. Вот — большой парк. Следующая остановка «Цирк!»

Туда-то нам и надо!

«Сегодня и ежедневно!»

Почти в самой середине нашего большого государства находится большой город.

Почти в самой середине большого города находится большой цирк.

А над главным цирковым входом сияют большие буквы:

«Сегодня и ежедневно! Клоун Жура и его новая свистулька! Приходите смотреть и слушать, смеяться и мечтать!»

Каждый вечер знаменитый клоун выбегает на манеж в своих неуклюжих остроносых ботинках. Он с огромным удовольствием разглядывает публику. Он подпрыгивает и переворачивается в воздухе через голову. Он сквозь бетонный купол видит звёзды на небе... А потом достаёт из кармана глиняную птичку. И в цирке наступает такая тишина, что слышно, как шуршат опилки на манеже.

И начинается мелодия — добрая, как жизнь хорошего человека. Нота тянется за нотой. За одной песенкой течёт другая. Всё просто, всё бесхитростно и очень серьёзно.

Люди слушают, затаив дыхание. Каждый думает: «Это он про меня играет, обо мне рассказывает!»

А свистулька говорит, что мир вокруг устроен, в общем, не так уж плохо, что он бесконечен, как эта музыка. А если в нём и случаются неприятности, то не следует их бояться, потому что рано или поздно всё плохое непременно кончится. А всё хорошее будет продолжаться и продолжаться.

Стоит посредине манежа, поджав одну ногу, похожий на скрипичный ключ, клоун по прозвищу Жура.

Вокруг него две тысячи зрителей. Он играет для них.

За сотни километров, в таёжной деревне Весёлые Горы сидят у телевизоров трактористы, сеяльщики, пастухи, доярки — Жура играет для них. Они слушают и думают: «Хороша свистулька- из нашей глины сделана, на нашей воде замешена!»

Играет клоун Жура, поёт свистулька...

А в это время за кулисами цирка чрезвычайно умный и всё знающий (но не точно!) Директор уговаривает старенького Профессора:

— Ну, пожалуйста, оставьте волка у нас. Мы научим его играть на электрогитаре...

— Нет-нет! — возражает Профессор. — Это совсем ни к чему!

Старый Знакомый будет жить со мной в деревне. Ведь я теперь остался один — приятель Котькин подружился с клоуном, и они не желают расставаться... До свидания, милый Директор!

...А совсем неподалёку от цирка, в небольшой уютной квартире на девятом этаже, лежит на диване рыжий кот.

Вот на лестнице раздаются знакомые шаги; вот открывается входная дверь...

— Как жизнь, приятель Котькин?

— Мяу!.. — отвечает кот.

— Соскучился без меня?

— Мяу-мяу! — кот машет хвостом и мурлычет.

Да-да, наш Котыкин больше не разговаривает по-человечески. Та пуговица-леденец была заколдована: как только Котыкин её разгрыз — он сразу же разучился говорить на всех языках, кроме родного кошачьего.

Но когда с ним беседуют хорошие люди — он понимает решительно всё! Он, как и все кошки, очень любит, когда с ним говорят ласково.

Пожалуйста, имейте это в виду!

ТИПТИК, или ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОДНОГО МАЛЬЧИКА, ВЕЛИКОЛЕПНОЙ БАБУШКИ И ГОВОРЯЩЕГО ВОРОНА

— Это что же за имя такое — Типтик?

— Да вот уж такое. Обыкновенное имя — Типтик.

— Нет, не обыкновенное. Ты, наверное, его просто придумал.

Таких имён не бывает.

— Всякие имена бывают. Имена бывают всякие и мальчишки тоже бывают всякие.

— А этот твой Типтик — какой мальчишка?

— Вроде тебя. Росту невысокого, но и не такой уж малыш.

Не толстый и не худенький — в самый раз. Глаза серые, нос курносый... И по правде говоря, зовут его не Типтик, а Тимофей. Тимофей Птахин. Вот как его зовут по-настоящему.

— А ты говоришь — Типтик. Выдумал, да?

— Я тут ни при чём. Это ребята в его классе так придумали: взяли первые буквы от имени и фамилии. Получилось — ТИПТ. А потом, чтобы удобнее было выговаривать, прибавили ещё две буквы. И получилось — ТИПТИК.

— Смешно получилось.

— А мне нравится.

— Мне тоже нравится... Ну, и что же было сначала?

— Ничего особенного сначала не было. Ходил Типтик в школу. В первый класс, потом во второй, потом — перешёл в третий...

— А приключения? Ты же обещал рассказать о необыкновенных приключениях этого мальчишки.

— Очень уж необыкновенные приключения. Боюсь — не поверишь.

— А ты не выдумывай. Рассказывай по правде всё, как было.

— Всё равно не поверишь.

— Это сказка?

— Сам не знаю... Не могу понять — где кончается правда и где начинается сказка.

— Всё-таки расскажи, пожалуйста.

— Ну что ж, слушай.

— И про Ворона не забудь!

— Не забуду.

— И про великолепную Бабушку!

— Не забуду. Итак...

Глава первая

СТАРЫЙ ДОМ

Типтик всё утро бегал по двору и устал. Присел отдохнуть. Имеет право на отдых человек, который прожил на свете целых девять лет? Имеет право на отдых человек, который закончил учебный год на пятёрочки и четвёрочки? Должен отдохнуть человек, если всё утро он бегал по двору и устал?.. Да, человек имеет право на отдых. Об этом даже есть специальный закон. И Типтик отдыхал вполне законно.

Он сидел на нижней ступеньке крыльца старого нежилого дома и ковырял щепочкой землю возле ног.

Обратите внимание: вокруг дома, где отдыхал Типтик, был не жёсткий асфальт, а мягкая земля. Это потому, что дом был старый-престарый; его уже сто раз собирались разобрать на дрова и на этом месте выстроить новый современный домище. Но почему-то с этим делом не торопились. Наверное потому, что в городе было много новых домов, а старых почти не осталось. А ведь приятно, когда на тихой улочке вдруг повстречается такой старый-престарый домик, украшенный деревянной резьбой, с чердаком и с высокой кирпичной трубой.

Говорят, что здесь когда-то жили ленинградцы, эвакуированные во время войны с фашистами. А до них, говорят, жили инженеры, построившие мост через реку. А до инженеров тут, говорят, проживали командиры непобедимой Красной Армии. А до командиров — здесь жил и работал Знаменитый Художник.

Как была фамилия этого художника и чем он был знаменит — этого сейчас никто уже не помнит... Впрочем, между нами говоря, с художниками так нередко бывает: пока живой — знаменит, а когда умрет — никто и не вспомнит.

А все-таки про этого Художника — хоть и забыли люди его фамилию — до сих пор рассказывают всякие чудеса.

Например, говорят, что этот Художник очень любил птиц; на чердаке устроил голубятню (голуби до сих пор там воркуют) и как будто бы научил разговаривать по-человечески какого-то умного воронёнка. Еще говорят, что нарисовал Художник удивительную картину, где изображён город, построенный, представьте себе, из стекла! Говорят, что картина эта была заколдована: чтобы её увидеть по-настоящему, надо было произнести какие-то волшебные слова. Говорят... да мало ли, что люди придумают — Художника-то давно ведь нет на белом свете; поди теперь проверь, где правда, а где сказка.

Глава вторая

«РАЗИ-ДВАЗИ...»

Так вот, значит, сидел наш Тимофей Птахин на крылечке старого дома, отдыхал и от нечего делать ковырял щепочкой землю.

Ковырял, ковырял... и вдруг щепочка наткнулась на что-то твёрдое. Типтик стал копать глубже и увидел в земле тёмный продолговатый металлический предмет. Вынул он этот предмет из земли, смахнул с него налипшие песчинки и соринки и понял, что держит в руках плоскую железную коробочку.

Разумеется, коробочка снаружи заржавела, — так что Типтик открыл её с большим трудом. А когда открыл — ахнул!

Внутри находились акварельные краски — яркие, свежие, совсем-совсем новенькие, словно их только что вчера положили в коробочку. А на внутренней стороне крышки зелёными буквами были написаны странные слова. Типтик сначала прочитал их про себя, а потом повторил вслух:

— Рази-двази, тризи-мизи, пята-лата, сули-мули, буба-бэнс!

Но едва Типтик произнёс до конца эти удивительные, совершенно непонятные слова, как на

чердаке старого дома послышался шум, и, расталкивая перепуганных голубей, оттуда вылетела большая чёрная птица. Она повисла в воздухе, как вертолёт, — и вдруг, сложив крылья, камнем кинулась вниз и опустилась на землю прямо перед Типтиком.

— Мол-чать! — чётко сказала птица. — Дурррак!

— Что-о?! — разинул рот Типтик (он, действительно, между нами говоря, на секундочку поглупел). — Это ты сказала?..

— Дурррак! — повторила птица и добавила: -За-буди!

Раскрыв огромный клюв, птица нахально подскочила к Тип-тику и выхватила у него из рук коробочку.

— Отдай! — закричал Типтик. — Отдай сейчас же!

Но птица ловко, хотя и тяжеловато, взлетела на крышу старого дома, положила коробочку рядом с собой, придавила её когтистой лапой и прокричала:

— Каррр! Чужое не трррогай! Забуди!.. Привет!

И, зажав краски в клюве, улетела неизвестно куда.

Глава третья

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ БАБУШКА

Прошла неделя... другая...

Типтик часто теперь думал об этой странной говорящей птице, о заржавевшей коробочке с красками и вспоминал непонятные слова: «Рази-двази...» Что там было написано дальше — Типтик, как ни старался, никак не мог вспомнить.

Чёрная птица сказала: «Забуди!» и Типтик забыл. Как странно!.. Очень странно...

Конечно, он рассказал об этой птице ребятам во дворе, рассказал дома. Но все смеялись и говорили, что Типтик выдумщик, фантазёр, сочинитель. Мама даже сказала, что когда Типтик вырастет, то непременно станет сказочником, «потому что все они порядочные бездельники и вруны», — объяснила мама и побежала на кухню варить яблочный компот.

Но Бабушка Тимофея Птахина (которая называла его только ласкательно, по-старинному, — «Тимоша», а иногда по-деловому — «внук»), когда услышала эту непонятную историю, — задумалась. Задумалась надолго, на целых полтора дня.

Ах, это была великолепная Бабушка! Она разгуливала по городу в синих брючках, стриглась «под мальчика», читала газету «Спорт» и журнал «Здоровье», а по вторникам и четвергам бегала лёгкой трусцей в спортзал играть в волейбол.

— Вот что, внук, — сказала великолепная Бабушка. — Я думала полтора дня и решила, что, к сожалению, ты не станешь сказочником, потому что ты не врун. Ты — человек честный, и я верю в то, что ты рассказал. Я убеждена, что чёрная птица — это Ворон! Да-да, тот самый Ворон, который когда-то давным-давно был обыкновенным воронёнком и которого Знаменитый Художник научил разговаривать по-человечески. В одной газете я прочитала, что вороны

чрезвычайно умные и способные птицы, а в журнале «Здоровье» сказано, что живут они долго-долго, почти триста лет... хотя проверить это невозможно.

Тут великолепная Бабушка взяла гантели, сделала несколько силовых упражнений, трижды глубоко вздохнула и рассказала Типтику кое-что интересное.

— На днях я пробежала мимо старого дома. И заметила, как странный какой-то человек карабкался по наружной лестнице на голубиный чердак. Вокруг беспокойно кружились голуби, суетились воробьи, а человек отбивался от них палкой... И, знаешь, что я ещё заметила?.. Он тащил с собой тонкую лёгкую сеть! Ах, к сожалению, я опаздывала на волейбол и не успела спросить: зачем ему сеть?

— Я знаю! — сказал Типтик. — Он хотел поймать Ворона.

— Может быть, — согласилась Бабушка. — Вполне возможно. Но, понимаешь ли, за такой необыкновенной птицей должен охотиться только необыкновенный охотник.

— А какой он из себя?

— Я же тебе сказала, Тимоша, что торопилась на волейбол и не смогла рассмотреть птицелова подробнее. Но мне показа лось, что он маленький, толстенький — ему надо бы побегать трусцой! И он в клетчатом пиджачке... А нос у него крючком... то есть, конец носа загнут книзу, кажется... или кверху?.. Точно не могу сказать, но твёрдо помню, что — крючком.

Глава четвёртая

ПОРТРЕТ ВОРОНА

Какая досада, что Ворон утащил ту коробочку с акварельными красками!

Дело в том, что Типтик иногда любил рисовать. Он многое любил делать иногда. Иногда любил собирать марки. Иногда любил играть в «чижика». Иногда любил помогать взрослым по хозяйству. Иногда любил читать, иногда — рисовать. И хорошие краски ему оченьгодились бы.

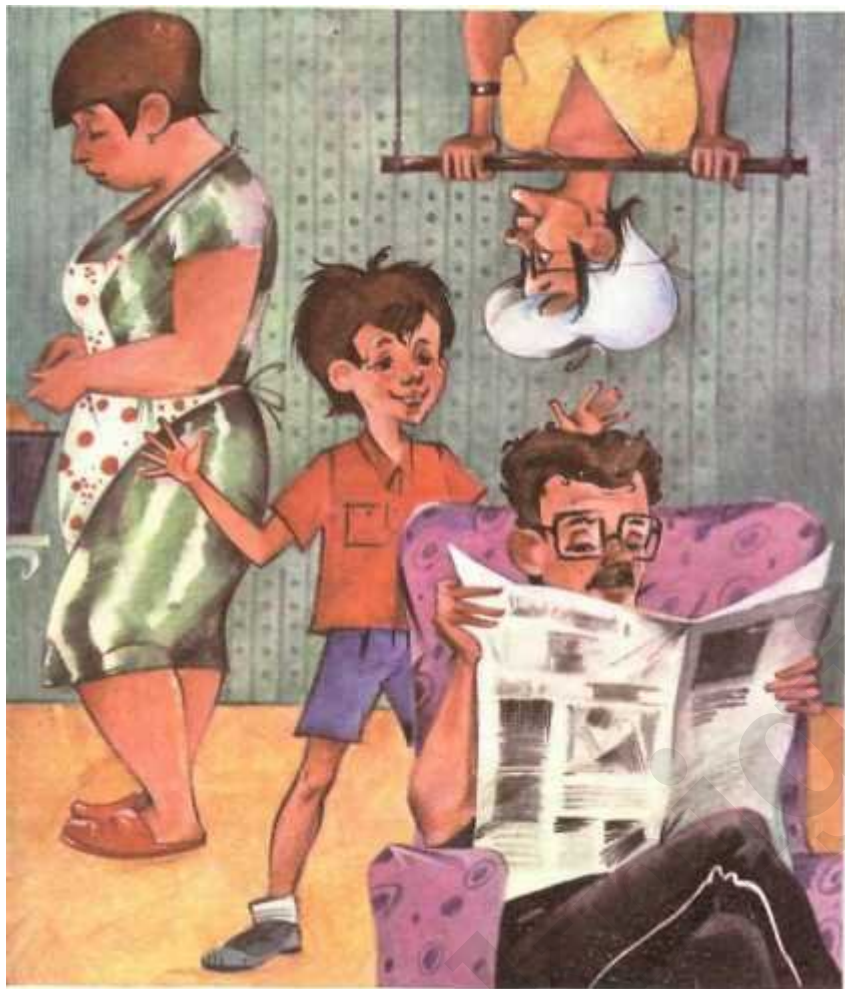
Конечно, в столе у Типтика лежали и бумага, и хорошие кисти, и неплохие краски... Но те — в металлической коробке — были просто замечательные: чистые, яркие...

Все-таки Типтик решил что-нибудь нарисовать своими неплохими красками. Взял бумагу и самой чёрной краской, которая называется очень страшно — «жжёная кость», попробовал изобразить говорящего Ворона... Не получилось — Ворон вышел слишком чёрный и даже немного страшный. А ведь Типтик помнил, что та птица была совсем не страшная, а, наоборот, вполне симпатичная. И глаза у нее были смелые да весёлые, а клюв блестящий... А перья не совсем чёрные, а с каким-то синеватым металлическим отливом.

Тогда Типтик развел тёмно-синюю краску, добавил туда немного зелёной, фиолетовой, прибавил чёрную (но совсем чуть-чуть!) — и на этот раз Ворон получился замечательный! Как живой!

Портрет Ворона Типтик прикрепил у себя над кроватью. И чем больше смотрел на эту птицу, тем сильнее она ему нравилась.

— Ворон!.. — шептал мальчик, перед тем, как лечь в постель. — Воронушка... Мой Воронусик... Я тебя люблю! И во что бы то ни стало найду тебя!

Глава шестая

ПТИЦЫ В КЛЕТКАХ

Это произошло в субботу днём.

Накануне родители уехали на дачу собирать ягоду викторию, а Типтик и его великолепная Бабушка остались в городе.

— Внук! — сказала Бабушка. — Не сбегать ли нам с тобой в тир? Не пострелять ли из пневматического ружья?

— Идёт! — ответил Типтик. — Давненько не брал я ружьецо в руки!

— И я давненько.

— А деньги у нас найдутся? — спросил Типтик.

— Найдутся. Я беру с собой два рубля.

— Достаточно...

Надвинув на лоб легкие голубые каскетки с длинными козырьками, чтобы не щуриться от

солнца, Бабушка и внук побежали легкой рысцей в тир.

На самом углу Зелёного проспекта и Мирной улицы они увидели небольшую стайку ребят: мальчишки громко разговаривали, смеялись и что-то там такое разглядывали.

— Необходимо выяснить, в чем дело, — сказал Типтик, слегка запыхавшись от легкого бега.

— Выясняй, — безо всякой одышки ответила великолепная Бабушка.

Растолкав знакомых ребят, Типтик лицом к лицу очутился перед странным человечком.

Человечек — низенький, чуть повыше Типтика, толстенький; губы широкие, зубы мелкие, желтоватые, а нос загибается книзу, крючком! Левый глаз прикрыт чёрной повязкой... Одет незнакомец в клетчатый пиджак.

— Бабушка! — крикнул Типтик. — Иди-ка сюда!..

Рядом с одноглазым на асфальте стояли клетки с птицами. Клетки маленькие, тесные; и птицы отчаянно бились о прутья. Бились, щебетали, трепыхались щеглы, синички, пеночки, овсянки...

— По какому же праву здесь издеваются над живой природой? — очень строго и очень громко спросила Бабушка.

Ребята замолчали. Смех прекратился. Только слышно было, как трепещут птичьи крылья.

Одноглазый вовсе не испугался. В ответ он быстро затараторил:

— Кто, кто, кто издевается? Где, где живая природа? Тут нет никакой природы, тут пташки! Вас не касается. Сам изловил, сам посадил, сам продаю!..

— А я вас опознала! — торжественно провозгласила Бабушка. — Вы лезли на чердак старого дома ловить птиц. Я опознала вас!

— И нечего опознавать. Меня и так все знают. Любого спроси, любой ответит: это Дядя Ловушка — знаменитый любитель птиц.

— Какой же вы любитель, если держите птиц в таких тесных клетках?.. Любитель должен быть добрым, — сказал Типтик.

— Много ты, голубок, понимаешь в любителях. Есть любите ли добрые, есть любители недобрые; а я — средний... Пташки мои — хочу люблю, хочу не люблю.

— Они пить просят, им жарко. А вы воду в клетки не поставили.

— Тебя как звать? — спросил Дядя Ловушка и прищурился.

— Типтик.

— Его полное имя — Тимофей Птахин! — объяснила великолепная Бабушка.

— Ну вот что, Птахин... — единственный глаз Дяди Ловушки сердито сверкнул. — Вот что: топай, топай отсюда! Птахин, не мешай торговать пташками. Ясно?.. Топай, топай! Живо!

— Как вы разговариваете с ребёнком! — возмутилась Бабушка. — Безобразие! Вы не имеете

права! Вы — враг живой природы!

— Я? Враг?.. Хи-хи! — обнажил мелкие зубы Дядя Ловушка. — А пташки всё равно мои. Пить хотят? Меня не касается!

— Что же вас, дяденька, касается?

— А касается меня только то, что я сам пожелаю!.. Ты купи пташечку, а после хоть напои её, хоть залей её водой — дело твоё. Ты не враг живой природы, нет? Тогда дай пташке напиться, будь любезен. Только сначала купи её!

— У меня нет денег, — сказал Типтик.

— Нет денег? — Дядя Ловушка зло взглянул на Типтика. — Тогда не лезь. С нищими не разговариваем!

— Ишь какой богатый выискался! — вступились за Типтика ребята. — А вот мы вас, дяденька, поймаем и тоже в клетку без воды посадим. Хорошо вам будет, а?

— Нет у нас такого закона, чтобы мучить птиц! Великолепная Бабушка от волнения сделала два глубоких вдоха и решительно сказала:

— Не имеете права! Выпустите птиц на волю!

— Но-но!.. — закричал Дядя Ловушка. — Мои пташки!

— Нет! — сказал Типтик. — Птицы не ваши. Птицы — для всех. Птицы должны жить на воле!

— Пррра-пррравильно! — раздался резкий скрипучий голос — как будто гвоздём по консервной банке чиркнули.

Глава седьмая

ВОРОНУША

Это ещё что такое?!

Клетчатый пиджак Дяди Ловушки оттопырился, и оттуда высунулся длинный чёрный клюв. А вслед за клювом показались круглые карие глазки.

— Галка! — сказал какой-то мальчишка.

— Грач, — сказал другой.

— Нет! — обрадовался Типтик. — Ничего вы не понимаете. Это не галка и не грач, не сорока и не ворона... Бабушка, смотри: ведь это же необыкновенный ворон! Я тебе рассказывал!..

— Сказочно красивая птица! — воскликнула Бабушка.

— Пррра-пррравильно! — чётко произнёс ворон. — Воронуша — кррра-крррасавчик!.. Пить давай!

Все ахнули:

— Говорящий!

— По-человечески умеет!

— Он продаётся? — спросила Бабушка. — Какая цена?

— Ишь чего захотели! — прищурил свой единственный глаз Дядя Ловушка. — Не продаётся Воронуша. Ни за что не продаётся. Нет, ни за что! Самому нужен.

— Пррро-пррродавай! — каркнул Ворон. — Ррразбойник! Воррр! Пррродавай!.. Пить Воронуше, пить!

— Он водички хочет... — голос у Типтика дрогнул. — Я... Ну, я очень вас прошу, Дяденька Ловушка!.. Пожалуйста, будьте так добры... Я очень... Бабушка, ну что же ты: попроси, пусть продаст... Ну, пожалуйста!

Ворон совсем выбрался из-под клетчатого пиджака. Замахал крыльями, хотел вспорхнуть, да не смог: его крепко держала за ногу короткая стальная цепочка.

— Пусти! Воррр! Ррразбойник! — сердито шёлкнул клювом Воронуша.

Дядя Ловушка ударил его по клюву:

— Чего захотел, паразит!

— Ну, продайте... Пожалуйста!.. — прошептал Типтик.

— Сто рублей! — ехидно улыбнулся птицелов.

— Ско-олько?! — возмутилась Бабушка. — Грабёж среди бела дня. Сто рублей за птицу!

— Пташечка-то не простая, а говорящая! — подмигнул Дядя Ловушка. — Десять рублей за перья с клювом, а девяносто за разговоры.

Типтик полез в карман курточки.

— Вот... — сказал он, протягивая руку, — на ладони лежали шестьдесят копеек. — Вот... на три выстрела в тире... Больше нету.

Дядя Ловушка захихикал: толстые губы растянулись до самых ушей.

— Погоди, Типтик, — сказали ребята. — Мы тебе отдадим свои деньги...

— У меня есть восемь копеек...

— У меня пятак...

— А вот целый полтинник!

— Три копейки...

— У меня денег нет, но есть перочинный ножик, почти новый, только тупой и без штопора...

Ребята сложили всё в кучку перед Дядей Ловушкой. На асфальте лежали: ножичек, ошейник, рыболовное грузило, значок «Юный турист», увеличительное стёклышко, испорченный карманный фонарик, старая батарейка, кусочек жевательной резинки... А денег всего — один рубль семьдесят шесть копеек.

— Сто рублей! — хохотал Дядя Ловушка. — Ни копейки меньше!

У Типтика защипало в носу — он вот-вот готов был разреветься.

— Не могу видеть, как страдает ребёнок! — сказала великолепная Бабушка. — Сто рублей?.. Отлично! Сейчас же сбегаю за деньгами домой.

Она подтянула свои синие брючки, откинула назад коротко подстриженную голову и побежала лёгкой рысцой.

Глава восьмая

ДОБРЕНЬКИЙ ДЯДЯ

— Ладно, — сказал одноглазый. — Ладно, я ужасно добренький. Пока гражданка Бабушка

летает за деньгами, я — так и быть! — разрешаю маленько поиграть с моим Воронушей... А ну, давайте-ка сюда ваши денежки — один рубль и семьдесят шесть копеек. Так и быть, на три минуты можете взять птичку в руки...

Он сделал цепочку немного подлиннее и, не отстёгивая её от пиджака, спустил Воронушу на землю. Звякнув цепочкой, Ворон немедленно вспрыгнул Типтику на плечо:

— Пить!.. Пить!..

— С-сейч-час... — от радости Типтик даже заикаться начал.

Кто-то из ребят побежал к автомату с газировкой... А где деньги? Ведь ни копеечки не осталось — всё отдали Дяде Ловушке.

— Верните копеечку! — попросили у него. — Воронуша пить хочет...

— Авось, не сдохнет, — сказал птицелов, подбрасывая на ладони ребячьи медяки. — Птица — она до самой смерти выносливая: пока не помрёт — будет жить!

Всё-таки, у кого-то из мальчишек завалилась в самом уголке кармана позеленевшая монетка. И вот целый стакан газированной воды — чистой, прохладной, с легкими воздушными пузырьками преподнесён Воронуше:

— Пей, птичка! Пей, Воронуша!

Ворон сунул клюв в стакан, потом задрал голову — проглотил воду.

— А что, Воронуша, надо сказать? — спросил Типтик.

— Давай с сирропом! — без запинки ответил Ворон.

Все так и покатались со смеху — ну и птица! Сообразительная!

А Типтику вдруг неизвестно почему — ну, совершенно непонятно почему! — вспомнилась та коробочка с красками и те странные слова, похожие на считалку. Он совершенно беззаботно, шутя произнёс:

— Рази-двази...

— Тризи-мизи... — продолжил Ворон; но вдруг запнулся, словно вспомнив что-то, отшатнулся от Типтика и чётко сказал: — Дурррак! Мол-чать!

И прицелился клювом, как бы выбирая: куда бы побольнее стукнуть Типтика?

— А только посмей! Только клюнь! — раздался испуганный голос Бабушки. — Да, я принесла деньги. Сто рублей. Но я не могу тратить такую огромную сумму на хулиганскую птицу. Ребёнок может ослепнуть...

— Это у них, у паршивых пташек, дело обыкновенное, — проворчал Дядя Ловушка. — Раз — и в глаз!

И грязными пальцами он поправил свою повязку.

А Типтик давно уже приметил, что у стальной цепочки есть маленький пружинный замочек. И

в тот момент, когда Дядя Ловушка поправлял повязку на глазу, Типтик незаметно (как будто бы совершенно случайно!) нажал на пружинку; замок раскрылся, и...

Глава девятая

МИЛИЦИЯ!

Ребята закричали:

— Смотрите, смотрите! Летит!

— Держи его, держи!

— Счастливого пути, Воронуша!

Дядя Ловушка, растерянный, стоял посреди улицы, топал ногами и орал благим матом:

— Назад!.. Проклятая птица!.. Кому сказано — на-зад!.. Ах ты!..

Ворон, вырвавшись на волю, взмыл высоко в небо.

Странно, вместо того, чтобы поскорее улететь прочь отсюда, Воронуша, немного покружившись в небе, плавно опустился на вершину высокого тополя, что стоял на самом углу Мирной улицы и Зелёного проспекта. Длинным крепким клювом он спокойно перебирал перья на животе и, поворачивая голову то вправо, то влево, наблюдал, что делается внизу.

А внизу суетился птицелов — перебегал с места на место, махал руками, кричал, звал... Ворон не обращал на него никакого внимания и думал о чём-то своём — серьёзным и, наверное, таинственным.

Тут вдали показалась жёлто-синяя милицейская патрульная машина. Выждав, когда она приблизится к тополю, Ворон спрыгнул на ветку пониже и громко заявил на всю улицу:

— Ворррр! Карррртину укррррал! Огррррабил!

Машина остановилась, из неё вышел сержант милиции и спросил:

— В чём дело, гражданин? Кто кричал «вор»? Кто кричал «ограбил»?..

Сверху раздалось ещё громче:

— Ворррр! Карррртину укррррал! С чердака!

Глава десятая

ПРО КАРТИНУ

— Спокойно, граждане! — милиционер строго посмотрел на ребят, на Бабушку, на птицелова.
— Признавайтесь быстренько: кто похитил произведение искусства?

— Разрешите вам объяснить, — сказала великолепная Бабушка. — Речь идёт, очевидно, вот об этом браконьере. Он торгует птицами, торгует, так сказать, живым товаром. И вы только взгляните — в каком бедственном положении все эти пеночки, синички и щеглы! И ещё он

хотел продать нам за сто рублей вон того ворона, который, к счастью, вырвался из плена и улетел...

— Нет, Бабушка, он улетел, к несчастью! — воскликнул Типтик. — Вот если бы он улетел к нам — это было бы к счастью!

— А ведь я уже приготовила сто рублей, чтобы уплатить их этому... этому... — Бабушка не могла подобрать нужного слова.

— Воррру! — закончил за неё Воронуша. — Укрррал карррртину со старого чердака!

— В чём дело, гражданин? — милиционер подошёл к Дяде Ловушке. — Какая картина? Какой чердак?

— Шутка, гражданин начальник! — Дядя Ловушка подмигнул единственным глазом. — Пташка шутит. Кричит безо всякого понимания. Дурацкая башка — вот и кричит...

— Но позвольте! — вмешалась Бабушка. — Я лично видела этого человека, когда он в своём клетчатом пиджаке забирался на чердак старого дома. В том доме когда-то жил Знаменитый Художник. И, может быть, на чердаке до сих пор хранятся его картины? Нет, товарищ милиционер, у Ворона не такая уж глупая голова.

— Шутка, граждане!.. Ну да, было такое дело — полез я на тот старый чердачок: думал парочку голубей отловить... Вижу, на чердаке картина валяется — вся в пыли да в паутине. Чего ж добру пропадать? Взял я картинку, принёс домой, вымыл с мылом... Гляжу и глазам не верю: не картина это, а просто чистый холст! Ничего там не нарисовано: золочёная рама, а в серёдке серый холст... Пусто!

— Вррраньё! — раздалось сверху.

— Вы кому больше верите? — обозлился Дядя Ловушка. — Мне, человеку разумному, или этой дурацкой птице?.. А ещё вот что, гражданин милиционер: когда я на чердаке взял в руки проклятую картину, эта чёрная ворона налетела на меня и долбанула в левый глаз! Через неё инвалидом стал. Работать не могу — вот, пташками стал интересоваться.

— Воронушу вы всё-таки поймали? — спросила Бабушка.

— А как же! За такое разбойное нападение наказание полагается. Как раз сегодня хотел ему башку открутить, да вот, освободился он каким-то чудом...

— Нет, что же это делается, товарищи! — воскликнула Бабушка. — Живой птице хотят голову открутить! Мало того, что он торгует несчастными пернатыми, учит детей жестокости, так он ещё...

— Ладно, разберёмся, — сказал милиционер. — Собирайтесь, гражданин, поедете с нами.

— За что, за что? — затараторил Дядя Ловушка. — Ни одной птички ещё не продал, ни одной копейки не получил... За что, за что, за что?..

— Неправда! — сказал Типтик. — Копейки-то он получил.

— На-на! Забирай свои денежки! Забирайте все! — и Птицелов швырнул на асфальт один рубль семьдесят шесть копеек, а за ними — тупой ножичек, ошейник, грузило, значок,

увеличительное стёклышко, карманный фонарик, батарейку и жевательную резинку...

Милиционер собрал клетки с птицами, поставил их в машину. Туда же забрался Дядя Ловушка, и за ним захлопнулась дверца с решётчатым окошечком.

— Ура! — сказала Бабушка.

— Ура! — сказал Типтик, а за ним и все ребята — Ура! Теперь Ловушка сам оказался в клетке!

— Типтик! — Бабушка подтянула синие брючки. — Вперёд! Ребята, за мной!.. У меня в кармане осталось сто рублей, и каждый, кто хочет, может пострелять в тире из пневматического ружья. Денег хватит на всех!

— Кррра-крррасота! — раздалось сверху.

Глава одиннадцатая

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Что и говорить — этот день был что надо!

Типтик освободил Воронушу. Милиция забрала птицелова Дядю Ловушку. Потом всей компанией стреляли в тире. И надо признаться, что великолепная Бабушка целилась лучше* всех. Правда, и Типтик пять раз подряд попал в забавную мишень: как угодишь в самый центр, так сразу же раздаётся песенка про голубой вагон.

А после тира они с бабушкой ещё долго гуляли по городу и Типтик всё задирали кверху голову: не видать ли где-нибудь в небе Воронушу?.. Нет, не видать...

Родители вернулись с дачи поздно. Они там слишком долго ползали на корточках между грядками — ухаживали за ягодами: устали и поэтому не слишком внимательно слушали Типтика и Бабушку, которые рассказывали про птицелова, про Воронушу и про стрельбу в тире.

— Очень интересно, — рассеянно сказала мама. — Я всё поняла: Бабушка посадила птицелова в клетку, а ты научил ворону петь «Голубой вагон». Молодец! Забавно!

Нет, сегодня родителей интересовала только ягода. Они ничего не поняли. И Типтик огорчённый отправился спать.

Он спал в одной комнате с Бабушкой. Честно говоря, это ему не слишком нравилось, потому что Бабушка заставляла его перед сном чистить зубы и непременно мыть ноги; когда он забирался под одеяло, Бабушка отворяла форточку, чтобы ночью в комнате был свежий воздух...

Но засыпать рядом с Бабушкой было интересно, потому что она знала много удивительных историй. Типтик слушал... слушал... и засыпал, не разобрав, где в этих историях правда, где выдумка, где быль, а где сказка.

Сегодня Бабушка начала рассказывать небывалую небывальщину: будто бы давным-давно — две с половиной тысячи лет тому назад — умные птицы решили построить Город Счастья.

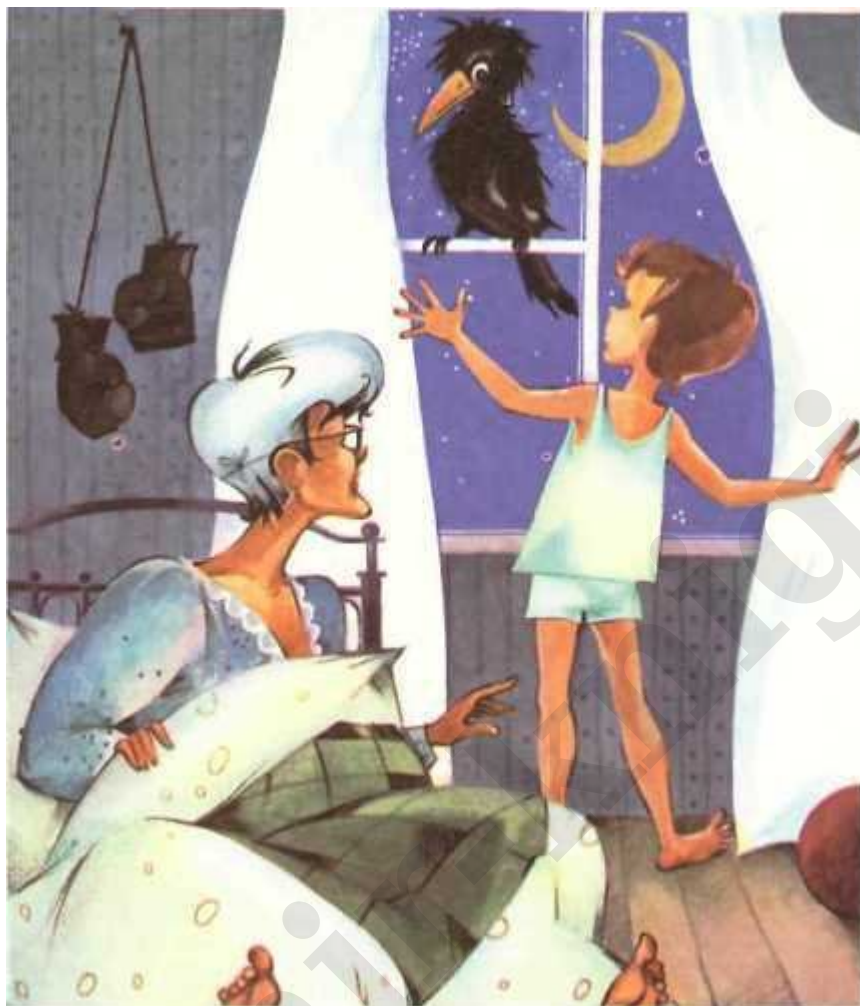
— А разве птицы могут строить? — спросил сонный Типтик.

— Могут, могут... — тихо ответила Бабушка. — Это ведь сказка, а в сказке все всё могут. Решили птицы жить по справедливости, честно, без обмана...

— Хороню... — тихо произнёс Типтик уже во сне.

Бабушка погасила в комнате свет... И тоже заснула.

Не спали только одни часы — они тикали, тикали и, наконец, не торопясь, пробили полночь.

...В этот момент Типтик проснулся. Показалось ему, что кто-то смотрит на него сквозь открытую форточку. Он сел на кровати и увидел, что Бабушка тоже не спит, тоже сидит на кровати и тоже смотрит в окно.

Вдруг в комнату бесшумно влетело что-то большое, крылатое, чёрное.

— Ворону ша! — вскрикнули одновременно Типтик и Бабушка.

— Не каркать! — скомандовал Ворон. — Ти-ши-на!

Однако сам он при этом шумел довольно сильно: топал когтистыми лапами по полу; сунул клюв в вазу с цветами и опрокинул её; испугавшись, вспорхнул на полку с книгами и уронил их на пол.

— Что у вас там происходит? — раздался сонный папин голос из соседней комнаты. — В чём дело?

— Ничего особенного, — громко ответила Бабушка. — Просто я потеряла свои очки.

— Зачем ночью очки? — спросил папа.

— Чтобы лучше видеть интересные сны, — ответила Бабушка. А Воронуша сел к Типтику на подушку и предложил:

— Неплохо бы пообедать!

Типтик на цыпочках прокрался на кухню, взял из холодильника котлету и принёс Воронуше.

— Недурно! — произнёс Ворон. — Лучшее горючее для дальних перелётов — жирная котлета!

Он поправил клювом перышки на брюхе, почесал лапой за ухом и вылетел в форточку, даже не сказав «спасибо».

— Скверное воспитание! — покачала головой Бабушка. — Боюсь, Тимоша, что это для тебя неподходящая компания.

Тимофей Птахин улыбался в темноте: при чём тут воспитание? Главное, Воронуша не потерялся — он здесь, он неподалёку!

Глава двенадцатая

ЗАНЯТИЯ

Через несколько дней Ворон опять прилетел. Прилетел днём, когда родители были на работе.

Он сел на телевизор и запел во всю глотку:

Каррр-каррр-каррр!
Да здравствует базар!
На базаре чудеса
— Пирожки и колбаса!

— Кошмар! — сказала Бабушка. — Впервые в жизни слышу такой громкий и такой скрипучий голос.

— Пре-кrrрасный голосок! — возразил Воронуша.

— Ты хвастун, — покачал головой Типтик. — Сам себя нахваливаешь. Так у нас не полагается. Пусть другие тебя похвалят.

— Пррравильно! Пусть хвалят другие. Начинай!

— За что же тебя хвалить-то?

— За хороший нос. Он длиннее твоего.

— Велика важность. У слона, например, нос во сто раз длиннее, но слон не хвастает.

— Слон может порхать? В форточку залететь? На дерево сесть?

— Не может...

- А я могу. Выходит, я самый лучший в мире!
- Ты хоть бы грамоте выучился, — сказала Бабушка.
- Зачем Ворону грамота? И без гrrррамоты всё знаю!
- Нет, милый друг, надо тебе учиться.
- Не могу. Занят.
- Что же ты делаешь? Чем занят?

Ворон ответил не сразу. Он помолчал. Оглянулся по сторонам и произнёс очень тихо:

- Кррра-кррраски стерегу.
- Какие ещё краски? Ты художник?
- Я знаю, бабушка! — воскликнул Типтик. — Коробка с акварельными красками? Так?
- Так, — кивнул Ворон.
- А внутри на крышке таинственная считалка: «Рази-двази, тризи-мизи...»
- Молчать! — скомандовал Ворон.

Он опять оглянулся вокруг: не услышал ли кто-нибудь посторонний эти слова?

И улетел, встревоженный.

Глава тринадцатая

УРОКИ

Воронуша стал прилетать часто — то днём, то ночью. Он был очень осторожен, и кроме Типтика и Бабушки его никто в доме не видел.

Бабушка обучила Воронушу четырём правилам арифметики. Тот моментально сообразил, в чём дело, и быстренько наловчился складывать, умножать, с удовольствием отнимал. Но делить ни за что не соглашался:

- Отнимать, потом складывать — прррекрасно! Делить не хочу — пррро-прррротивно!

А Типтик читал ему вслух разные книжки. Воронуша слушал внимательно, глаза у него затягивались плёнкой — не проходило и трёх минут, как он сладко спал.

Сны Воронуша видел приятные: будто бы сидит он в большом гнезде, а рядом лежат котлеты, пироги, колбасы, пряники, и всё это можно есть, не сходя с места.

Глава четырнадцатая

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НАЧИНАЮТСЯ

Папа с мамой ушли на работу. И только за ними захлопнулась дверь — в форточке показался Ворон:

— Здррра-здррравствуйте!

— Как живёшь? Какие новости? — спросил Типтик.

— От-кrrры-откrrрытие!.. Знаю, где находится картина!

— Какая картина? — удивился Типтик.

— Погоди-ка, Тимоша, — вмешалась Бабушка. — Мне кажется,

Воронуша говорит о той картине Знаменитого Художника, которую нашёл на чердаке тот ужасный птицелов.

— Не нашёл! Укrrрал! Ворrr!

— И где же она сейчас находится, эта картина?

— Вспорrrхнули! Полетели!

Типтик и Бабушка не успели ничего ответить, а Ворон уже кружился в небе над их домом и призывно каркал. Конечно, надо было ему помочь, надо было найти картину.

— Возможно, дорога будет дальняя, — сказала Бабушка, — предлагаю надеть кроссовки, в них легче ходить и бегать.

И это была прекрасная мысль!

Погода в тот день стояла серенькая. Однако было тепло, безветренно.

Воронуша спустился на землю и сначала враскачку вышагивал по тротуару. Типтик с Бабушкой шли рядом. Потом Воронуше идти надоело — он поднялся в воздух и, легонько помахивая крыльями, летел медленно, неторопливо. А Бабушка и Типтик трусцой бежали по улицам, стараясь не отставать от своего крылатого друга.

— Как ты думаешь, Бабушка, — спросил Типтик, — неужели Ворон и вправду знает, где картина?.. Летит и летит...

— А мы бежим и бежим! Никакой усталости! — великолепная Бабушка, сжав кулаки и согнув руки в локтях, легко обгоняла прохожих, успевая при этом вежливо говорить: «Простите... Извините!..»

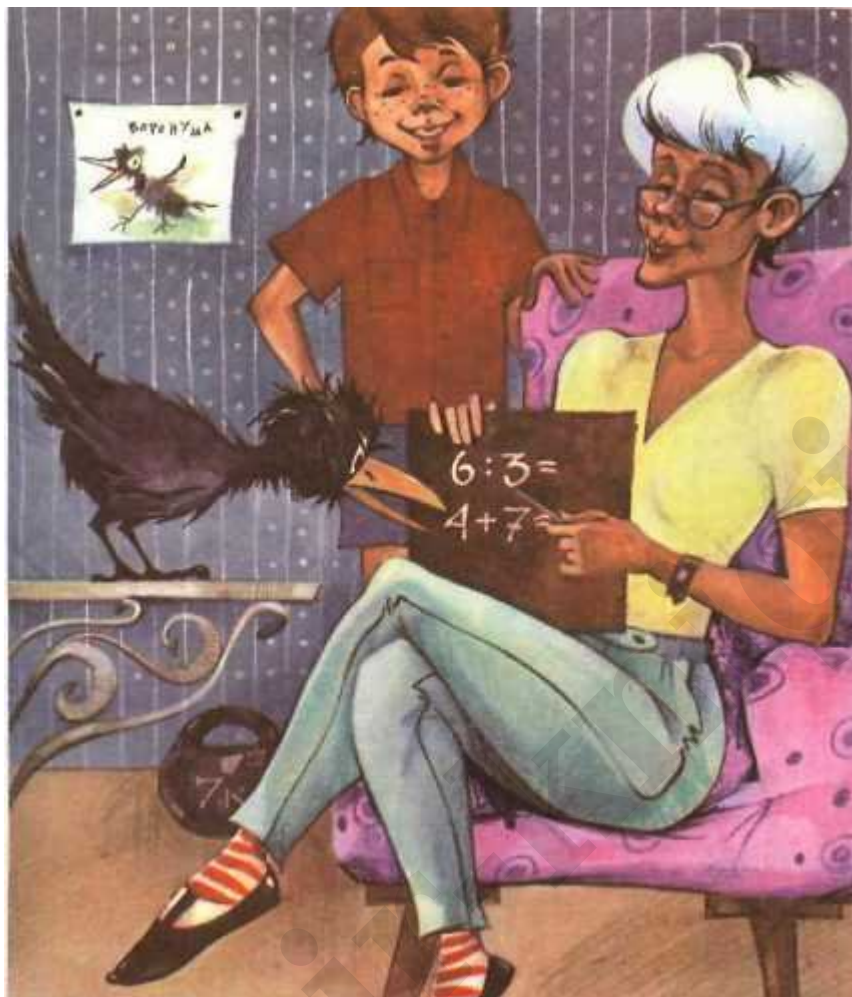
— А что мы будем делать, если встретимся с Дядей Ловушкой? — беспокоился Типтик. — Без милиции, пожалуй, с ним не справиться...

— «Вперёд, без страха и сомненья!»- воскликнула Бабушка и прибавила ходу, потому что Воронуша полетел быстрее...

Типтик начал отставать. Он то бежал, то шёл шагом — спотыкаясь, задыхаясь. И как-то не заметил, что они свернули со знакомых улиц и попали в район, где ни разу до сих пор не бывали.

Здесь шло большое строительство. Перекликались рабочие. Ворчали бульдозеры. Мягко катились по рельсам башенные краны. Грузовики везли готовые стены с отверстиями для дверей и окон. Всю стройку опутали электрические провода, резиновые шланги. Кругом виднелись бочки с краской, мешки цемента, груды горячего асфальта, ящики со стеклом...

Прошлой осенью Типтик видел, как у них во дворе сосед строил гараж для мотоцикла. Малюсенький гаражик, но строился он почти неделю.

А здесь целая квартира получалась за какой-нибудь час! Поставили стенку, к ней прислонили другую, третью, четвертую и — будьте любезны! — осталось лишь пол настелить да стёкла в рамы вставить. Никто словно не торопится, а дома растут и растут.

...Воронуша присел на стрелу башенного крана, посмотрел небрежно, сверху вниз, на Типтика, на Бабушку. Типтик помахал рукой. Воронуша перелетел на другой кран, потом на третий... — всё дальше и дальше. Там, за строящимися домами, темнел парк.

— Стой! — кричал Типтик. — Стой! Спускайся сейчас же!.. Бабушка ничего не кричала, не говорила — бежала той же лёгкой рысцой, но, кажется, тоже начала уставать.

— Ты, Бабушка, отдохни, — сказал Типтик. — А я его догоню...

Увязая в горах песка, путаясь в шлангах и проводах, мальчик опять побежал за птицей.

Иногда он останавливался, чтобы перевести дух... И тогда замечал, что, чем ближе к парку, тем быстрее строились дома. Но здесь уже не слышны были крики, шум, как в начале стройки. И людей почти не было видно — за них работали машины. Лишь кое-где под стеклянными

навесами стояли дяденьки и нажимали клавиши на столиках, будто на маленьких роялях играли. Нажмут клавишу — и квартира, с окрашенными полами и вымытыми окнами, наверх поехала, на восьмой этаж. Нажмут другую клавишу — и квартира сама становится рядом с такой же готовой квартирой.

— Здорово! — воскликнул Типтик и даже о Воронуше забыл на минутку.

Потом вспомнил, побежал дальше.

А Ворона нигде не было видно — скрылся за деревьями. Типтик повернул назад, к Бабушке. Но улица, по которой он только что бежал, исчезла — на месте улицы вырос новый дом! Типтик решил обогнуть этот дом, но окончательно запутался и заблудился между кранами, деревьями, домами и проводами... Он бежал всё тише и тише. Солёный пот струйками сбегал по лбу, попадал в глаза... А деревьев становилось всё меньше и меньше. А город становился всё выше и выше.

— Бабушка... Воронусик... Где вы? — едва выговорил Типтик и без сил шлёпнулся на жёсткий асфальт.

...То ли он спал, то ли не спал — ничего нельзя было понять от усталости. Когда же, наконец, снова поднялся на ноги, то увидел, что находится в непонятном городе.

Да-да! Дома здесь были особенные, невиданные. Белые, как сахар. Или как снег. Или как лёд. Их, наверное, не успели покрасить, и весь город был похож на чёрно-белый рисунок из детского альбома «Раскрась сам».

Из чего сделаны эти дома? Из пластмассы, что ли?.. Из льда?.. Или из взбитых сливок?.. Типтику даже захотелось лизнуть стенку соседнего дома.

Но в этот момент высоко за крышами раздалось «Каррр-каррр-каррр!»

Типтик пошёл дальше, высматривая Воронушу в небе. Погода изменилась, тучи исчезли. Стены, крыши, двери, лестницы наполнились солнечным светом — как будто сами светились изнутри.

Но глаза от этого света не болели. Наоборот, смотреть было легко, приятно. И усталость пропала...

«Куда же это я попал? — думал Типтик. — И где моя Бабушка?»

Глава пятнадцатая

СТЕКЛЯННЫЙ ГОРОД

Сквозь широкие окна видно было, как живут здесь люди — никаких занавесок, никаких тайн и секретов.

Чем занимались жители города? Где работали? Что делали?.. А, кажется, ничего не делали! Они бродили без толку по своим квартирам — словно что-то потеряли и не могли найти. Они лениво выглядывали в окна; дремали на балконах в мягких креслах; некоторые, задржав голову к небу, тревожно прислушивались к чему-то; многие бродили по улицам. Ноги передвигали еле-еле... Какое-то сонное белое царство!

На каждом проспекте, в каждом переулке торчали искусственные белые цветы из жести и бумаги. А возле суетились крохотные юркие машинки на колесиках и обдавали цветы распылённой водой. И клумбы казались сияющими: радужные капли воды скатывались с лепестков на листья, с листьев на стебли, а по стеблям скользили вниз — в неглубокие канавки, сделанные в асфальте.

Как чисто в городе! Ни пылинки, ни соринки. И небо над городом — будто мылом вымытое; Типтик всё вглядывался в него — вдруг Воронуша покажется... Нет, чёрненькая птичка скрылась где-то за плоскими крышами.

Снова Типтик прибавил шагу. Редкие прохожие с удивлением поглядывали на запылённого, раскрасневшегося мальчишку, который энергично топал по тротуару. Прохожие удивлялись: мальчишка одет был вовсе не так, как одевались местные жители. На них были белые костюмы из легкой шелковистой ткани; на плечах — тонкие серебристые накидки; и когда по улицам пронёсся ветерок, люди казались крылатыми.

Типтику забавно было смотреть на этих «крылатых» жителей: почти все они были слишком полными, раздобрёнными, даже толстыми; и от этого ходили вперевалку, как домашние гуси, тяжело отдуваясь при каждом шаге. И хотя все люди-гуси улыбались, но их улыбки казались равнодушными...

Типтику показалось, что он попал на какой-то скучный праздник, который начался давным-давно, и все от него уже здорово устали.

Удивительный город! Ни автомобилей, ни троллейбусов; даже велосипедов не было! И милиционеров, кажется, тоже не было- зачем они, если вокруг полный покой и порядочек?

Но когда Типтик побежал быстрее — вдруг перед ним, прямо из-под земли, выскочил маленький столбик с круглым щитком! На щитке — цифра «1».

Проходившая мимо полная тётенька сказала Типтику:

— Мальчик в старинных башмаках! Разве ты не видишь дорожный знак: **«СКОРОСТЬ ОГРАНИЧЕНА»?**.. Тебе разрешается двигаться не быстрее одного километра в час.

Типтик остановился.

— Во-первых, — сказал он, — во-первых, у меня не башмаки, а кроссовки. Во-вторых, они не старинные, а совсем новые, недавно купленные. В-третьих, я очень беспокоюсь...

Типтик даже не успел объяснить — о чем он беспокоится, как из-под земли выскочил другой знак: круг, в середине которого было нарисовано серое сердце, перечёркнутое полосой.

— Что это? — спросил Типтик.

— Это значит, — объяснила тётенька, — **«БЕСПОКОИТЬСЯ ЗАПРЕЩЕНО»**.

Типтик удивленно развёл руками и медленно зашагал дальше со скоростью один километр в час.

Глава шестнадцатая

ПАМЯТНИК

Вот круглая большая площадь.

Ни кустика, ни деревца, ни травинки.

В самом центре площади возвышался в одиночестве роскошный памятник. Он изображал стройного мужчину, на плечи которого был наброшен клетчатый пиджачок. Лицо у мужчины ласковое, доброе, полные губы сложены бантиком. Правой рукой мужчина поднимает какой-то предмет, похожий на картину, а левой поглаживает что-то непонятное — то ли птицу, напоминающую орла, то ли машину...

А перед памятником — люди-гуси. Толстые, с заплывшими глазками. Они заунывно пели, покачиваясь из стороны в сторону:

Картины Главный Хранитель —
Наш дорогой повелитель!
Как ты красив! Как ты умён!
Как ты хорош Со всех сторон!

«Скучная песенка», — подумал Типтик и пошёл дальше по площади. К ней с четырёх сторон сходились длинные проспекты. На высоких башнях развевались клетчатые флаги... В конце самого широкого проспекта что-то поблёскивало; туда указывал знак — стрела с надписью: «Река».

«Пойти искупаться, что ли? — подумал Типтик. — Нет, Бабушка будет сердиться, если узнает, что я купался в незнакомом месте... Но где же она, моя великолепная Бабушка? И где Воронуша?..»

Глава семнадцатая

В САДУ

У Типтика начала кружиться голова.захотелось спокойно посидеть, собраться с мыслями.

И он направился в сад, раскинувшийся рядом с площадью. Тенистый сад с песчаными дорожками, с белыми скамейками и ровными рядами фруктовых деревьев.

Позвольте, а что за странные плоды росли на этих деревьях?.. И что это за деревья?.. Да ведь они все искусственные! Вместо стволов — чугунные трубы, вместо веток — железные палки, вместо листьев — тряпочки, а вместо яблок да груш — булочки, котлетки и сосиски!..

Между железными деревьями сновали самоходные машины. Одни белили известью стволы, другие разглаживали тряпочки, чтобы они были похожи на листья, а третьи аккуратно развешивали на ветки плоды. Типтик даже засмеялся, глядя, как ловко они это проделывают.

А в садовых аллеях, в удобных низких креслах сидели толстые мальчики и девочки. Они старательно жевали булочки и котлетки, по очереди приказывая машинам:

— Двадцать вторая! Яблоко покрупнее!

— Девятнадцатая! Две груши послаще!

— А мне, Тридцатая, помягче!

«Попробую-ка я тоже», — решил Типтик и сказал робко, вполголоса:

— Двадцать вторая! Будьте добры, принесите, пожалуйста, самое лучшее яблоко!

И тотчас же машина, на крышке которой стояли цифры «22», подкатила к Типтику и прямо в руки сунула ему свежеспеченную румяную булку.

Эх, что за булка!..

Эх, что за жизнь!..

Глава восемнадцатая

«ЧИЖИК»

Типтик мигом проглотил булку и от удовольствия показал язык девчонке, сидевшей в соседнем кресле. Девчонка тоже показала язык, но вышло у неё это как-то скучновато.

А девчонка, кажется, славная. И, главное, не толстая, как другие. Она съела маленькую котлетку и вздохнула.

— Что вздыхаешь? — спросил Типтик.

— Так...

— Скучно тебе?

— Нет, что ты! — испуганно сказала девчонка, оглянулась по сторонам и опять вздохнула. — Мне совсем не скучно...

— Ей просто стыдно, — сказал сидевший напротив толстощёкий парнишка. — Ей стыдно, что она такая худющая.

— А тебе не стыдно, что ты такой жирнющий? — вступился Типтик за девчонку. — Посмотрел бы я, как ты будешь играть в футбол или гонять шайбу.

— Во что играть? — спросил толстощёкий.

— А кто такая Шайба? — спросила девочка. — За что её прогонять?

— Не прогонять, а гонять. Да неужели вы тут не знаете, что такое футбол и хоккей? Во что же вы тогда играете?

— Мы играем в «медленность», — сказал толстощёкий. — Очень интересно. Хочешь, научим?

— Научите.

— Это совсем просто, — объяснила девочка. — Сначала надо отмерить дистанцию. Например, десять метров...

— Десятиметровку, значит, — кивнул Типтик.

— Да. А потом — встать на старт, и по команде «марш!» нужно...

— Скорее добежать до финиша?

— Не скорее, а, наоборот, медленнее, — сказал толстощёкий. — Вот я, например, десять метров прохожу за полчаса! А вон там, видишь, гуляет мальчик, который эту дистанцию за три с

половиной часа проползает! Он — чемпион нашего города.

Чемпион по «медленности» шёл, заложив руки за спину. Типтику показалось, что это не мальчик, а надутый воздушный шар плывёт по аллее.

— Ты что делаешь в нашем саду? — важно спросил шарообразный мальчик.

— Ничего. Булку съел, — ответил Типтик.

— Так нельзя говорить. Булка в нашем саду называется «яблоко»... Ну, ладно. Ешь побольше, если желаешь стать таким же ловким, как я.

— А ты бегать умеешь? — спросил Типтик.

— Что ты! С ума сошёл? Бегать вредно.

— Надо тебе поговорить с моей Бабушкой, — сказал Типтик. — Она, знаешь, как бегают! И это ей совсем не вредно!

— А может твоя бабушка съесть полсотни пирожков с мясом? Не может?.. Тогда как же ей заниматься спортом — «медленностью»? Она обязательно проиграет.

— Чепуха! — воскликнул Типтик. — «Медленность»! Да разве это спорт?.. Жаль, нет у меня с собой мяча — показал бы я вам настоящую игру — вмиг похудели бы... футбол или даже лапту... Погодите-ка, я придумал что-то интересное!.. Вон там, кажется, валяется палочка...

— Это от флажка.

— Какого флажка?

— Стартовый флажок; когда в «медленность» состязаемся.

— Всё равно... Можно взять палочку?

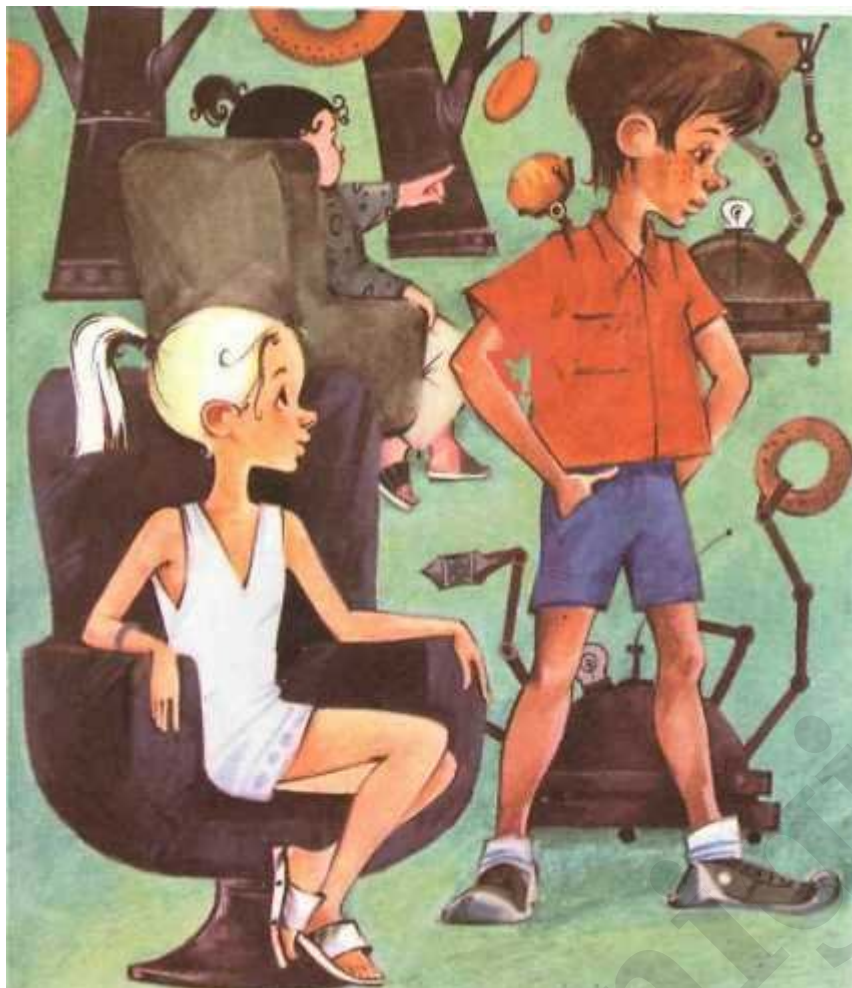
— Тридцать первая! — приказал толстощёкий. — Принеси палочку!

Машина с номером «31» покатила...

— Стой, Тридцать первая! — остановил машину Типтик. — До чего же вы, ребята, тут все обленились. Пошли, сами принесём. Нечего зря машину портить.

— Нам самим нельзя носить, — опять вздохнула девчонка. — Нельзя носить и делать ничего нельзя. За нас всё делают машины.

— Пусть вам нельзя. А мне можно!

Типтик принёс палочку и достал из кармана перочинный ножичек.

— Сейчас попробуем сделать... — он разрезал палочку на две части: на коротенькую и длинную.

Он взял коротенькую часть и начал обстругивать её с обеих сторон, как затачивают синекрасный карандаш.

Со всех сторон сада потянулись к Типтику ребята; они с любопытством смотрели, как ловко скользит лезвие по дереву.

— Как мне хочется тоже попробовать! — сказал кто-то.

— И мне хочется очень! Дай хоть немножечко построгать...

— На, попробуй, — Типтик отдал ножик худенькой девчонке. — Осторожнее, не порежь палец!.. Не так!.. Неужели ты никогда нож в руке не держала?..

— И я хочу попробовать! — захныкал малыш.

— Дай мне хоть на секунду подержать твой ножик, — попросил высокий паренёк с белыми пухлыми пальцами.

Палочка и нож переходили из рук в руки — ребята работали с таким удовольствием, с каким изнемогающий от жары человек бросается в прохладную воду.

Только шарообразный чемпион гордо стоял в сторонке, даже не глядя на работающих.

— Так, главное дело сделано! — объявил Типтик. — Теперь нужно поаккуратнее обстругать длинную палочку. Вы знаете, какая у нас будет игра?.. Эх, ничего-то вы не знаете!.. Это будет «чижик»!

— Игра очень полезная для здешних детей, — раздался знакомый голос сзади.

Бабушка!.. Она вошла в сад вместе с несколькими взрослыми.

Чемпион по «медленности» поспешил к ним навстречу. Впрочем, слово «поспешил» здесь не совсем точное, потому что ноги чемпиона были похожи на валики от старомодного дивана; передвигал он их едва-едва.

— А вот этот чужой, незнакомый мальчишка, — чемпион показал пальцем на Типтика, — делает то, что не позволяет нам Главный Хранитель...

Взрослые переглянулись:

— Делает?!

— Дедушка! — закричала худенькая девчонка, подбежав к высокому старику. — Дедушка, погляди, как работает этот замечательный человек в голубой каскетке. Погляди, дедушка!

— Не понимаю, что тут удивительного? — спросила Бабушка. Но остальные взрослые зашептались тревожно:

— Работает?.. Что?.. Как так, работает?..

Они осторожно приблизились к Типтику, который обстругивал палочку. Дерево было сухое, а ножик острый, и тонкие стружки свивались в нежные золотистые лепестки.

— А хорошо-то как! — опять зашептались взрослые. — Какое это прекрасное занятие — строгать ножом!

— А я вам скажу по секрету — смотрите, не выдавайте меня! У меня дома тоже есть маленький ножичек, и когда мне тоскливо — я им работаю...

— Ау меня дома есть отвёртка... Только прошу вас, об этом никому ни слова!

— Какой у меня был молоток! Пришлось сдать его Главному Хранителю...

— Ни-че-го не понимаю! — воскликнула Бабушка. — Работа — самая первая потребность каждого нормального человека. А как же можно работать без инструментов?

— Тише, тише!.. И с инструментами, и без инструментов в нашем городе работать нельзя! Главный Хранитель запретил! Тише, тише, тише!..

— А давненько я не видел работающего человека, — задумчиво произнёс высокий старик, ласково глядя на руки Типтика. — Какое дивное зрелище — труд!

— Как вы думаете, Последний Доктор, это не слишком опасно? — спросил его кто-то из взрослых.

— Ну, конечно, немножко опасно, — ответил старик.

— Не тревожься, дедушка! — сказала худенькая девчонка.

— Чепуха! — улыбнулся Типтик. — Или вы думаете, что я палец порежу?

— За твои пальцы я спокоен — вижу, что умеешь работать. Но... не следят ли за тобой? — Последний Доктор посмотрел сквозь металлические ветви на небо. — Нет, нас тут не видно...

Типтик ровным счётом ничего не понял. Не поняла и Бабушка.

— Кто может следить за моим внуком? — удивилась она. — Мальчик, ничего плохого не сделал...

«Чижик» готов!

Типтик положил его на землю, резко ударил палочкой по заточенному концу.

«Чижик» подскочил, и палка ещё раз щёлкнула по нему в воздухе — он полетел, кувыркаясь.

— Догоняйте! — крикнул Типтик. — Кто первым принесёт «чижика» обратно, тот сможет сам запустить его снова!..

Все — и ребята, и взрослые — побежали за «чижилом». Конечно, быстрее всех бегала великолепная Бабушка, но она нарочно немного отстала, чтобы первой прибежала к «чижику» худенькая девчонка. Последний Доктор тоже вступил в игру; у него была сухощавая фигура, бегал он довольно легко.

А девчонка принесла «чижика» на место, сама ловко запустила его. И все опять побежали по аллее. Сад зазвенел от весёлого смеха. Лица у всех разругались, глаза заблестели.

— Прекрасно! — радовался Последний Доктор. — Так и надо! Быстрее бегайте!

— Энергичней размахивайте руками! — кричала Бабушка. — Выше колени!

Типтик играл вместе со всеми. Ему нравилось бегать по этому странному железно-булочному саду.

Нашёлся бы Воронуша — тогда и совсем хорошо будет.

Глава девятнадцатая

БАБУШКА И МЕРМЕХОН

Игра незаметно передвинулась к воротам сада. Здесь было просторнее и светлее.

Худенькая девочка — ее звали Зоя — первая выбежала за «чижиком» на площадь.

— Осторожнее! — крикнул Последний Доктор и бросился догонять внучку.

Но раньше всех к «чижику» подбежал Типтик. Он нагнулся, чтобы поднять его, и в этот момент закричали:

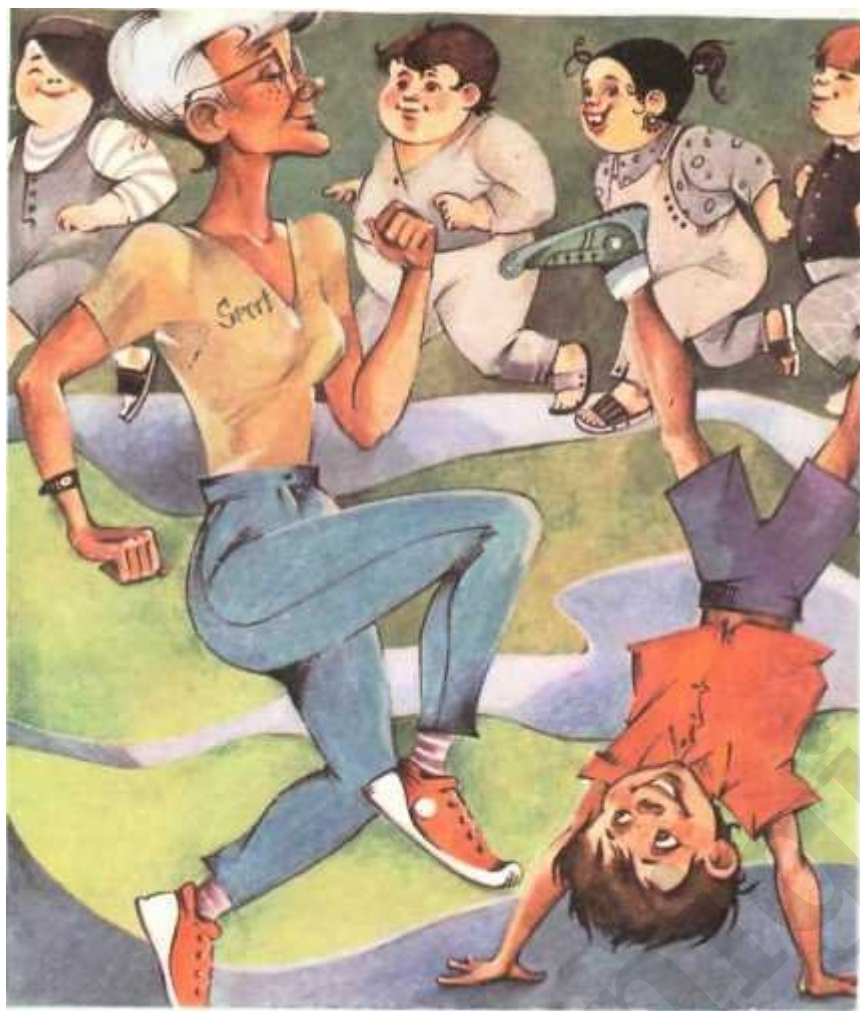
— Берегись! Мермехон летит!..

Чёрная тень с тихим свистом пронеслась над Типтиком. Он обернулся и увидел прямо над собой огромные сверкающие стальные крючья. Отвратительной вонью повеяло в воздухе — то ли горелой резиной, то ли керосиновым дымом. Что-то резко лязгнуло, щёлкнуло. Голубая каскетка сорвалась с головы Типтика; летающая машина ловко подхватила её и унесла куда-то высоко в небо.

— Ага! Что я говорил? — ликовал шарообразный мальчик.

— Бежим! — Последний Доктор схватил Зою и Типтика за руки и потащил их обоих в сад. — Спрячемся под деревьями, пока он снова не прилетел...

— Это от кого же вы собираетесь прятаться? — подбоченилась Бабушка. — От этой вонючей керосинки?

Она подпрыгнула, ухватилась за железную ветку булочного дерева и отломила её:

— Ну-ка! Пусть ещё раз спустится!..

— Мермехон! — закричали опять. — Спасайся, кто может!..

Камнем упала с неба чёрная крылатая машина. Не долетев двух метров до земли, она со змеиным шипением зависла в воздухе, растопырив кривые когти. Вот она подлетела к Типтику...

Вот слегка накренилась, чтобы половчее ухватить его... И в ту же секунду...

Трах!.. Трах!.. И ещё раз — трах-бабах!..

Это великолепная Бабушка изо всех сил лупила железной палкой по машине, ловко попадая по растопыренным когтям.

— Бей мермехонов! — весело кричала Бабушка, размахивая палкой. — Никакой пощады! Долой!

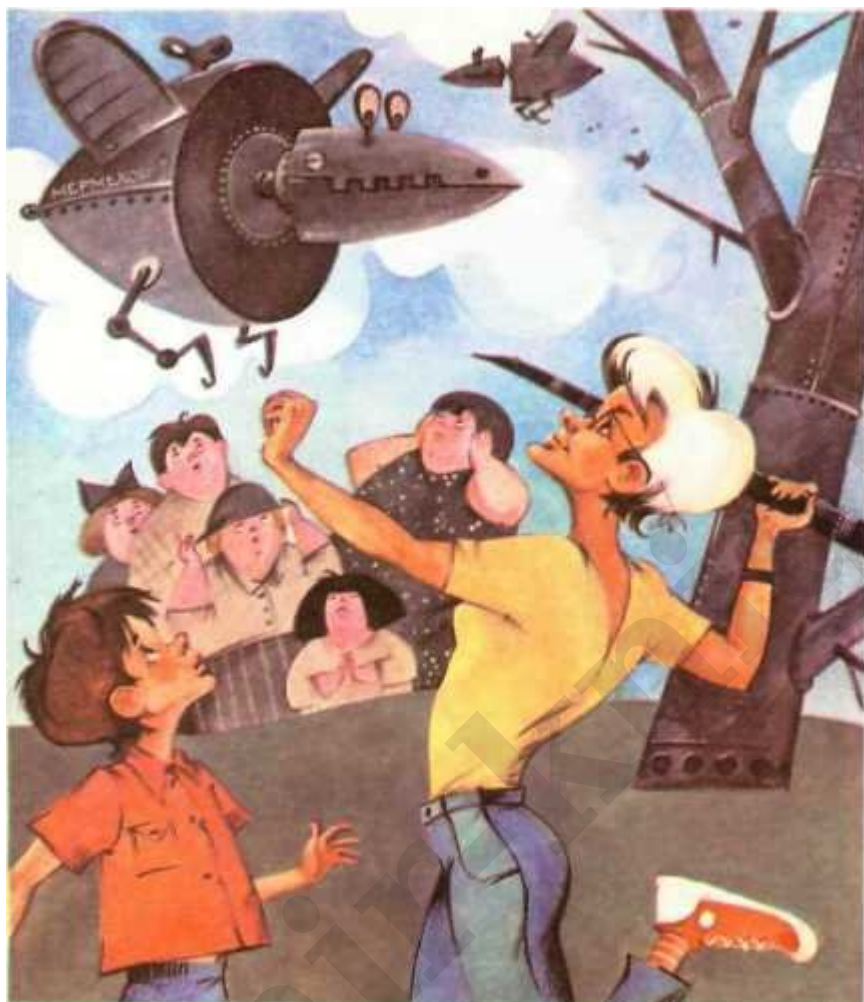
Летающая машина подобрала свои страшные когти. Внутри неё что-то звякнуло-брякнуло; из её железного брюха закапала вонючая чёрная жидкость. С пронзительным воем машина кое-как поднялась в воздух и исчезла за крышами высоких домов.

— Вы храбрая женщина! — сказал Последний Доктор. — Разрешите поцеловать Вашу мужественную руку... — Он наклонился и губами прикоснулся к пальцам великолепной

Бабушки. — А теперь мы должны бежать. Сейчас сюда прилетит целая эскадрилья мермехонов, и нам не сдобровать.

— А почему они называются мермехоны? — спросил Типтик. — Что значит слово «мермехон»?

— Это значит: Мерзавец Механический Особого Назначения, — объяснила девочка Зоя. — А сокращённо будет — мермехон. Ах, какие это ужасные машины! Они сверху следят за всем, что движется по земле, а в воздухе уничтожают всё живое. Понял?

— Да... Теперь понял... понял... — Типтик едва сдерживал слёзы. — Я всё понял...

— Что с тобой? Что ты понял?

— Я понял, что случилось с моим... с моим... с нашим... — Типтик не смог продолжать; он не выдержал и заплакал.

— Что я вижу, внук?! — великолепная Бабушка кинула Типтику платок. — Вытри нос и убери слёзы! Не бойся — наш Воронуша не так глуп, чтобы попасться в лапы этим Мерзавцам Механическим Особого Назначения. Прибавьте ходу, друзья! Энергичней размахивайте руками!

Глава двадцатая

ПОСЛЕДНИЙ ДОКТОР

Они быстро шли какими-то стеклянными переходами, поднимались и спускались по стеклянным лестницам, перебегали по стеклянным мостикам. И далеко ушли от того места, где их подстерегали злые механические хищники.

Мало-помалу Типтик перестал плакать. Нет, он ещё не совсем успокоился — всё вспоминал своего Воронушу, его хриплый голос, его забавные разговоры. Неужели больше никогда он не услышит этого?..

Но ведь слезами горю не поможешь.

К тому же Зоя сказала:

— А плакать в нашем городе воспрещается. Смотри, чтобы никто не увидел твоих мокрых щёк.

— Да что же это за город такой! — рассердился Типтик. — Играть нельзя, бегать нельзя, даже плакать воспрещается. Что же у вас тут можно делать?

— Делать у нас ничего нельзя! — вздохнул Последний Доктор. — В этом-то вся беда...

— Смешно!

— Совсем даже не смешно, — сказала Зоя. — Ведь громко смеяться тоже нельзя. Можно тихонько улыбаться.

— А если я не хочу улыбаться! Если я хочу хохотать! Чепуха какая-то... Не нравится мне ваш город!

— Что ты! — воскликнул Последний Доктор. — Город у нас замечательный! Замечательный, как и все города теперь на земле. О таких городах давно мечтали люди. Ты только посмотри, мальчик... Как тебя зовут?

— Типтик.

— Чудесное имя для мальчишки!.. Ты только взгляни, Типтик, какие красивые у нас дома. Посмотри, какие умные машины работают вокруг: шьют одежду, очищают воздух, готовят пищу, убирают мусор... делают всё, что прикажет им человек. Разве это плохо?

— Нет, неплохо. Хорошо... А кто приказывает?

— Не понимаю...

— Вы сказали, что машины делают всё, что им прикажет человек. А какой человек им приказывает? Кто такой? Как его зовут?

— О! Этого человека зовут очень красиво. Его зовут Главный Хранитель!

— Знаю, знаю! — обрадовался Типтик. — Я видел памятник этому вашему главному...

— Тимоша, внук, — сказала Бабушка. — Памятники воздвигают только умершим людям. А Главный Хранитель, очевидно, живой человек. Значит, ты видел не памятник, а монумент в честь Хранителя.

— Пусть монумент. А я его видел. Дяденька в клетчатом пиджаке — красивый такой — стоит улыбается... а в руке держит какого-то мермехона.

— Правильно, — кивнул Последний Доктор. — Он управляет не только всеми полезными машинами, но и всеми мермехонами. Он самый главный человек в нашем городе.

— А мермехоны — они тут зачем?

— Чтобы наблюдать за порядком и вылавливать бунтовщиков.

— Ха-ха! — засмеялась Бабушка. — У вас есть бунтовщики? Вот уж никогда бы не подумала. Вы все на вид такие тихие, покорные.

— Нет, не все такие... — Последний Доктор беспокойно взглянул на Зою и ничего больше не сказал.

— Вы побледнели... — Бабушка тревожно посмотрела на старика. — Вы нездоровы?

— Я здоров. Вполне здоров. Здесь все, знаете ли, здоровы. А я никому не нужен. Я — Последний Доктор. У нас тут никто больше не болеет ни свинкой, ни коклюшем, ни корью. Разумеется, это прекрасно, это великолепно. Но...

— Нет, ты нужен, дедушка! — перебила Зоя. — В городе все тебя уважают, советуются с тобой.

— И совсем не слушаются меня! — старик печально вздохнул. — В нашем городе люди стали быстро толстеть: всем приказано есть как можно больше. И у всех поэтому появились жирные подбородки, жирные животики, жирные щеки и даже жирные ноги. А лишний вес — беда для здоровья! Все наши толстяки, может быть, скоро-скоро умрут от ожирения сердца. Жирное сердце — это ужасно, это конец!

— Совершенно с вами согласна! — воскликнула великолепная Бабушка, слегка подтянув узкие синие брючки. — Но не будем медлить. Вперёд, друзья!

Глава двадцать первая

ПРО КАРТИНУ

Хотя Типтик был человеком серьёзным и, закончив второй класс, успешно перешёл в третий, хотя он многое знал на белом свете — всё равно он слишком часто употреблял в разговорах четыре важных слова: «Почему?», «Как?», «Откуда?» и «Когда?».

— А как построили такой город? — спросил Типтик.

— Сначала строили медленно, а потом всё быстрее и быстрее. Потому что людям помогали специальные строительные машины.

— А когда начали строить?

— Это трудно сказать... Видишь ли, сначала нужно было придумать такой необычный город. Придумал его один Знаменитый Художник и нарисовал его на большой Картине. Кажется, наш город построен в точности так, как этого хотел Художник... Поэтому можно считать, что начался этот город с того момента, когда была закончена большая Картина... Правда, по моему, она не совсем закончена. Мне кажется, что Знаменитый Художник не успел её раскрасить.

— Ага, — сказал Типтик. — Ваш город похож на рисунки в детском альбоме «Раскрась сам».

— Мы и хотели сами раскрасить наши дома, сады, одежду. Но Главный Хранитель запретил. И поэтому всё здесь белое, серое и чёрное.

— Весьма любопытно... — сказала Бабушка и, помолчав, тоже спросила — А скажите, уважаемый Последний Доктор, можно ли взглянуть на эту картину?

— Что вы, что вы! — замахал обеими руками старик. — Это совершенно невозможно! Картина находится у Главного Хранителя, только он смотрит на неё, а всем остальным это категорически запрещено. Запрещено под страхом смерти!

— Почему? — спросил Типтик.

— Сам удивляюсь, — сказал старик. — Главный Хранитель говорит, что мы слишком простые люди, чтобы глядеть на произведение искусства. Он говорит, что мы ничего не поймём. Он сам смотрит и потом рассказывает, что там нарисовано: какие дома, какие дворцы, какие магазины; как надо одеваться, как надо ходить, как надо есть...

— А как надо есть? — Типтик проглотил слюну. — Я сию минуту хочу узнать, как надо есть в вашем городе?

— Идём! — Зоя взяла Типтика за руку. — Это рядом. Иди ешь.

Глава двадцать вторая

В БЕЛОМ ЗАЛЕ

Они вошли в ослепительно белый зал.

Здесь так же, как и повсюду в городе, всё было залито светом.

Тихо звучала ласковая музыка, похожая на журчанье маленькой речки. И это было прекрасно.

Но для Типтика прекраснее всего здесь были не свет и не музыка, а вкусные запахи. С одной стороны неслись ароматы жареных котлет и наваристого бульона с петрушкой. С другой стороны пахло тёплыми булками, шоколадом. Свежесть клубники словно проникала под язык... Типтик даже зажмурился от удовольствия... Стоял и размышлял: на какой запах кинуться в первую очередь?.. Приоткрыл один глаз — посмотрел вправо, приоткрыл другой — посмотрел влево: куда ни глянешь — везде заманчиво!

Сначала ему показалось, что здесь — магазин: на длинных полках стояли банки с компотами, лежали головки сыра, желтели груды лимонов, бананов и ананасов; с потолка свисали круги копчёных колбас; с розовых окороков стекали капельки прозрачного жира...

Нет, это был не магазин, а, пожалуй, столовая: на белых столах стояли белые тарелки с супом, а над ними клубился белый пар; в белых стаканах белело молоко; шипела яичница на белых сковородах...

Нет, наверное, это была не столовая и не магазин, а фабрика: по залу бегали машины, похожие на тех, что были в саду. Только здесь они сортировали продукты, варили, жарили, подносили еду к столам, убирали и мыли посуду...

— Садитесь за стол и ешьте, — сказала Зоя Типтику и Бабушке. — Ешьте что хотите и сколько хотите.

— Но у нас с собой нет денег, — сказала Бабушка.

— Что такое «деньги»? — Зоя посмотрела на своего дедушку. — Не понимаю, о чём говорят эти люди?

— Да, в нашем городе нет денег, обходимся без них, — сказал Последний Доктор и наклонился к самому уху Типтика: — Помни мой совет — не объедайся! Еда у нас вкусная; многие едят, забыв всякую меру, поэтому быстро толстеют. Толстеть вредно и опасно — запомни, мальчик!

Видать, Типтик сильно проголодался после всех сегодняшних переживаний — суп был съеден в один момент.

Но жареное мясо Типтик ел уже помедленнее. И совсем спокойно, аккуратно облизывая ложечку, проглотил порцию сливочного мороженого.

Бабушка съела крохотный пирожок и выпила малюсенькую чашечку чая с клубничным вареньем... Пожалуй, она съела бы ещё что-нибудь, но это наверняка помешало бы ей бегать трусцой.

...В зал входили всё новые люди. Серьёзно, деловито, словно совершая самую важную в их жизни работу, они проглатывали по несколько тарелок супа, ели котлеты, манную кашу с вареньем, большими ложками черпали мёд из фарфоровых кувшинов. Бабушка смотрела с возмущением: разве можно столько съесть за один раз?

А вот в зал ввалился шарообразный мальчик. Машины засуетились вокруг него, торопливо подсовывая тарелки одну за другой. Чемпион по «медленности» ел так жадно, что противно было смотреть.

— Всё в порядке! — объявил Типтик, отходя от стола. — Спасибо... Живёте вы тут неплохо. Только откуда берётся вся эта бесплатная еда?

— Автоматы! Роботы! Электроника! — с гордостью объяснил Последний Доктор. — Всё делают наши умнейшие машины: пашут землю, пасут коров, мелют муку, пекут хлеб, ловят рыбу, сбивают масло... Рука человека ни к чему не притрагивается. Умные роботы сами делают новых, ещё более умных, роботов. Всё рассчитывают компьютеры.

— Здорово! Это мне нравится, — сказал Типтик.

И только он хотел было обтереть рот рукавом своей курточки, как внезапно подкатилась специальная машинка и приложила к его губам чистую салфетку. Типтик улыбнулся во весь рот:

— А это уж совсем красота!

— Прра-правильно! Красота! Карр! — раздалось откуда-то с самых верхних полок.

— Воронуша!.. Миленький! Чудная моя птичка! «Птичка» почистила лапой клюв и заплясала по полке, распевая:

Карр-карр-карр!

Ох, и вкусный здесь товар!

Не товар, а чудеса:

Пирроги и колбаса!

— Слезай сейчас же! — закричал Типтик. — Слезай, кому говорят!

— Воронуша! — строго приказала Бабушка. — Марш вниз! Воронуша подумал-подумал, сунул клюв в банку с компотом, проглотил ягоду, опять подумал... И нехотя спрыгнул с полки прямо на плечо Типтику. Вот радость-то!

Радость?.. Вы посмотрели бы вблизи на «птичку»! Как он ужасно растолстел и отяжелел! Голова, шея, хвост — всё было выпачкано вареньем, салом, сметаной, мёдом; перья слиплись, к ним пристали крошки печенья, кусочки яичной скорлупы... Да, видать, Воронуша даром времени здесь не терял!

— Не понимаю, из чего сделан этот летающий механизм? — спросила Зоя, осторожно дотрагиваясь до Ворона.

— Никакой это не механизм, — обиделся Типтик. — Это самая настоящая живая птица...

— Высокого напряжения? — Зоя испуганно отдернула руку.

— Бедная моя внученька! — Последний Доктор обнял девочку. — Мы с тобой теперь не видим в нашем городе ничего живого, ничего естественного. Одни механизмы! А ведь это, если не ошибаюсь, настоящий, чистокровный ворон, называемый по-латыни «корвус коракс»...

— Это не машина?! — Зоя даже подпрыгнула от удивления.

— Говорящий ворон! — Типтик с гордостью оглянулся вокруг. — Ни у кого нет такого. Его зовут Воронуша.

Их окружили люди; всё громче и веселее толковали они о птицах — о воронах, синицах, воробьях, которых нигде теперь в городе не встретишь. Говорят, раньше их было сколько угодно, а вот теперь...

Воронуша дремал, полузакрыв глаза. Он не слышал, как к ногам Типтика подкатилась машина, не видел, как высунулся из неё длинный рычаг с крючком на конце... Вдруг крючок ухватил Воронушу за лапы и потащил в дальний угол зала — туда, где мыли посуду.

Воронуша отчаянно каркал, долбил клювом по рычагу — ничего не помогало: машина сунула Воронушу под тёплый душ и держала его так до тех пор, пока с перьев не смылась вся грязь...

Типтик хохотал:

— Так тебе и надо — не будешь улетать от нас, не будешь обжираться! Так тебе и надо!

Хохотала великолепная Бабушка, хохотал Последний Доктор, хохотала Зоя, даже «подушечный» мальчик хмыкал, глядя, как Ворон, мокрый и взъерошенный, бился под струями воды.

— А что тут происходит, я спрашиваю? — затараторил кто-то у дверей. — Что происходит, спрашиваю я? Спрашиваю, что происходит?

— Карр! Карраул! — завопил Воронуша. — Ворр!..

Глава двадцать третья

СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

В дверях стоял Дядя Ловушка.

Типтик сразу же узнал его: да-да, тот самый кривоногий человечек в клетчатом пиджачке, с повязкой на глазу!

Моющая машина отпустила Воронушу. Его сильно знобило, и он, распластав мокрые крылья, всем телом прижался к Типтику.

А шарообразный мальчик запел:

Картины Главный Хранитель!

Ты наш дорогой повелитель!

Как ты красив!

Как ты умён!

Как ты хорош

Со всех сторон!..

— Рраз-разбойник! Ворр! — орал Воронуша, лязгая клювом.

— Ай-яй-яй! Как не стыдно забывать старых приятелей, как не стыдно! — качал головой Дядя Ловушка, одним глазом глядя на Типтика. — Если бы не мои верные помощнички, если бы не любезные мои пташки-мермехончики, я бы, наверное, не сразу узнал о появлении в моём городе таких дорогих и важных гостей. Нет, не сразу бы... Вот, прошу принять!

И птицелов протянул Типтику голубую каскетку.

— Ворр! — снова каркнул Воронуша.

— Смеётесь? Хохочете? — Дядя Ловушка так ласково посмотрел на всех, что у Типтика по спине мороз пошёл. — Вместо того, чтобы глотать, жевать и переваривать жирную пищу — вы тут хохочете, вы тут смеётесь?.. Ну-ка, Последний Доктор, скажи, немедленно скажи всем, что веселье вредно, что от громкого смеха человек худеет. Скажи, Последний Доктор, немедленно скажи!

Типтик и Зоя исподлобья смотрели на Последнего Доктора, ожидая, что он сейчас скажет.

Старик молчал, опустив седую голову.

— Глупости! Чепуха-чепухенция! — неожиданно воскликнула великолепная Бабушка. — Смеяться всегда полезно. А вот толстеть вредно. Я выписываю журнал «Здоровье» и там прочитала, что у толстяков сердце обрастает жиром и они быстро...

— Молчать, молчать, молчать! — оборвал Дядя Ловушка. — Молчать! Спорить со мной запрещено! Надо всегда помнить, что нарисовано на картине. А там Знаменитый Художник изобразил, как по улицам стеклянного города — нашего города! — передвигаются сытые, толстые людишки. Все должны жить, как на Картине. Все, все, все!

— Но мы... мы никогда не видели эту Картину, — пробормотал Последний Доктор.

— Вам и не надо её видеть. Тебе вредно смотреть на неё. Я сам видел эту Картину. Я сам! Я каждый день смотрю на неё. И знаю, что там гуляют толстенькие людишки. Кругленькие, как шарики. Симпатичные, как винтики-шпунтики. И никто там не смеётся. И никто не бегает... Ах, значит, ты мне не веришь, Последний Доктор? Поберегись, лекарь: можешь попасть туда же, куда угодил твой неразумный сыночек!

— Что с моим папой! — быстро спросила Зоя. — Где он?

— Спокойно, спокойненько! — прикрикнул Дядя Ловушка. — Волноваться, милая девочка, категорически запрещено. Запрещено волноваться! Запрещено задавать вопросы Главному Хранителю... За своего папочку не беспокойся: твой драгоценный папуля отдыхает возле моей избушки, кушает хлебушко, глядит на небушко... Хи-хи-хи!

Но никто не рассмеялся. Все испуганно глядели на Дядю Ловушку.

И только Воронуша громко крикнул:

— Враки!

Дядя Ловушка, не обращая внимания на Ворона, цепко ухватил Зою за подбородок, подтянул её лицо к своему кривому носу и проговорил тихо, но так, чтобы все слышали:

— Запомни, миленькая девочка, сама запомни и другим расскажи, чтобы все-все запомнили: я никому не позволю — нет, не позволю! — смотреть на Картину. Вам на неё смотреть опасно! Картина заколдована. Заколдовал Знаменитый Художник Картиночку...

— Правильно! — неожиданно каркнул Ворон. — За-кол-до-ва-но! Чу-де-са!.. Ура!

Дядя Ловушка нахмурился и с большим интересом посмотрел на Воронушу. Он оттолкнул Зою, почесал у себя за ухом и забормотал тихонько, едва шевеля толстыми губами: «Я так и думал — он, кажись, знает. Конечно, знает... Надо его в клеточку... Скажет, никуда не денется...» — а потом произнёс громко и ласково, почти нараспев:

— Какая умная пташка! Какой красавчик!.. Хочешь, назначу тебя начальником всех мермехонов?

— Воронуша — красавец! — взмахнул крылом говорящий ворон. — Но не дурак!.. Дуррак, кто думает, что Воронуша дурак!

Придерживая на плече Воронушу, Типтик шагнул вперёд:

— Не понимаю. По-моему, каждый может смотреть на Картину. Зачем её прятать? Если Картина хорошая, красивая — пусть все смотрят... Но, может быть, этот ваш город совсем не такой, как на Картине?

— Что?! Что ты сказал? — Дядя Ловушка свирепо взглянул на Типтика.

— Зря вы сердитесь, Дядя Лов...

— Молчать! Ни слова больше! — и Дядя Ловушка своей широкой ладонью мгновенно зажал Типтику рот. — Молчать! Да-да, я дядя! Хи-хи! Я твой дядя, а ты мой любимый племянник. Мы родственники! И сейчас полетим в мою маленькую избушку. Молчать! Ни слова!

Он с силой вытолкнул мальчика на улицу.

— Как! — закричала великолепная Бабушка. — Толкать ребёнка?! Толкать человека, который держит беззащитную птицу?.. Ну, этого я так не оставлю!

— И не оставляйте! — злобно прохрипел Дядя Ловушка. — Сказано ведь: летим все вместе в мою избушку. Вам там будет весело, моя дорогая родственница!

Глава двадцать четвёртая

ВОРОНУША И МЕРМЕХОНЫ

На улице стоял автомобиль... нет, не автомобиль, а, пожалуй, самолёт... нет, не самолёт, а что-то похожее на вертолёт — вот так-то правильнее будет назвать эту круглую бронированную кабину с чёрным пропеллером над белой крышей.

Возле вертолёта, как птицы-стервятники, приземлились мермехоны, оглядывая улицу круглыми глазами-фарами.

При виде мермехонов Воронуша дерзко закаркал, вырвался из рук Типтика, но тут же испугался этих огромных хищников и кинулся было обратно, к двери в обеденный зал.

Дядя Ловушка изловчился и ударил Воронушу. Ворон перекувырнулся, захлопал крыльями, да не смог быстро подняться в воздух — слишком отяжелел сегодня, слишком набил живот всяческой едой.

Мермехоны злобно, пронзительно запищали, запрыгали вокруг Воронуши (они всегда вначале подпрыгивают, чтобы потом взлететь). Один из них вытянул когтистую лапу-рычаг и прижал Воронушу к земле.

— Хватайте его! — приказал Главный Хранитель.

— Не смей трогать птицу! — крикнула Бабушка. — Не смей!

Кое-как Воронуша выбрался из-под рычага и, пошатываясь, заковылял по тротуару.

— Беги, Воронуша! — умолял Типтик. — Спасайся, моя маленькая птичка!..

Но мермехоны уже поднялись в воздух; их крылья свистели, как зимний ветер. Вот один из них растопырил когти, на лету схватил Воронушу и понёс его всё выше... выше... выше...

— Карр-караул!.. — донеслось до Типтика. — Прро-пропа-даю!.. Совсем пропал... Каррр!..

Глава двадцать пятая

БЕСЕДА В ВОЗДУХЕ

— Что, жалко? — ухмыльнулся Дядя Ловушка, вталкивая Типтика и Бабушку в вертолёт. — Жалко, спрашиваю, Ворона? А?..

Типтик не отвечал. Он крепко сжал зубы, чтобы не разреветься.

— А ловкие пташечки-мермехончики, мои родные? — включая мотор, опять спросил Дядя Ловушка.

— Н-не ловкие... — с трудом ответил Типтик. — Воронуша ловчее этих керосинок.

— Ах, если бы он ел поменьше! — сказала Бабушка.

— В том-то всё дело, дорогие гости, в том-то всё дело! С обжорами всегда легко совладать, хи-хи-хи!.. Обжоры ленивы, обжоры неповоротливы. В том-то и дело... Ах, как я рад, что мы с вами встретились! Как я рад!

— А к чему тут радоваться, Дядя Ловушка?

— Вот что: запомните, в этом городе все называют меня: Главный Хранитель Картины! Только так и не иначе. Только — Главный Хранитель. Запомните! Никто здесь не догадывается, что я когда-то торговал пташками на улице и что меня звали Дядя Ловушка. Это звучит некрасиво — Дядя Ловушка. Куда красивей — Главный Хранитель Картины!.. А ведь вы можете случайно проболтаться, что я птицелов, что я — Дядя Ловушка. Так вот, чтобы вы держали язычки за зубками и рты понапрасну не раскрывали, я принял мудрое решение: поселить вас рядом с моей избушечкой. Каждого в отдельную каморочку. И под замок, чтобы вас не украли... Хи-хи!..

— Какое нахальство! — возмутилась Бабушка. — Я ещё никогда не сидела в тюрьме.

— Ну, какая же это тюрьма? Хи-хи! Просто небольшие такие каморочки возле моей избушечки.

Тихо-тихо, без треска и грохота вертолёт поднялся над улицей. Типтик невесело смотрел на проплывающий под ним город и думал о Воронуше.

— Теперь они его растерзают... — сказал он, со злостью глядя на Дядю Ловушку.

— Кто? Мермехоны? Не бойся, не растерзают. Они послушные, работают по приказу. Им приказано не убивать птицу. Надеюсь, что Ворон мне большую пользу принесёт.

— Ворон?!. Пользу?

— А что особенного?.. Интересуетесь?.. Ладно, так и быть — расскажу. Вы теперь не проболтайтесь: каморочки у меня надежные, а ключики — вот они, в моих руках.

Глава двадцать шестая

КАРТИНА И ГОРОД

Птицелов нажал какую-то кнопку, и вертолёт остановился в воздухе. Он висел над городом, как на ниточке. И город уже не проплывал под ним, но замер и глядел в небо, словно спрашивал: «Где там этот мальчик Типтик и его Бабушка?»

— Красота? — тихо спросил Дядя Ловушка, глядя вниз единственным глазом. — Конечно, красота... Это мой город. Мой собственный. Я сам его построил. И все людишки, которые там внизу, тоже мои собственные. Что хочу с ними, то и сделаю!

— Вы сами построили этот город? — недоверчиво сказала Бабушка. — Разве один человек может совершить такую работу?

— Да, город строили людишки, которых я позвал. Город строили машины, которые я достал.

— А что же вы делали? — спросил Типтик.

— Я?.. Я им говорил, как надо строить: какие дома возводить, какие улицы прокладывать.

— Вы архитектор? Инженер?

— Ни-ни!.. Не архитектор и не инженер. Просто, как-то, совершенно случайно прихватил на одном старом пыльном чердачке картину Знаменитого Художника. А там все было нарисовано: улицы, дома, квартиры. Тоненько нарисовано, едва замет но... А на обратной стороне Картины — стишки; хорошо их помню:

Города нужно строить вовремя — Не опаздывать и не спешить! Иначе, сограждане, горе вам: Очень трудно будет в них жить.

Стишки эти, конечно, зряшные. Почему «не спешить»?.. Есть чертёж, есть картина — значит, нужно побыстрее построить!.. Крикнул я людишек: «Желаете жить в сказочном городе? Принимайтесь за дело!» Раз-два-три, тям-ляп, кидай-хватай!.. Вот тебе и город, вот тебе и сказка, вот тебе и мечта! Живи — не хочу! Всё как на Картине!.. А потом я приказал, как надо жить в моем городе, как питаться, как ходить, как играть...

— А Воронуша? — спросил Типтик. — Зачем он вам?

— Проклятая птица какой-то секрет знает! Не зря же Знаменитый Художник научил её говорить. И не зря она Картину караулила. Думаете, Главный Хранитель дурак? Ни-ни! Я сообразил, что Картина заколдована, есть в ней какая-то тайна. И Ворон эту тайну знает...

Дядя Ловушка стал говорить шёпотом, как будто здесь, в вертолётё, его могли подслушать посторонние:

— Да-с! Картина таинственная, с секретом. Но если произнести волшебные слова — секрет пропадёт, Картина расколдуется... А мне это, между прочим, ни к чему — не желаю, чтобы она расколдовалась. Мне и так хорошо.

Типтик сидел в кресле; пальцы его впились в подлокотники; он боялся разжать руки, как будто бы в них находилась тайна. Он вспомнил старый дом; вспомнил ржавую коробочку с яркими красками; вспомнил, как Воронуша унёс эту коробочку неведомо куда.

— Нет, ничего Ворон не знает, — проговорил Типтик. — А если даже и знает, всё равно он вам не скажет. Он упрямый. Даже мне ничего не сказал.

— Хи-хи-хи! — засмеялся Дядя Ловушка. — Тебе не сказал.

А у меня перестанет упрямиться. Разговорится. Есть разные способы, как язык развязывать.

— Опять на цепочку посадите?

— Не огорчайся. Я его теперь не на стальную цепочку посажу, а на золотую.

— А мы с Бабушкой? Тоже на цепи будем сидеть?

— Вопрос непростой. Ещё не решил. Подумаю.

Вертолёт тронулся с места и опять медленно полетел над городом; он кружил, набирая высоту. Вечерело. Солнце сделалось сначала оранжевым, потом красным. И стеклянные крыши домов тоже стали красными, словно в огне горели.

Глава двадцать седьмая

ДЯДЯ ЛОВУШКА МЕЧТАЕТ

Дядя Ловушка круто повернул руль, и вертолёт скользнул к окраине города.

— Сейчас, дорогие гости, я вам кое-что покажу... Смотрите!

Типтик посмотрел вниз:

— Что это?!

На земле стоял гигантский металлический предмет, похожий на копьё сказочного великана. Копьё это словно нацеливалось в вечернее небо. Уходящее солнце озаряло остриё. А внизу, там, где копьё как будто было воткнуто в землю, уже плавал в сумраке тонкий белёсый туман — холодно и пустынно было там, внизу.

— Так ведь это же ракета! — воскликнул Типтик. — Смотри,

Бабушка, ракета! Настоящая?..

— Хи-хи! — усмехнулся Дядя Ловушка. — А как же? Без обману. Самая настоящая — хоть сейчас на Луну или на Марс.

— И вы полетите на Марс? — Типтик недоверчиво посмотрел на Главного Хранителя. — Вы уже побывали в космосе?

— Что я — больной? Или смахиваю на сумасшедшего? Что мне делать на Марсе? Зачем мне космос? Нет, голубчики, мне и без Луны хорошо живётся.

— А для чего же ракета, если в городе нет космонавтов?

— Почему — нет? Желающих сколько угодно. Многие в космос рвутся. А я их рядом со своей избушкой содержу. В миленьких каморочках. Потому что высоко летать — это нехорошо. Вредно высоко летать. Опасно летать выше меня. Запрещено летать выше меня!

— Опасно? Вредно? Запрещено?

— Ага. Потому что полетит такой «желающий» в космос и героем сможет стать. А герой в нашем городе один-единственный, это я сам. И других героев мне тут не требуется.

Типтик молчал. Молчала и Бабушка. Они сидели, прижавшись друг к другу, и смотрели, как солнце исчезает за краем земли — вот оно легло боком на синюю тучку... **вот** последний разок брызнуло длинными лучами... вот подтянуло к себе лучи и спряталось.

«Ну отчего я ещё маленький? — думал Типтик. — Был бы я большой да сильный — выбросили бы мы с Бабушкой этого одноглазого из вертолётки... Ну, ничего — мы ещё что-нибудь придумаем. Хорошо, что рядом Бабушка...»

Она, кажется, угадала, о чём думал внук, потому что шепнула ему на ухо:

— Не унывай!.. Двое — не один! Вертолёт снижался.

— Эх, скоро-скоро весь этот город будет моим! — сказал Дядя Ловушка. — Скоро-скоро людишки мои помрут... Город мне достанется!

— Зачем вам одному целый город? — спросила Бабушка. — Вы, конечно, сумасшедший!..

— Не знаю... Может быть, может быть... Один в городе! Буду ходить по улицам один. Буду сам по себе разгуливать по разным кварталам и смотреть, где чего имеется. У меня будут ключи от всех-всех квартир! И всё здесь будет моё: платья, костюмы, шляпы, ботинки. Я каждые десять минут буду переодеваться, каждые пятнадцать минут буду переобуваться. Каждый час буду смотреть на свой монумент. Сам себе буду говорить: Да здравствует Главный Хранитель! Сам себе буду говорить: Ура! Спокойной ночи! Не жизнь, а сплошное ликование.

— А если Картина до этого расколдуется? — спросил Типтик.

— Ни-ни! Ни в коем случае!.. Что ты, голубчик, — мне этого совсем не надо. Мне и так хорошо. Просто замечательно! А если кто-нибудь другой её расколдует, тогда моя жизнь пойдёт совсем иначе. Боюсь, как бы Ворон не вмешался в это дельце... Конечно, свернуть бы ему башку — и всё в порядке. Но мне самому тайну узнать хочется... А вот и моя бедная избушка!..

Они пролетели над каменным забором, над железными воротами и приземлились посередине

широкого двора. Прямо перед ними высился дом-громадина. Сразу было видно, что он не такой, как другие дома в городе. Тёмный. Каменный. В нём даже настоящих окон не было. Только высоко-высоко, под самой крышей, тускло светились три узеньких щёлочки.

На крыше пересвистывались мермехоны.

Наступала ночь.

Глава двадцать восьмая

СТО ВТОРАЯ ОШИБЛАСЬ

— Хороша моя избушечка? — спросил Дядя Ловушка, вылезая из вертолётa. — Вы теперь будете жить у меня под боком. Нет-нет, не в моей избушечке, а рядышком, в железном дворике. И никуда вы отсюда не убежите: слишком много знаете обо мне. Ох, как много!

Он хлопнул в ладоши:

— Сто вторая!

Немедленно из темноты подкатилась машина, похожая на перевернутого паука: стальные лапы шевелились у неё по бокам, как живые.

— Возьми-ка, Сто вторая, бабушку-старушку и запри её в хорошенькую клеточку!

— Не имеете права! Я буду жаловаться! — закричала Бабушка. — Я напишу в газету!..

Но Сто вторая ловко обхватила её своими могучими лапами, приподняла над асфальтом и покатила в самый дальний угол двора.

— Тимоша! Внук!.. — слышалось оттуда.

Сто вторая приехала обратно; теперь её лапы потянулись к Типтику.

— Умница! — похвалил машину Дядя Ловушка. — Лучший сторож и надзиратель; одна заменяет двадцать самых опытных охранников. Никогда не спит; есть не просит — только смазывай, да подзаряжай аккумуляторы... Займись-ка, Сто вторая, этим сопляком паршивым! Живо!..

Мгновенно стальные лапы схватили Типтика под мышки. Приподняв его, машина закружилась по двору.

— Что же ты, дурашка, мечешься из угла в угол? — ласково проговорил Дядя Ловушка. — Ты ведь образованная машинка...

Тащи этого щенка туда, где клетки. Сажай его под самый большой замок!

Вихрем понеслась Сто вторая вдоль двора. В полутьме Типтик заметил: тут было что-то вроде зверинца — клетки большие и маленькие, низкие и высокие.

Что было дальше — Типтик не помнит. Сто вторая его бросила... опять приподняла и с силой посадила на твёрдый асфальт... У Типтика потемнело в глазах, и он потерял сознание.

Он очнулся на рассвете.

Кто-то тихонько смеялся: совсем близко...

Типтик приоткрыл глаза и увидел, что сидит около запертой клетки. Не в самой клетке... а около! А сама клетка закрыта на тяжелый замок, который болтается над его головой.

А в соседней клетке, за решёткой, смеётся молодой человек. Сидит взаперти, а смеётся весело, по-озорному, как всё равно мальчишка.

— Ничего смешного тут нет, — сердито сказал Типтик.

— Наоборот, это очень забавно! — весело прошептал молодой человек. — Ведь Сто вторая ошиблась!.. Ах, как это хорошо!.. Главный Хранитель думает, что его хватающие машины похожи на людей и всё могут делать сами, без ошибок. Нет, машина без человека, сама по себе, ни на что не годится. Самая умная машина становится глупой, как пробка, если ею командует злобный дурак.

— Дядя Ловушка, по-моему, не дурак.

— Ловушка?.. Главный Хранитель — Ловушка? Отличное прозвище! Кто придумал? Ты?

— Нет, не я...

— Всё равно хорошо. Он действительно — хитрая ловушка. Воображает себя самым умным, а на деле бывает дураком. Хочешь, докажу?

— Ничего я не хочу... — у Типтика болела голова. — Я хочу удрать отсюда.

— Для тебя это пара пустяков! Ты ведь сидишь не за замком, а под замком. Понимаешь разницу?.. Ловушка не совсем чётко отдал команду, и Сто вторая перепутала. Понял?

— Да... — слабо улыбнулся Типтик.

— Пока ещё все спят, давай знакомиться. Я — Учитель, сын Последнего Доктора.

— Вашу дочку зовут Зоей?

— Правильно. А тебя — Типтиком?

— Кто вам сказал?

— Угадай.

— Н-не знаю...

— Загляни-ка вон в тот уголок... Только тихонько, не шуми!

Типтик с трудом поднялся на ноги. Огляделся. В клетках спали люди... На решётках, как в настоящем зверинце, белели таблички:

«УЧЕНЫЙ. Из породы беспокойных».

«ПОЭТ. Редкий экземпляр — из породы мечтателей».

«ИНЖЕНЕР. Из породы искателей».

Тишина... Краешек неба за углом чёрного дома чуть заметно порозовел, но в вышине ещё сияли крупные звёзды...

А в углу, там, куда показал Учитель, стояла позолоченная клеточка; в ней, подвернув голову под крыло, дремал... Воронуша!

— Проснись! Проснись, чёрненькая птичка! — зашептал Тип-тик, просунув руку в клетку к Воронуше.

Ворон вздрогнул, хотел каркнуть, но Типтик зажал ему клюв:

— Тс-с! Молчи!.. Мы убежим. В твоей клетке прутья тонкие... попробуем их согнуть... Только не каркай. Тише!..

Осторожно, но изо всех сил, Типтик потянул к себе один прут... Прут скрипнул и чуть-чуть подался... Типтик ещё приналёг. Ворон нетерпеливо переступал лапами; потом боком навалился на решётку... Ещё усилие — и клетка сломана! Воронуша на свободе!

Теперь — как можно скорее перелезть через высокий каменный забор. Скорее — пока не проснулся Ловушка, пока его глазастые мермехоны не подняли тревогу.

Воронуша единым махом вспорхнул на ворота.

А Типтик... Что с ним? Почему не бежит, почему медлит?

«Бабушка, где ты?»- хотел крикнуть Типтик, но тут же крепко сжал губы. Он посмотрел в глубь двора. Двор огромный, и где-то там, в самой глубине его, стоит клетка, в которую хватаящая машина бросила Бабушку.

Мальчик медленно подошёл к Учителю. Ох, у этой клетки прутья были такие толстые! И замок на дверце — грузный, стальной.

— Беги, дружище, спасайся! — Учитель печально смотрел на Типтика. — Ты почти на свободе. Лезь через забор...

— Не могу. Здесь моя Бабушка. Не могу я без неё...

— Твоей Бабушке не убежать. Замок без ключа не открыть. Ключи от всех клеток у Главного Хранителя, у Ловушки.

— А где он их держит?

— Неизвестно. Знаю лишь, что спит он сейчас вон в той комнате с открытым окошком. До этого окна тебе даже во сне не добраться — слишком высоко.

— Мне не добраться... А что если... — Типтик сдвинул брови. — Воронуша, ко мне!

Глава двадцать девятая

БОЙ

Что Типтик шептал Ворону — Учитель не слышал. Только отдельные слова можно было разобрать: «блестит»... «разрешаю»...

И вот чёрные крылья заколыхались — сначала едва заметно, нерешительно; потом — всё чаще, чаще: Ворон набирал высоту, с опаской поглядывая на каменный дом... Вот он осторожно подлетел к узкой щёлочке окна, заглянул внутрь...

— Ну, давай, давай! — шептал Типтик. — Действуй, Воро — нусик!

Воронуша отважно тряхнул хвостом и скрылся в комнате.

Сердце у Типтика сжалось, он даже дышать перестал... Если вдруг Ловушка сейчас проснётся и увидит Воронушу — всё поггло. Ах, как долго тянутся эти минуты! Где же ты, Воронушенька, что с тобой?..

А солнце на востоке разгоралось всё ярче и ярче. Звёзды совсем померкли. Скоро солнце взойдёт.

Воронуша вылетел из окошка!

В клюве он держал связку блестящих ключей.

— Кидай! — выдохнул Типтик.

Ворон разинул клюв. Связка шлёпнулась у самых ног мальчика.

И тут наш храбрый Воронуша не выдержал. От радости, что всё получилось так удачно, он заорал на весь двор:

— Урра! Крра-красота! Уррра!

— Что такое? Кто кричит? — Дядя Ловушка высунулся из окна, поспешно натягивая клетчатый пиджачок. — Ворон?.. Хватай его! Держи!..

С крыши сорвались Мерзавцы Механические Особого Назначения — затрещали их моторы, засвистели их крылья, со страшной силой рассекая холодный утренний воздух. Растопырились хищные когти.

— Карр-карр! — перепуганный Воронуша кинулся наутёк.

Мермехоны легко догнали его. Один из них пролетел над Вороном и, круто спикировав, загородил ему путь.

Но Воронуша не растерялся: сложил крылья и камнем рухнул вниз. Видимо, мермехон хотел поступить так же: втянул в себя когти и крылья и стал стремительно падать вслед за живой птицей. Но что-то в механике этого Мерзавца не сработало вовремя, и он всей тяжестью грохнулся об асфальт. Пружинки, лампочки и колесики вывалились из его стального брюха.

— Хватай-держи Ворона! — приказывал Дядя Ловушка другим мермехонам.

Но они беспорядочно кружились в воздухе, сталкивались друг с другом — словом, вели себя как существа неразумные.

А Воронуша — не будь дурак — моментально забился в узенькую щель между двух клеток, и никакой хищный коготь не смог бы дотянуться до него.

Тем временем Типтик носился по двору и открывал у клеток хорошо смазанные замки. Измученные люди выходили на волю, расправляя затёкшие плечи.

— Бунтовщики! — надрывался Главный Хранитель. — Мятежники! Вот я вас всех!..

Тут во двор, расставив длинные рычаги, ворвались новенькие хватательные машины — закрутились, заюлили между клетками, пытаясь загнать туда людей.

Но люди — умные, талантливые люди — не испугались. Учитель ловко подобрался сзади к хватательной машине, дотянулся до пульта управления и что-то переключил там... Машина на секунду остановилась, а потом, не обращая внимания на людей, пошла сражаться с другими машинами!

Такой шум стоял в тюремном дворе, такой звон и лязг, что все мермехоны, все хватательные машины стали неуправляемыми — не могли слышать ни одной команды Главного Хранителя.

Великолепная Бабушка вырвалась из своей клетки и, энергично работая локтями, высоко поднимая колени, побежала навстречу Типтику:

— Внук! Тимоша!.. Воронуша!.. Вы истинные герои! Я всё знаю! Я горжусь вами!

Люди, ощутив свободу, дорвались до самого желанного сегодня дела: они умело выключали и останавливали хватательные машины, всю эту технику, которая держала людей взаперти, не позволяла им жить так, как хочется.

Воронуша, высунув клюв из своей щели, храбро подбадривал:

— Урра! Бей крепче! Пре-ккра-сно!

Но сам из щели, на всякий случай, не вылезал.

Глава тридцатая

«ПРЫГАЙ!..»

У Дяди Ловушки от бессильной злобы тряслись губы. Немигающими глазами смотрел он на то, что делалось во дворе. Остановились его верные слуги — хватательные машины; присмирели его стражники — мермехоны.

Что делать Ловушке — убежать, спрятаться?.. Некуда бежать, некуда прятаться: несколько человек уже ломились в дверь его чёрного дома.

И тогда Главный Хранитель, с трудом протиснув свой толстый живот сквозь щель узкого окна, встал на подоконник и пронзительно затараторил:

— Прощайте! Сейчас я брошусь вниз и разобьюсь насмерть на ваших глазах. Насмерть разобьюсь, имейте в виду! Смотрите, как умирает герой!

Люди во дворе чуть притихли; они испуганно смотрели на кривоногого человечка, который стоял на самом краешке подоконника.

— Да! — кричал Дядя Ловушка. — Я сейчас умру, потому что не хочу больше жить рядом с вами, негодяи вы эдакие! Не хочу, негодяи, видеть вас и слышать! Вы не уважаете меня — меня не уважаете, нет! Меня — мудрого Главного Хранителя Картины... Я сейчас умру, и никто-никто не расскажет вам, как нужно жить дальше, никто-никто не будет заботиться о жирной пище для ваших родных... Сейчас умру! Прощай, мой стеклянный город! Прощай, тёплое солнышко! Прощайте, негодяи!

Он говорил уже спокойнее и даже немного отодвинулся от края подоконника.

А во дворе кто-то уже опустил глаза, кто-то уже тяжело вздохнул...

— Вы не жалеете меня, — ещё громче затараторил Дядя Ловушка. — Вы не любите меня. Вы не верите мне!.. Вы хотели по ближе рассмотреть Картину... А может быть, вы хотите её переделать, изменить её?.. Но ведь Картину нарисовал Знаменитый Художник — нарисовал всю вашу жизнь. Он оставил мне свою

Картину, потому что любил меня, верил мне. А вы, негодяи, не уважаете, не жалеете меня. И вот я сейчас прыгну и умру на ваших глазах!..

— Прыгай! — раздался звонкий голос. Все обернулись.

На каменном заборе стояла худенькая девчонка... Зоя!.. Колени у неё ободраны, лицо покраснелось и под лучами утреннего солнца сияло, как маленький флажок.

— Прыгай, прыгай! — весело повторила она. Ну, что же ты?.. Боишься? Или раздумал умирать?

— Нет, не раздумал! — взвизгнул Дядя Ловушка, губы его опять задрожали от злости. — Не раздумал, но хочу, чтобы смерть мою видели не только эти бунтовщики, мятежники. Я желаю, чтобы весь город увидел, как погибает Главный Хранитель...

— Весь город? — спросила Зоя. — Пожалуйста!..

За забором зашумели, загудели тысячи голосов. Заскрипели железные ворота — во двор ворвались сердитые люди. Впереди всех — Последний Доктор.

— Дорогой мой сын! — закричал старик радостно. — Мы пришли, чтобы спасти тебя и всех твоих друзей!..

А Зоя смеялась, показывая пальцем на Ловушку:

— Смотрите, смотрите! Сейчас будет совершён прыжок с высоты в пятьдесят метров! Прыжок без парашюта!.. Прыгай! Алле-гоп!..

— Ой, будьте добры, не прыгайте, дяденька Хранитель! Если вы разобьётесь, то я уже не буду чемпионом города по «медленности»...

Это сказал шарообразный мальчик; он, оказывается, тоже приплёлся сюда.

— Пусть прыгает! — требовала Зоя. — Струсил?

— Нет... не струсил я... — проямлил Дядя Ловушка. — Но жалко... Жалко зашибить кого-

нибудь там внизу, если прыгну.

В толпе засмеялись.

— Ну чего, чего вы от меня хотите? — единственный глаз Ловушки часто-часто замигал. — Чего вам надо?

— Чтобы стать по-настоящему счастливыми, нам всем нужна работа! — крикнул Учитель.

И тысячи людей заволновались, зашумели:

— Хо-тим ра-бо-тать!

— Труд!

— Ра-бота!

— Строить! Учить!

— Выдумывать! Изобретать! Делать! — кричали взрослые.

— Смеяться, бегать, играть! — кричали дети.

— Порр-порхать! — гаркнул Воронуша, но его, кажется, ни кто не услышал.

Глава тридцать первая

КАРАНДАШ, ЛАСТИК И ЯРКИЕ КРАСКИ

Учитель взобрался на разломанную клетку, с неё перескочил на забор и стал рядом с Зоей. Он отовсюду был виден.

— Я хочу спросить вас, друзья, — начал Учитель. — Разве это правильно, что нашим прекрасным городом командует самый жадный и самый злой человек?

— Не-пра-виль-но! — ответили тысячи людей.

— Мы с вами живём открыто, на виду у всех, у нас нет секретов друг от друга. А он живёт в чёрном каменном доме за высоким забором; у него нет друзей, и никто не знает, о чём думает сумасшедший человек, который сам себя назвал Главным Хранителем. Разве это правильно?

— Не-пра-виль-но! — ответили тысячи людей.

— Разве это правильно, что он запрещает нам работать?

— Нет, неправильно! — всё громче и громче говорили люди. — Не-пра-виль-но!.. Не-пра-виль-но!

— И почему он прячет от нас Картину? Нашу Картину! Если город выстроен, как на Картине — мы имеем полное право видеть её!

— Имеем право! — сказали тысячи людей так громко, что Воронуша вздрогнул и даже подпрыгнул от волнения.

— Имеем прра-во! — сказал он.

— Ладно, уж так и быть, ладно... — заверещал Дядя Ловушка. — Покажу я вам Картину, покажу... Сейчас принесу... Но если вы тронете меня хоть пальцем, то я уничтожу её — разорву, разрежу, разобью, если тронете меня, старичка несчастного.

— Не тронем, — с презрением сказал Последний Доктор.

...И вот распахнулись настежь двери чёрного дома, и показалась Картина.

Дядя Ловушка держал её перед собой, прикрываясь ею, словно щитом; он весь спрятался за неё — и только снизу видны были ноги, а сверху лысина и клочок слипшихся волос.

— Ворр! Ворр! Ворр! — закричал Воронуша и сел на плечо Типтику.

— Вот Картина, которую мне подарил мой лучший друг — Знаменитый Художник, — сказал Дядя Ловушка. — Он сам подарил мне эту Картину и сам назначил меня Главным Хранителем. Ведь я тоже был художником...

— Неправда! — воскликнула Бабушка. — Возмутительно! Он никогда не был художником, этот гнусный птицелов. Я сама видела, как он торговал живыми птицами. Мы с моим внуком Тимофеем Птахиным видели это собственными глазами! Скажите, разве может художник ловить птиц и держать их в клетках?

— Прравда! Прравда! — крикнул Воронуша и перелетел на плечо великолепной Бабушки.

— Он мучил птиц, — подтвердил Типтик. — Не давал им пить.

— Прравда! — мотнул своей большой головой Ворон и перелетел от Бабушки опять к Типтику.

— Погодите-ка, — Типтик слегка прищурился. — Да разве это Картина?

— Да-да... — проговорил Последний Доктор, пристально вглядываясь в полотно в раме. — Это не похоже на Картину. Это, пожалуй, чертёж, схема...

И верно: все увидели, что на белом полотне тонкими, еле заметными линиями были очерчены контуры домов, улиц, проспектов. А в самом центре чья-то неумелая рука — это сразу было заметно — карандашом нацарапала неуклюжий монумент в честь Главного Хранителя.

— Всё в точности! Тут всё в точности! — захлёбывался Дядя Ловушка. — Очень похоже, в точности! — он кричал из последних сил, и от натуги лысина его покрылась капельками пота. — На Картине, как в жизни! В жизни, как на Картине! В точности!

— Минутку! — великолепная Бабушка пригляделась к Картине. — Тимоша, Зоя! У вас молодые глаза: взгляните — здесь подделка!

— Вижу! — обрадовался Типтик.

— Вижу! — обрадовалась Зоя. — Снимите, пожалуйста, стекло.

Тотчас же несколько человек осторожно сняли с Картины стекло.

А Типтик порылся в карманах — достал оттуда кусочек мягкого ластика и легонько стёр неумелый рисунок монумента в центре Картины.

— Негодяй, не смей! — зарычал Дядя Ловушка. — Это же мой монумент! Тут я красуюсь...

— Здесь пока что пустое место, — засмеялась Зоя.

— Да, я красуюсь на пустом месте!.. Что делается... Что делается!

Дядя Ловушка застонал, весь как-то съёжился, сморщился и запахнул потуже свой клетчатый пиджачок.

— Странно, — сказал Учитель. — На картине совсем не видно людей... И почему она не раскрашена?

— Так и в жизни, так и в жизни! — заверещал Дядя Ловушка. — Посмотрите-ка на себя!

И все посмотрели на себя с удивлением, словно впервые увидели эти бесцветные платья, бесцветные халаты, бесцветные дома...

— Бабушка! — воскликнул Типтик и хлопнул себя по лбу.-

Я всё понял! Я догадался! Помнишь, что говорил нам в вертолёте этот Дядя Ловушка? Он сказал, что Картина заколдована. Так и есть!.. Погодите, а где Воронуша?

В самом деле, никто не заметил, как Ворон куда-то исчез.

— Воронуша, где ты? — крикнул Типтик.

— Во-ро-ну-ша, где ты? — закричала по слогам Бабушка. — Где ты, Во-ро-ну-ша?..

Высоко в небе показалась мало приметная точка. Вот она всё ближе, ближе, ближе...

— Мермехон! — крикнул кто-то испуганно.

— Да нет! Не мермехон это, а Воронуша!.. А что он держит в клюве?

На землю упала плоская ржавая коробочка. Учитель поднял её, раскрыл...

Там были краски — яркие, свежие, совсем-совсем новенькие, как будто их только вчера положили в коробочку. На внутренней стороне крышки Учитель прочитал:

— Рази-двази...

— Тризи-мизи... — откликнулся Ворон.

— Пята-лата! — сказал Типтик.

— Сули-мули! — прочитал Последний Доктор.

— Буба-бэнс!.. — почти шёпотом выговорила Зоя.

И в тот же миг коробочка опустела: краски исчезли.

И в тот же миг Картина чудесно преобразилась: стали разноцветными дома, сады и бульвары покрылись свежей зеленью, улицы наполнились людьми в оранжевых, синих, фиолетовых, розовых платьях и костюмах... Все на Картине куда-то спешили, бежали, прыгали — каждый был занят делом. Худощавые, энергичные фигуры взрослых и детей наполняли этот сказочный город, в самом центре которого возникло высоченное торжественное здание.

«ДВОРЕЦ ТРУДА»- было написано на этом прекрасном доме, за широкими окнами которого кипела дружная работа: кто стоял у станка, кто сидел за компьютером, кто за письменным столом...

— Вот о чём мы все мечтали, — прошептал Последний Доктор.

— Пре-кrra-сно! — прищёлкнул клювом Воронуша. — Ура! И тысячи горожан подхватили эти правильные слова:

— Прекрасно! Ура!

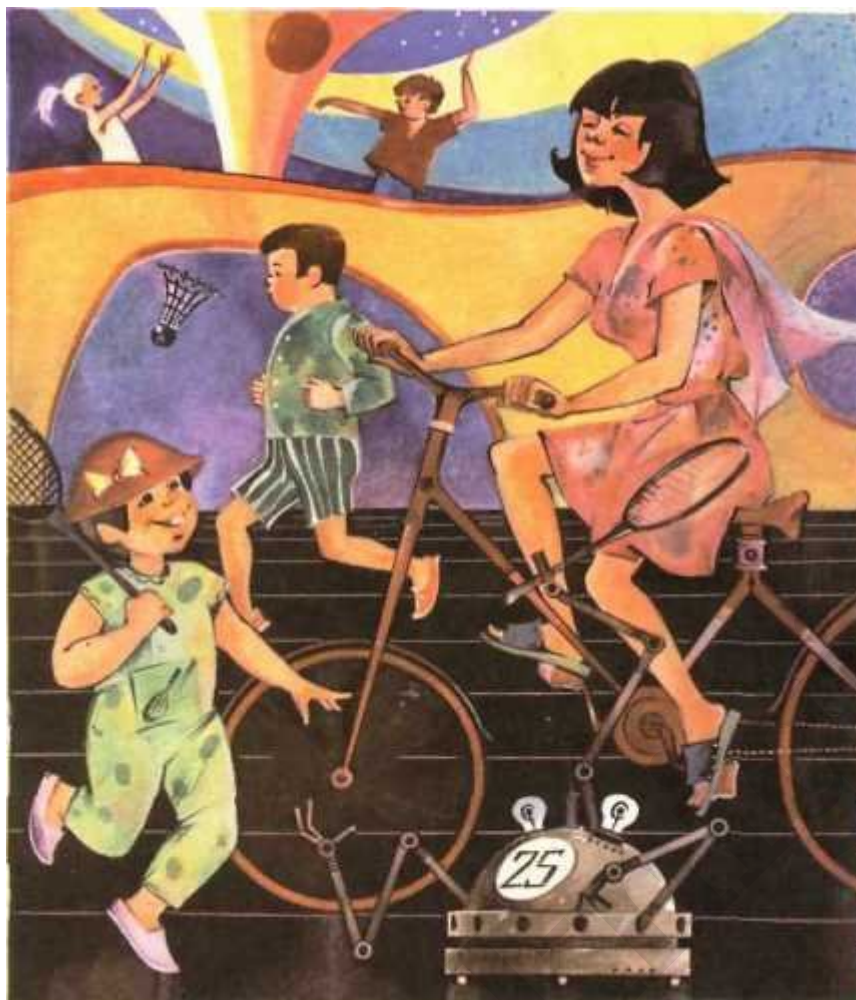
Глава тридцать вторая

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ

Об этом, наверное, и рассказывать не нужно. Понятно всё и так.

Весь город строил Дворец Труда; и скоро в нём закипела работа — даже ещё веселее, чем на Картине! Многие там делали умные машины — они помогали людям. А люди, придумывая, изобретая, сами становились всё умнее и умнее. И каждый понимал, что никогда не удастся сделать машину, которая была бы во всём умнее человека.

Клетки, конечно, разломали. Из прутьев сделали качели. На них с утра до ночи раскачивались ребяташки.

Удивительно, но в городе совсем не стало толстяков. Даже «подушечный» мальчик похудел, и прошёл слух, будто бы он собирается стать чемпионом по бегу на семьдесят семь с половиной метров — он сам себе придумал такую дистанцию.

Всюду теперь громко смеялись, хохотали до упаду. И плакать никому не запрещалось. Но, конечно, никто не хотел плакать. Только однажды какой-то малыш заревел благим матом, когда кормящая машина по ошибке насильно пичкала его манной кашей с малиновым вареньем. Малыша успокоили, угостили солёным огурчиком, а машину срочно отправили в ремонт.

Но что с нашим Типтиком? Что с Бабушкой?

Вот тут я ничего вам сказать не могу. Дело в том, что Типт... ах, простите — Тимофей Птахин... Так вот, Тимофей Птахин стал старшим помощником младшего юнга на огромном космическом корабле и улетел куда-то, в направлении... Позабыл я, как называется эта далёкая планета. Помню лишь, что жители этой планеты совсем не могут жить без сказок — они там дышат сказочным воздухом и глотают сказочные пирожки. Думаю, что они, должно быть, с удовольствием будут слушать нашего Типтика, когда он начнет рассказывать, что случилось в стеклянном городе на нашей Земле.

Великолепная Бабушка, кроме газеты «Спорт» и журнала «Здоровье», подписалась на библиотеку «Фантастики» и читает лекции о том, как сохранить молодость до ста двадцати лет.

Она по-прежнему ходит в синих брючках, по-прежнему делает силовые упражнения с гантелями, по-прежнему каждый день бегаёт лёгкой трусцой. И поговаривают, что она решила каждое утро обливаться ледяной водой. Действительно — великолепная Бабушка!

А Воронуша? Как поживает чёрненькая птичка?.. Должно быть, улетела вместе с Типтиком на далёкую планету?

Ничего подобного. Воронуша теперь далеко не залетает. Его назначили заведующим белым столовым залом. Он следит там за чистотой и даже сам командует моющей машиной.

Иногда в столовом зале появляется приходящий неизвестно откуда, тихий старикашка в клетчатом пиджачке. Воронуша даёт ему котлету с картофельным пюре и разрешает выпить чашку компота. Он ведь добрый, наш Воронуша.

...А недавно мне позвонил по телефону Последний Доктор и сказал, что жители города собираются воздвигнуть монумент в честь вольных птиц — ласточек, аистов, журавликов, воробышек.

Воронуша, когда узнал об этом, сказал с восторгом:

— Прра-вильно! Кррасота!

УСПЕХ ТРАВА

Юрт-Акбалык — Новосибирск

1988 г

Успех
Трава

Говорит автор

ВСТУПЛЕНИЕ

Мне очень хочется, чтобы вы узнали про случай, который произошёл с Катей Карамелъкиной.

Только не знаю, как об этом рассказать, потому что случай слишком уж странный, слишком уж необычайный, слишком уж удивительный и говорить о нем надобно по-особенному.

Сначала я надумал написать стихотворение и даже нашёл смешную рифму — «Карамелъкина — пустомелькина». Но потом решил: нет, стихи тут не годятся; дело слишком серьёзное.

Тогда я сказала: напишу-ка пьесу! Да, пьеса тут была бы в самый раз. Одно плохо: смотреть пьесу в театре, где играют артисты, — интересно. А читать пьесу в книге — немножко скучновато.

Ну, что ж, — подумал я. — Если пьеса не подходит, значит, надо написать сказку!

И как только я это подумал, так в ту же секунду сказка сама по себе стала сочиняться.

Стала сочиняться большая сказка. Такая большая, что я даже отсюда — с первой страницы, не вижу, чем дело закончится.

Итак, когда-то давным-давно...

Ах, простите, что я в самом начале останавливаюсь и прерываю сказку.

Дело в том... понимаете ли... надо сказать... Словом, вот что: не сердитесь, пожалуйста, на меня, если я иногда — честное слово, очень редко! — буду лично появляться на страницах этой книги, чтобы высказать свое отношение к здешним делам. Это будет называться «АВТОРСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ». Конечно, было бы приятнее и почётнее назвать это «авторским наступлением». Но знающие люди мне сказали, что автор ни в коем случае не имеет права наступать; потому что автор не солдат, а писатель, у него в руках не автомат, а перо.

Но если в каком-нибудь месте нашей сказки начнётся авторское отступление, то вы должны будете сразу же узнать автора в лицо. А то могут выйти разные неприятности — вы станете спрашивать: кто это там отступает? Какое он имеет право отступить, когда сказка идёт вперёд? Начнётся неразбериха, путаница, даже крики...

Вот как автор выглядит: среднего роста, седой (он давно уже дедушка); глаза у него обыкновенные — иногда грустные, иногда весёлые. Он любит глупенькие песенки, вроде этой:

*«Тирлим-пом-пом!
Тирлим-пом-пом!
Компот приехал
В этот дом!»*

Надеюсь, теперь вы сразу же узнаете автора при любом его ОТСТУПЛЕНИИ.

Начинается сказка! Внимание!.. Итак...

Глава первая

ШКОЛЬНАЯ ВЕДЬМА

Когда-то, давным-давно, жила-была маленькая фея.

Она, действительно, была очень маленькая — чуть побольше карманного радиоприёмника. Её имя тоже было небольшое, короткое: Кика.

Фея Кика была хорошенькая и весёлая. Она всё время порхала над цветами в нарядном голубом платице.

Да-да, порхала, как бабочка. Потому что маленькие феи, так же, как и новорождённые младенцы, ходить ещё не умеют. Только младенцы ползают на четвереньках, а феи порхают. У них за спиной есть такие прозрачные крылышки, чтобы легче было перелетать с цветка на цветок.

Шли годы... Может быть, двадцать лет прошло, а, может быть, и двести или пятьсот. Кто их считает, эти годы, когда они идут один за другим. Кика сначала стала взрослой и, как у всех взрослых, крылья у неё отпали. Но зато выросло имя; оно стало длиннее — фею Кику теперь с уважением стали называть Кикимора.

И, наконец, она состарилась и превратилась в ведьму. Да-да! Не удивляйтесь: все старые ведьмы в молодости были прелестными феями. Спросите кого угодно.

Только носить почётное звание «Ведьма»- дело вовсе не такое простое, как кажется. Ведьме многое надо уметь: притворяться, обманывать, внезапно исчезать и появляться там, где тебя не ждут; и вообще, надо уметь ловко делать всякие фокусы...

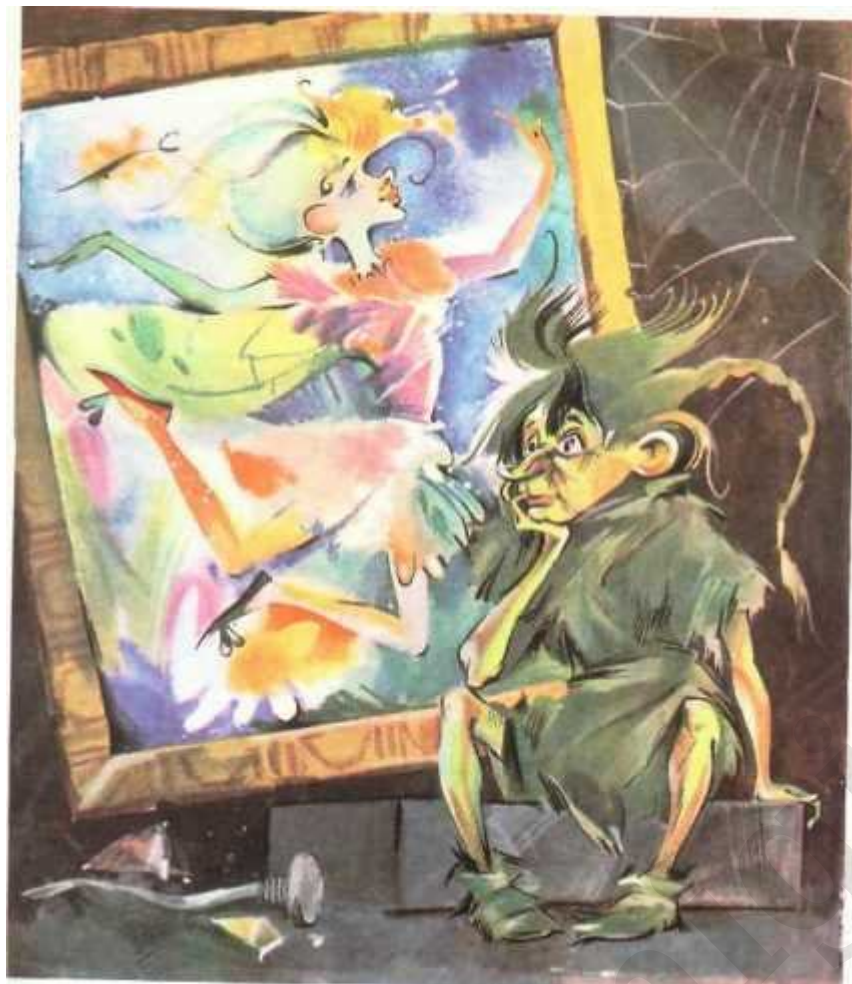
Некоторые ведьмы считают, что их главная обязанность — пугать людей. Они говорят: «Если не умеешь так напугать человека, чтобы у него со страху глаза на лоб полезли, — то лучше и не называй себя ведьмой».

Представьте себе — Кикимора не любила пугать. Вернее: любила, но не очень. Она ни разу не испугала девочку, маленького мальчика или старенькую бабушку.

Нет, Кикимора была не злая ведьма.

Но любила она пошутить, и до слёз хохотала, когда после её шуток люди рот раскрывали от неожиданности, не понимая, что произошло.

С другой стороны, ей очень нравилось, когда про неё говорили что-нибудь хорошее, например: «Смотрите-ка, старая ведьма, а жить людям не мешает». Да, такое слышать про себя каждому приятно.

Так вот, всё началось с того, что холодным осенним вечером шла однажды по городу преподавательница музыки из нашей школы. Звали её Берта Мольбертовна, а ребята (конечно, между собой) называли её сокращенно и довольно музыкально — Бемоль. Мы с вами иногда тоже будем так её называть, надеюсь, она не обидится на нас за это.

Дул резкий северный ветер, шёл сильный дождь. Прохожие поднимали воротники, кутались в шарфы и потуже натягивали мокрые шляпы.

Вдруг, сквозь шум дождя, Бемоль услышала, как под водосточной трубой кто-то натужно кашляет и тяжело вздыхает: «О-хо-хо-хо-хо-хохонюшки!..» Бемоль остановилась, нагнулась и увидела... — вы, конечно, догадались — совершенно верно: она увидела Кикимору!

Недолго думая, ни о чём не расспрашивая, без всяких разговоров, преподавательница музыки подняла с тротуара маленькую ведьму, сунула её к себе в сумку и принесла в школу.

В учительской в это позднее время уже никого не было. На всякий случай Берта Мольбертовна закрыла дверь на задвижку, потом с трудом отодвинула от стенки старый испорченный телевизор «Изумруд» и посадила Кикимору внутрь его — туда, где торчали пыльные лампы, трансформатор и переплетались разные провода.

— Никому и в голову не придёт, что вы тут живёте, — сказала Бемоль Кикиморе. — Здесь пыльно, тепло и сухо — жильё для вас самое подходящее.

— Спасибо!.. — сказала Кикимора.

И вот в школьной учительской, где во время перемен всегда находилось много педагогов, тихонечко и спокойненько стала себе жить-поживать настоящая ведьма. Ни один человек, кроме Бемоли, про это не знал и даже не догадывался. На испорченный телевизор никто и внимания не обращал.

Глава вторая

ПЕРЕЕЗД

Я не знаю, может быть, ведьма тут и ни при чём, но, представьте себе, скоро в нашей школе началось нечто странное: почти все ученики стали получать четвёрки и пятёрки, никто не опаздывал на занятия! Все писали в стенгазету! А в Актовом зале каждую неделю собирался огромный хор, и даже самые безголосые красиво пели «С голубого ручейка начинается река!..»

«Должно быть, вам кто-то колдует!»- с завистью говорили учителя других школ. В нашей школе только любезно улыбались и советовали брать пример. Но никто-никто-никто (разумеется, кроме Бемоли) не слышал, как в поломанном «Изумруде» иногда кто-то шуршит и сладко зеваает: «О-хо-хо-хо-хо-хохонюшки!»

Постепенно слухи о том, что наша школа какая-то особенная, удивительная и исключительная, долетели до Москвы. И оттуда прислали телеграмму, чтобы директор школы Иван Иванович срочно прибыл в столицу и на всю страну рассказал по телевидению об учителях, об учениках и, разумеется, об отметках.

Тут, между прочим, произошёл один пустяковый случай.

Перед самым отъездом Иван Иванович зашёл в учительскую и сказал:

— До свиданья! Я уезжаю. Школа временно остается без директора. Надеюсь, что всё здесь будет в порядке.

— А вы не боитесь, что вместо вас кто-нибудь другой станет директором? — пошутила Берта Мольбертовна.

— Я ни-че-го не боюсь! — отважно ответил Иван Иванович, простился со всеми учителями и поехал в Москву выступать по телевидению.

А в старом «Изумруде» что-то скрипнуло и послышалось: «Хе-хе!.. Поживём — увидим!..»

В школе все стали ждать, когда же можно будет посмотреть на Ивана Ивановича в телевизоре. Потому что это ведь большая разница, когда смотришь на директора просто так и когда видишь его на голубом экране.

Высокая, с острым носом учительница физики Эвелина Сидоровна сказала, глядя сквозь круглые очки:

— Надо немедленно починить наш испорченный «Изумруд». Мы должны будем собраться в учительской и сообща смотреть на дорогого Ивана Ивановича!

Учительница французского языка Мария Сулеймановна — низенькая, полная, как пуховая подушка, сказала:

— Совершенно с вами согласна! Я завтра же приведу сюда моего мужа — он прекрасно чинит электрические утюги, и за это я очень его люблю. Может быть, он и телевизор сумеет починить...

Все воскликнули:

— Как это будет хорошо!

Но Берта Мольбертовна произнесла немного испуганно:

— По-моему, с «Изумрудом» не следует торопиться... Мне надо тогда что-то придумать...

— Что придумать? — удивились Эвелина Сидоровна и Мария Сулеймановна.

Бемоль не ответила. В задумчивости она вышла из учительской и вернулась туда поздно вечером, когда в школе никого, кроме тётеньки Чудаковой, не было.

Не зажигая свет в учительской, Бемоль опять закрыла дверь на задвижку и постучала по телевизору:

— Вы меня слышите?.. Я вас спрашиваю, мадам Кикимора!.. Знаю, что у вас болят руки-ноги и стреляет в спине, но мне также известно, что слух у вас превосходный. Не притворяйтесь...

В «Изумруде» раздался шорох, потом кашель — «Кха-кхе-кха!», потом длинный-предлинный вздох «О-хо-хо-хо-хо-хохо-нюшки!», и скрипучий голосок спросил:

— Чего нужно-то?

— Нужно, чтобы вы переехали на другую квартиру. Здесь вам оставаться опасно. Вы слышали, о чём разговаривали сегодня наши учителя?

— Мало ли о чём они тараторят... Всего и не упомнишь...

А мне тут нравится: пыльца, паутинка. Живу не хуже, чем Баба Яга. И если какой-нибудь знакомый чертёнок спросит: «Тётя, где проживаете?», я с гордостью могу ответить: «Мой адрес не дом и не улица — мой адрес родной „Изумруд“!»

— Это всё прекрасно... Но завтра сюда придёт любимый муж Марии Сулеймановны, откроет заднюю стенку телевизора и так испугается!..

— А как он испугается?

— Так, что у него со страху глаза на лоб полезут, и Мария Сулеймановна перестанет его любить.

— Это хорошо. Мы, ведьмы, любим пугать.

— Оставьте ваши фокусы! Людей пугать некрасиво. Словом, собирайтесь-ка поживее, мадам Киккмора. Хватит разговаривать — пора переезжать!

— Нет, ещё не пора. И вообще, мы, ведьмы, не переезжаем, а перелетаем. И — только в полночь, когда старинные часы пробьют двенадцать раз. Это уж такое правило у нас, у нечистой силы...

— Ах, дорогая Кикимора! Какая же вы нечистая сила? Вы просто старенькая фея, — ласково заговорила Бемоль. — И вам не надо перелетать. Посажу я вас в свою сумку да перенесу на новую квартиру.

— А ведь там, должно быть, холодно? Я замёрзну...

— Там тепло.

— А пыльца, паутинка будет? Нечистая сила без этого жить не может, имейте в виду!

— Всё будет, что нужно. Только поехали побыстрее!

— Ну, так и быть... О-хо-хо-хо-хо-хо-хохонюшки! Болят мои белые косточки...

Берта Мольбертовна открыла заднюю стенку телевизора; осторожно, двумя пальцами взяла маленькую, как карманный радиоприёмник, ведьму Кикимору и бережно опустила в свою сумку.

Глава третья

АКТОВЫЙ ЗАЛ НОЧЬЮ

Вам никогда не приходилось бывать в школе ночью, когда только дежурная ходит по нижнему коридору, а все классы, все кабинеты погружены в тишину и сон?

Все громкие крики, которые днём наполняли школьный воздух, — спят, распластанные на стенах, чтобы утром проснуться и снова греметь и звенеть до боли в ушах.

В длинных коридорах уснули лозунги, расписания и стенгазеты.

Уснули пыльные пальмы, лимонные деревья и другие непонятные растения в кадках и глиняных горшках.

В кабинетах физики и химии задремали умные приборы.

Тихо свернулись в рулоны географические карты — они видят сны про Африку, про Ледовитый океан и про незаметную речку Ельцовку...

В спортивном зале мягкие толстые маты раскинулись вповалку и сопят рядом с гимнастическим конём: им здорово досталось прошлым днём, и то ли ещё будет завтра!

А в просторном Актовом зале стройными рядами спят деревянные кресла; спит под потолком забытый с Нового года голубой стеклянный шарик; и на широкой сцене, возле тёплой батареи, тревожно спит вдребезги разбитое пианино «Элегия»...

Именно сюда, на сцену, наталкиваясь в темноте на кресла, путаясь в тяжёлом бархатном занавесе, пришла учительница музыки Берта Мольбертовна.

— Ах, когда-то это было вполне хорошее пианино! — сказала она, добравшись до «Элегии». — Каждый, кто умел, играл на нём с удовольствием. А потом его стал колотить с удовольствием каждый, кто не умел. И вот — остался лишь красивый ящик- футляр. А всё, что внутри, — всё, что играло и звучало, — поломано, разорвано, растерзано... Ни один человек теперь не подходит к этому музыкальному инструменту. И вам, мадам Кикимора, тут будет очень спокойно. Молоточки поломаны и почти все струны оборваны, но при большом желании вы всё-таки сможете себе сыграть на оставшихся струнах что-нибудь волшебное, если вам станет скучно.

— Значит, теперь моя квартира будет называться «Элегия»? — спросила Кикимора. — Что ж, тоже красиво. Ладно, я довольна.

— Я буду к вам иногда забегать, — пообещала Бемоль. — А раз в неделю в этом зале собирается большой школьный хор. И вы, не вылезая из пианино, сможете петь потихоньку вместе с нами... Но, вообще, сюда редко кто заглядывает — разве только по праздникам. Актовый зал на замке, а ключ у меня.

— И без ключа отсюда выйду, если захочу. Мы, ведьмы, ни каких замков не признаем.

— Смотрите, мадам Кикимора, далеко не убегайте: сейчас зима, замёрзнете... Спокойной ночи!..

Говорит автор

ПЕРВОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Конечно, некоторые капризные читатели теперь могут сморщить носик, вытянуть губы в трубочку и презрительно прогудеть:

— Ерунда какая-то! Придуманы тут всякие глупости! Ведь ничего такого на свете не было, нет и никогда не будет. Разве может ведьма жить в «Изумруде»? Разве бывает в учительской сломанный телевизор? Кто его сломал? Эвелина Сидоровна вместе с Марией

Сулеймановной? А, может быть, сам директор Иван Иванович перед отъездом в Москву?.. Ерунда какая-то!.. И потом — где видано, чтобы в школьном Актовом зале стояло разбитое пианино? Здесь ведь школа, а не пиратский корабль... Нет, нет, нет! Такого не было и никогда не будет. И как может старенькая ведьма жить в «Элегии»? Кто ей приносит пенсию, кто ей ходит за лекарствами в аптеку?.. Если автор и дальше будет такое выдумывать — мы эту сказку читать не будем!

И, сказав это, некоторые капризные читатели с сожалением посмотрят на автора: «Что же это ты, дедушка? Седой, а простых вещей не понимаешь?».

Что тут сказать?

«Тирлим-пом-пом,
Тирлим-пом-пом!
Компот приехал...»

Нет, компот ту ни к чему.

Конечно, автор виноват, что в его седую голову лезет всякая ерунда. И вполне может быть, что он тут что-то выдумал насчёт телевизора «Изумруд» и насчёт пианино «Элегия». Но за ведьму, дорогие мои читатели, я ручаюсь: вот тут самая чистая правда! С ведьмой Кикиморой я лично встречался и даже говорил ей: «Эх, ты, старушка! Всё шутки шутишь?..» А она отвечала мне по знакомству: «Эх, ты, старьё, выдумщик! Всё сказки сочиняешь?..»

Вы, может быть, думаете, что и Кати Карамелькиной нет в нашем городе?.. Как? Вы не знаете Карамелькину?.. Не может быть! Неужели я до сих пор ничего о ней не рассказал?

Ну, это дело поправимое: в следующей главе милая Катя непременно должна появиться...

Смотрите-ка, вот и она!

Глава четвёртая

ВОТ ОНА — КАТЯ!

Ученица второго «в» была не слишком приятной особой.

Во-первых, училась она кое-как. Пятёрок в её табеле было не слишком много: всё больше попадались троечки, а иногда и двоечка мелькала.

Во-вторых, она была слишком самоуверенная...

В-третьих, ей ничего не стоило что-нибудь сочинить, выдумать или, попросту говоря, соврать. Нельзя сказать, что она была настоящая врунья. Но можно сказать, что в будущем, когда она вырастет и станет взрослой, то из неё получится недурная сочинительница: и, может быть, когда-нибудь вы купите книжку под названием «Сказки Кати Карамелькиной»!..

А в-четвёртых, она была порядочная трусиха. И особенно боялась Ваську Пробкина и его пятнистого дога по имени Арлекин.

А в-пятых, Катя Карамелькина была ужасно любопытна. Её интересовало решительно всё! У кого какой бант на голове? Какие котлеты вчера готовили в соседней школе? Сколько

молочных зубов осталось у соседки по парте?

Вы понимаете, что все эти вопросы очень серьёзные. Без них просто невозможно жить. И поэтому Катя с утра до вечера поворачивала во все стороны свой курносый носик: кругленькие её глазки беспрестанно шмыгали вправо и влево, а ушки как будто двигались то вперёд, то назад.

Случилось так, что утром — после той ночи, когда Кикимора переехала на новую квартиру, — Катя Карамелькина нашла неподалёку от учительской раздевалки небольшой ключ. Обыкновенный железный ключ.

Конечно, правильнее всего было бы отдать этот ключ школьной уборщице, или отнести его в учебную часть, или отдать своей учительнице. Но всё это Кате казалось слишком простым — пойти и отдать! Ведь это же не простой предмет — не платок, не кошелек, а ключ! С какой стати его отдавать? Прежде всего, нужно выяснить, от какой именно двери этот ключ? Что находится за дверью?..

Ах, Кате невероятно повезло! Она вспомнила, что видела этот ключ в руках учительницы музыки и что этим ключом открывают не какую-нибудь скучную кладовку, а главный школьный Актовый зал. Это так любопытно! Это так интересно! Самой, без посторонних, без взрослых потихоньку войти в огромный зал, погулять по сцене и всё там рассмотреть, как следует!

«Пропущу-ка я урок, — подумала Катя. — Один урок! Что такого?»

— У меня болит голова, — соврала Катя. — Можно, Серафима Матвеевна, я схожу к доктору?

— Конечно, Карамелькина, конечно! — разрешила учительница. — И если у тебя температура — немедленно иди домой.

Прозвенел звонок. Все разошлись по классам. Тишина в школьных коридорах.

А Карамелькина спешит не в кабинет врача, а к дверям Актового зала...

Бесшумный поворот ключа, и ученица второго «в» класса нашей школы осторожно входит в зал. Внимание!

Вот именно сейчас начнутся все приключения. Внимание! Смотрите! Катя смело идёт на сцену. Занавес открыт. Катя подходит к разбитому пианино «Элегия».

Осторожно, Катя! Не шуми! Не поднимай крышку!

Но Кате любопытно: можно ли на этом инструменте сыграть знаменитую песенку про Антошку и картошку?.. Она нажимает сломанную клавишу... Раздаётся отвратительный дребезжащий звук, с которого не может начаться ни одна хорошая песенка.

И сразу же за этим ужасным звуком Катя услышала тоненький скрипучий голосочек — как будто кто-то зевнул и сладко потянулся со сна:

— О-хо-хо-хо-хо-хохонюшки!..

Катины глазки заработали во все стороны, а ушки насторожились, как у кошки:

— Там кто? — шёпотом спросила Катя, от любопытства разинув рот.

— А твоё какое дело? — ответили ей.

— Я просто так... интересуюсь...

— А ты кто? — спросил голосочек.

— Я?.. Никто... Я девочка... Карамелькина Екатерина. Второй «в»...

— А-а! Как же! Знаю, знаю: у тебя двоечка по русскому.

— Откуда вы знаете? — Катя ещё шире разинула рот.

— Я, голубка, всех двоечников учитываю. Тебя и Ваську Пробкина из пятого «б». Знаю, знаю...

— Разве у Пробкина тоже двойка?

— А как же! Ему родители собаку подарили — дога по имени Арлекин. Он теперь вместо того, чтобы уроки готовить — все вечера со своим догом по улице бегают. Вот и двоечка!.. Я всё учитываю.

— А зачем учитываете?

— Как — зачем? Двоечники — наша компания.

— Какая ваша компания?

— Обыкновенная — нечистая сила, вот какая!

— Нечистая? — у Кати перехватило дыхание. — Как интерес но! Мне мама читала сказку про нечистую силу — про Бабу Ягу, про Кощея Бессмертного. Там страшно.

— Хе-хе! А чего бояться-то? Свои ребята: Баба Яга, Кощей, черти, лешие, ведьмы, двоечники — ничего особенного. Жить можно. Не трусь!

— Вы, наверное, ведьма? — вежливо поинтересовалась Катя.

— Верно. Молодец, Катюшка! В русском языке путаешься, а в нечистой силе хорошо разбираешься. Сразу видать — наша девчонка!

— А как вас звать?

— По-разному кличут: кто мадам Кикиморой, кто ласково — Кикочка.

— Можно, я вас буду Кикочкой звать?

— Зови, зови, мне не жалко.

— А можно на вас посмотреть, Кикочка?

— Не испугаешься? Я ведь, говорят, страшенькая.

— Всё равно... Так интересно! Я нечистую силу ещё ни разу не видела.

— Ну, если такая храбрая — открой верхнюю крышку и помоги мне выбраться. Засиделась я тут, в «Элегии»...

Катя боязливо сунула руку под крышку, и тут же кто-то крепко уцепился за её указательный палец.

— Тяни! — раздалась команда. — Вира помалу!

— Что?..

— Вира, говорю, помалу! Это у грузчиков такая команда, когда груз поднимать. Двоечница, ничего не знаешь!

Охая и кряхтя, мадам Кикимора выбралась из пианино. И шустро, как серая мышка, пробежалась по сцене. Заглянула во все углы, понюхала воздух. Потом, приставив ладонь козырьком к глазам, долго смотрела на Катю и с удовольствием проскрипела:

— Кажись, подойдёт! В самый раз, что требуется.

— А что, Кикочка, требуется? — любезно улыбнулась Катя.

— А требуется мне, голубка, поохотать. Скучно жить без смеха. Засиделась я в этих «Изумрудах» да в «Элегиях». Сплю, сплю... Все бока отлежала. Надо поразмяться, порезвиться. Ну и надумала я тут кой-чего...

— Значит...

— Значит, помогать мне будешь в этом деле. Без помощничков тут не обойтись. А помощничек вот он — Катюшка!

«УСПЕХ ТРАВА»

Не зря старая ведьма прожила на свете пятьсот или шестьсот лет. Она многое повидала. И в людях — в девочках и в мальчиках — разбиралась отлично. Для своего веселья выбрала она не кого-нибудь, а именно Карамелькину. Ей нужна была как раз такая девчонка: чуть ленивая, чуть пронырливая, чуть глупенькая, чуть нахальная.

— Перво-наперво, голубка, никому ни о чём не болтай. Язык держи за зубами, поняла?

— Поняла, — ответила Катя.

— Вот тебе, девонька, три зёрнышка. Не простые — волшебные. Теперь слушай внимательно и всё сделай, как скажу. В коридоре на втором этаже стоят кадки с разными растениями.

Засунь-ка ты эти зёрнышки в землю рядышком с лимонным деревом. И вырастут у тебя три травинки-былинки — жёлтая, синяя, зелёная. Гляди, не прозевай: растут они быстро. Утром, перед первым уроком посадишь, а к большой перемене как раз можно будет сорвать. Поняла?

— Чего ж тут не понять? Посажу и сорву.

— А что потом будешь делать?

— Не знаю.

— Опять слушай. От жёлтой травинки-былинки станешь ужасно сильной; на весь город прославишься в один миг. Вот смеху-то будет!.. От синей травинки-былинки окажут тебе в этой школе невысказанный почёт и уважение: учителя будут перед тобой, как мыши перед котом, бегать. Ужасно смешно!.. А вот зелёная травинка — это уж без всякого смеха — это тебе награда будет зато, что повеселила меня, старую Кикочку.

— А какая награда? — не растерялась Катя. — Пусть мне будет шапка с помпоном, костюм-олимпийка и сапожки на меху новые!

— Ничего такого тебе от меня не полагается. Шапка, костюм, сапожки — всё это ерунда, мелочь. Износишь и позабудешь. Нет, с этой зелёной травинкой-былинкой ты доброе дело сделаешь. Ведь ты хоть и двоечница, а, всё равно, бегают в тебе капелька золотой крови.

— А нас учили, что кровь всегда бывает красная! — уверенно сказала Катя.

— Правильно учили: красная, точно. Только уж ты поверь мне, голубка, что бывают в крови и золотые капельки. Не первый год живу на земле — всякого навидалась.

— Ну, и как мне с этой травой быть? Что делать с нею. Сушить?

— Ни-ни! Её не засушишь. Её съесть надо.

— Отравиться же можно!

— Не отравишься, не трусь! Когда надо будет — а я подскажу, когда надо, — каждую травинку разжуй как следует и единым духом проглоти. А как проглотишь, сразу же, без промедления, пошли вослед травинке волшебный наговор.

— Чего-чего? — прищурилась Катя. — Какой ещё наговор?..

— Наговор — слова такие волшебные, колдовские:

Успех-трава —

Рука-голова —

Чудное дело

Поехало смело!

— Запомнила?

— Ерунда какая-то... Конечно, запомнила... Значит, эти ваши травинки-былинки называются успех-трава?

— По-простому — успех-трава. А по-нашему, ведьминскому: «Герб успехус магикус», вот как!.. Ну, а теперь, девонька, подсади-ка меня в «Элегию» и ступай себе. К доктору беги.

— Зачем мне к доктору? У меня ничего не болит.

— А это я тебе сейчас устрою. Фук-фук-фук!.. Ну, как, заболела головка?

— Ой, как болит!..

— Вот и беги к доктору.

Глава шестая

ЛИМОННОЕ ДЕРЕВО

Интересные, необыкновенные случаи бывают в жизни.

Если бы про успех-траву Катя узнала от мамы или от учительницы — она тут же забыла бы про три зёрнышка и вообще не обратила бы на это внимания. Мало ли что велят взрослые. «Всех слушаться — помрёшь со скуки», — частенько говорит сама себе Катя Карамелькина.

Но ведь эти зёрнышки ей дала ведьма! Не мама, не учительница, а сама нечистая сила! Это же гораздо интереснее и важнее. «Маму и учительницу я вижу каждый день, — думала Катя. — А ведьму первый раз в жизни встретила; и то, что она велела, надо непременно сделать».

На другой день Катя раньше всех пришла в школу.

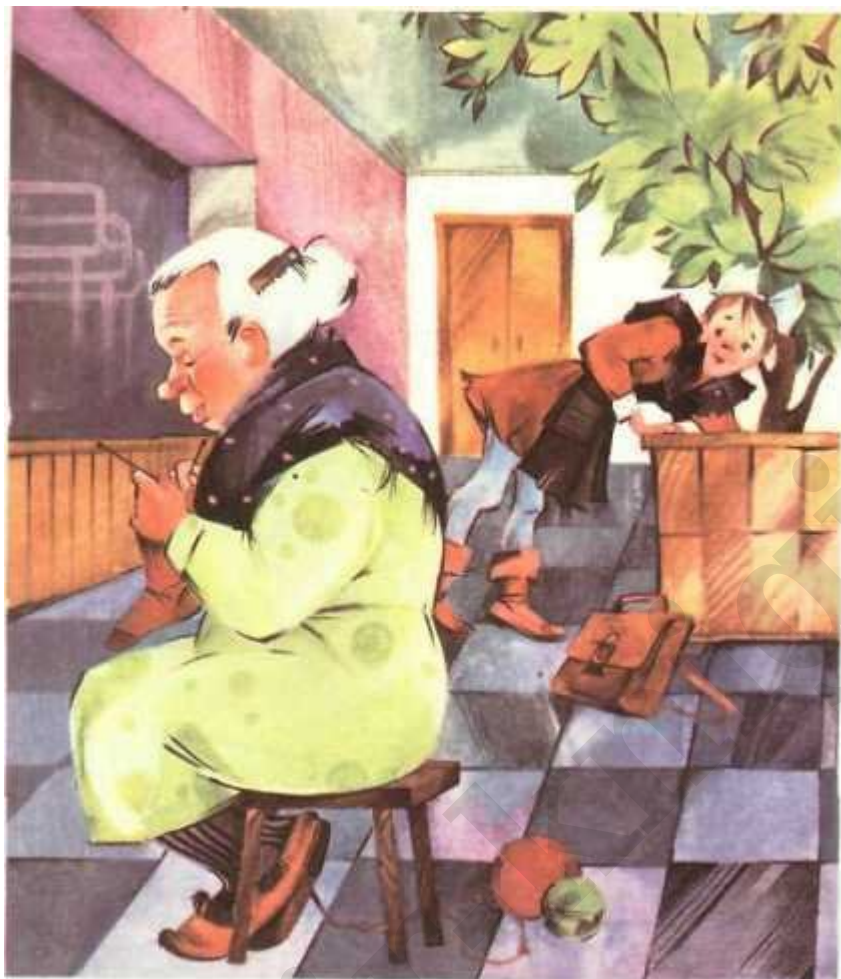
— Ишь, какая старательная! — похвалила ее тётенька Чудакова. — Торопится в школу, хочет поскорее ума-разума набраться. Ай-да девочка! Ай-да Карамелькина.

Тётенька Чудакова каждый день приходит в нашу школу. Её знают все — и ученики, и учителя. И она всех знает — и учителей, и учеников. Здесь когда-то учился её сын, а теперь у тётеньки Чудаковой растёт внук — ему бы тоже в школу надо ходить, да вот беда — болеет мальчишка какой-то странной болезнью. И хотя она не заразная, но с такой болезнью в школу не пойдёшь... Поэтому бабушка сама сидит на уроках, а потом дома пересказывает внуку, чему её научили... Так они и живут: тётенька Чудакова и внук Тёмочка.

В другое время Катя могла бы от гордости ещё выше задрать свой курносый носик — ведь тётенька Чудакова назвала её старательной ученицей. Но теперь ей не до гордости — Кате

нужно немедленно — пока в школе почти никого ещё нет — побежать на второй этаж, где в коридоре стоят горшки и кадки с цветами, кактусами и лимонным деревом.

Дерево это росло в толстой деревянной кадке. Катя оглянулась вокруг, убедилась, что никто за ней не наблюдает, вынула из кармана три волшебных зёрнышка и быстренько затолкала их в землю рядом с деревом.

И сразу же почувствовала, как от дерева поплыл прекрасный и сильный запах лимона. А листья дерева — просто чудо! — прямо на глазах посвежели и заблестели, словно кто-то их сию секунду вымыл чистой водой.

— Ах, какой очаровательный аромат! — услышала Катя за своей спиной. — Мне захотелось немедленно выпить чашечку дивного грузинского чая с лимоном!.. Почему-то раньше я никогда не замечала, что эта пыльная зелень так благоухает.

Рядом с Катей возвышалась учительница физики Эвелина Сидоровна. Она прикрыла глаза от наслаждения и ноздри её слегка раздувались.

— Чай с лимоном! Это любимый напиток Жорика Сафьяна. Ты знаешь, девочка, кто такой Жорик Сафьян?

— Не знаю, — недовольно ответила Катя.

— Не может быть! Жорика должны знать все: он чемпион нашего города по поднятию тяжестей. Великий человек!.. А это дерево надо сегодня же перенести в учительскую: всё равно наши ученики в таких тонких ароматах не разбираются. Ну скажи мне, крошка, разве ты

разбираешься в тонких ароматах?

— Разбираюсь! — твёрдо заявила Катя.

— Смешно! — Эвелина Сидоровна не улыбнулась. — Маленький глупенький ребёнок, а уже, видишь ли, разбирается в тонких ароматах. Никогда в это не поверю!

Ох, напрасно Эвелина Сидоровна произнесла такие слова! Ох, зря она назвала Карамелькину глупеньким ребёнком!

— Девочка, пойдёшь скажи дежурной уборщице, чтобы это лимонное дерево немедленно перенесли в учительскую. Не завтра, а сегодня же!.. Ах, как оно благоухает! Ах, какой очаровательный аромат!

— Хорошо, — кивнула Катя. — Я скажу... Только мне кажется, что это дерево лучше не трогать с места, потому что на нём завтра вырастут большие лимоны.

— Лимоны? Откуда ты это знаешь?

— А нам про это ещё в детском садике объясняли, — продолжала сочинять Катя, — если лимонное дерево сильно пахнет, значит, на другой день обязательно будут лимоны. Большие и сладкие.

— Ты хотела сказать — кислые?

— Я знаю, что лимоны всегда бывают кислые. А здесь будут сладкие! Мне тётя одна говорила, — Катя сочиняла с увлечением, — хочешь, чтобы лимоны были сладкие, — не переставляй кадку с места на место... Так я пойду скажу уборщице?

— Что ты! Ни в коем случае! Это же так интересно: сладкие лимоны! Сегодня же спрошу у Жорика Сафьяна: он вырос на юге и наверняка знает про это.

Говорит автор

ВТОРОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Разные волшебные травы бывают на белом свете: «разрыв-трава», «сон-трава», «одолень-трава»... — про них известно каждому грамотному человеку. Во многих книгах про эти травы написано; в кино их иногда показывают.

А вот про «успех-траву» можно прочитать только в одной-единственной книге; и эта книга сейчас лежит перед вами.

Через несколько минут вы узнаете, как эта трава действует, какой волшебной силой обладает. Но предупреждаю заранее: не пытайтесь такую траву выращивать рядом с лимонным деревом, не ищите её в тайге или в поле и, конечно, не спрашивайте про неё в аптеках.

Запомните: «успех-трава» существует на свете. Существует... но только в одной-единственной книге.

«Ах, значит, в жизни её не бывает!» — разочарованно скажет Не Слишком Опытный Читатель.

«А разве книга — это не жизнь? — ответит ему автор. — Не было бы жизни, не было бы и книги».

«Книга — это выдумка, а не жизнь!» — крикнет Не Слишком Опытный Читатель.

«А разве бывает жизнь без выдумки? — тихо и очень спокойно ответит ему автор. — Жизнь, книга, выдумка, волшебная

травя — это всё правда, это всё существует, это всё перед вами, только следите за всем внимательно. Турлим-пом-пом! Турлим-пом-пом!..»

Глава седьмая

ТРИ ТРАВИНКИ БЫЛИНКИ

На большой перемене весь класс ушёл в столовую, а Катя — бегом к лимонному дереву.

— Карамелькина, ты куда? — окликнула её учительница Серафима Матвеевна. — Манная каша остынет!

— Мне манную кашу сегодня нельзя — у меня от неё живот вчера распух! — как ни в чём не бывало соврала Катя.

Просто счастье, что возле лимонного дерева никого не было, и никто, кажется, не заметил, как из серой суховатой земли поднялись три нежных тонких ниточки — три травинки-былинки, жёлтая, синяя и зелёная. Лёгкие, воздушные, сияющие, они скручивались пружинками и вздрагивали от Катиного дыхания, когда она из любопытства решила их понюхать.

Катя осторожно сорвала успех-траву, достала из ранца пенал и уложила травинки рядом с цветными карандашами.

«Ой, как интересно! — думала Карамелькина. — Поскорее бы попробовать их на вкус... Может быть, сейчас?.. Нет, подожду, не надо торопиться».

Она спустилась в столовую и всё-таки съела вкусную манную кашу да выпила стакан чуть сладенькой водички под названием «яблочный сок».

Потом она спокойно досидела в классе ещё два урока и почти без ошибки прочитала заданные на дом стихи про берёзку.

Серафима Матвеевна сказала:

— Смотрите-ка, ребята: Карамелькина вчера к доктору ходила и сегодня она ещё не вполне здорова, а стихи прочитала неплохо. Ставлю ей четвёрку!

Ключ от Актового зала до сих пор лежал в Катином кармане.

«А что если сбегать к Кикочке? — подумала Катя. — Рассказать, что успех-травя выросла и лежит в пенале... А зачем рассказывать? Ну, расскажу, а что дальше? Ведьма возьмёт да отнимет травинки. Знаем мы этих старушонок!»

Карамелькина подошла к учительской раздевалке и незаметно швырнула ключ на пол; пусть теперь кто хочет несёт его в учебную часть!

ШТАНГА

Из школы Катя возвращалась всегда одной и той же дорогой: через школьный стадион, мимо хоккейной коробки, через сквер, через большой двор и — пожалуйста! — родной подъезд.

А на этот раз случилась неожиданная неприятность: в сквере пятиклассник Васька Пробкин прогуливал своего огромного дога — пятнистого Арлекина.

Большемордый Арлекин неуклюже прыгал по снегу, высоко поднимая тонкие лапы. Ему было холодно: шерсть-то у него коротенькая, совсем негреющая.

Завидев страшного пса, Карамелькина съёжилась: вдруг он бросится на неё и съест? Мало ли что придёт ему в собачью голову?..

Катя осторожно попятилась и — бегом на соседнюю улицу. А на той улице был Дворец Культуры, и пройти мимо Дворца было даже приятно: в больших светлых окнах всегда были выставлены большие портреты знаменитых киноартистов. Катя смотрела на эти портреты и умирала от любопытства: почему у артистов такие красивые наряды? Почему у них такие белые, ровные зубы? Почему они всегда улыбаются?.. И она не могла решить самый важный вопрос: кто же из артистов самый красивый?.. Катя крутила своими любопытными глазками; и, по правде говоря, ей тоже хотелось стать знаменитой, чтобы и её фотография здесь была выставлена.

Однако, на этот раз, вместо артистов в окнах красовались чьи-то незнакомые портреты: здоровенные дядьки в ярких майках, перетянутые белыми поясами. Катя сразу же сообразила, что это спортсмены-силачи. Она и по телевидению как-то видела таких же и понимала, что это люди тоже знаменитые: вон какие у них широкие плечи, крутые шеи и стальные мускулы!

А над входом во Дворец Культуры висел плакат. Катя не торопясь, прочитала: «Соревнования штангистов. Открытый чемпионат города».

Возле стеклянной двери висела небольшая табличка: «Вход свободный».

«Ну, раз вход свободный, — подумала Катя, — зайду, посмотрю поближе на этих силачей, мама на работе, дома меня никто не ждёт».

В гардеробе Катя аккуратно сняла пальто, шапку-ушанку, осталась в школьной форме с белым бантом на голове (он, к сожалению, слегка смялся под шапкой). Она оставила в гардеробе мешочек со сменной обувью, хотела оставить и ранец, но вовремя вспомнила про пенал с успех-травой.

— Можно, я возьму ранец с собой? — спросила Катя у гардеробщицы.

— Можно, детка, можно, — гардеробщица ласково посмотрела и тоже спросила: — У тебя, должно быть, старший братишка выступает на соревнованиях?

— Нет у меня никакого братишки... А разве школьникам нельзя просто так посмотреть? Написано: «Вход свободный»...

— Посмотри, детка, посмотри. Только тебя это нисколько не касается. Ты — девочка, еще

маленькая. А там мужики такие тяжести ужасные поднимают — во сне увидишь, испугаешься.

— Не испугаюсь... — небрежно сказала Катя. И по широкой лестнице поднялась в зрительный зал.

Можно подумать, что весь город собрался сегодня здесь, в зале, чтобы посмотреть соревнования сильнейших силачей-штангистов. Все места были заняты, сесть было некуда, и Катя остановилась в боковом проходе, прижавшись к стенке. Отсюда всё было хорошо видно: и сцена, и зал. Катя могла одновременно наблюдать, что происходило на сцене и что делали зрители в зале.

На сцене был сооружён невысокий деревянный помост, и на нём лежала тяжеленная стальная штанга. В глубине сцены загорались цифры, показывавшие, сколько сейчас весит штанга. И если спортсмен поднимал её удачно, вспыхивала яркая надпись: «Вес взят!»

Перед сценой, за длинным столом сидели строгие судьи. Они внимательно следили за тем, чтобы каждый спортсмен поднимал штангу по правилам. Часто судьи советовались о чём-то друг с другом, кивали головами и важно, строго смотрели на участников соревнований.

Штанга лежала себе на помосте, как барыня. Она гордилась собой — ведь без неё не было бы этих соревнований и никто не пришёл бы сегодня днём во Дворец Культуры. На неё были направлены лучи прожекторов. Силачи подходили к ней осторожно, вежливо кланялись ей и, нагнувшись, нежно обхватывали её могучими пальцами. Некоторые поднимали её молча, а некоторые вначале что-то долго шептали ей, а потом с коротким криком вскидывали вверх и держали над головой, на вытянутых руках, пока не загорались буквы: «Вес взят!»

Штанга с грохотом плюхалась на помост. А зрители оглушительно хлопали в ладоши, и кто-то басом кричал по слогам: «Мо-ло-дец!», а кто-то тут же бежал на сцену с цветами.

Силач улыбался, махал зрителям огромной рукой и уходил за кулисы враскачку, как моряк — будто шёл не по твёрдой сцене, а по мокрой качающейся палубе. Силача окружали люди с записными книжками, с фотоаппаратами и кинокамерами. И всем было весело, празднично, как в кино.

Глава девятая

АВТОГРАФ

Главный судья объявил в микрофон:

— На помост вызывается чемпион нашего города, мастер спорта Жорик Сафьян!

Ах, какой красавец выбежал из-за кулис! Курчавая голова на широких плечах, могучая грудь, крепкие ноги. Чёрные глаза смотрели уверенно и победительно. Ещё бы! Жорик знал, что он здесь самый сильный, — ещё никто в городе не смог победить его!

Жорик был в ярко-красном трико, и широкий белый пояс сверкал под лучами прожекторов.

В зале оглушительно захлопали, когда Жорик шёл к помосту. В зале хором кричали «Мо-ло-дец!», хотя Жорик ещё и не взглянул на барыню-штангу. Но вот он нагнулся над нею, что-то ей прошептал, присел, широко раздвинул колени и легко кинул штангу себе на грудь.

— Ах, пожалуйста, не уроните её, дорогой Жорик! — раздался в зале тревожный женский крик, и Катя сразу же узнала Эвелину Сидоровну — учительницу физики в старших классах.

От волнения Эвелина Сидоровна вся вытянулась и наклонилась вперёд, словно хотела помочь Жорику...

А он, напрягая все силы, распрямился, поднял штангу над своей курчавой головой и держал её так до тех пор, пока главный судья не зажёл надпись «Вес взят!»

— Новый рекорд! — крикнула раньше всех Эвелина Сидоровна. — Он установил новый рекорд!

И все закричали: «Рекорд!.. Рекорд!..»

Кате тоже захотелось крикнуть «Рекорд!», но в этот момент она услышала совсем рядышком тоненький скрипучий голосок:

— Ну, это ещё не рекорд. Рекорд впереди... О-хо-хо-хо-хо-хохонюшки!..

Катя оглянулась, посмотрела вверх, вниз, но никого не увидела.

Мимо неё, по боковому проходу, бежали на сцену десятки людей. Они толкали друг друга и кричали: «Жорик, автограф! Просим автограф!..»

Катя не знала, что такое автограф, и ничего не могла понять, потому что росточком была ещё невелика, а взрослые дяди и тётки совсем притиснули её к стене, и ей ничего не было видно...

А там, на сцене, замечательный силач Жорик держал в огромной руке перо и быстро писал свою фамилию на разных бумажках, которые протягивали ему восторженные люди.
«Сафьян...»,

«Сафьян...», «Сафьян...» — писал Жорик на память людям, чтобы они запомнили эту минуту и его самого — сильного и красивого.

— Девочка! А ты что тут делаешь? — перед Катей возвышалась счастливая Эвелина Сидоровна. — Ты ведь, кажется, наша школьница? Твоя фамилия, кажется, Конфеткина? Ты видела, как он поднял штангу? Нет никого сильнее его!.. Посмотри, Конфеткина, какой автограф оставил мне на память наш чемпион! — и она гордо протянула Кате блокнот, где через всю страницу громадными буквами было нацарапано: «Сафьян» — не правда ли, какая прелесть? Ах, как я обожаю сильных людей!

— Я не Конфеткина, а Карамелькина, — серьёзно сказала Катя. — Я тоже могу оставить вам автограф. И напишу аккуратнее, чем Жорик. Хотите?

— Может быть, ты и штангу сможешь поднять? — засмеялась Эвелина Сидоровна. — Глупенькая девочка, ничего ты не понимаешь!

Ох, напрасно Эвелина Сидоровна опять назвала Катю глупенькой. Не любила Катя, когда её так называли. Она рассердилась и, расталкивая взрослых, побежала к сцене.

Её худенькие ножки быстро топали: топ-топ-топ! Ранец шлёпал по спине: хлоп-хлоп-хлоп! А в ранце постукивал пенал: тум-тум-тум!

И опять неизвестно откуда услышала Карамелькина скрипучий голосок:

— А ну, Катя, покажи-ка им нечистую силушку! Покажи-ка им рекордик!

Глава десятая

ЖЁЛТАЯ ТРАВИНКА

— Девочка, ты куда? — закричал главный судья, увидев, что Катя мчится к помосту, где лежала барыня-штанга.

Но замечательный силач Жорик Сафьян подхватил Катю под мышки, подбросил в воздух и засмеялся:

— Какая лёгонькая! Хочешь автограф?

Но Карамелькина прищурилась и вдруг неизвестно почему подмигнула Жорику — словно он сидел рядом с нею в одном классе.

— А можно мне потрогать вашу штангу? — спросила она.

— Почему нельзя, дорогая? Трогай сколько желаешь!

Тут Катя быстренько раскрыла ранец, вынула оттуда пенал, достала жёлтый стебелёк успех-травы, моментально разжевала и проглотила его. Силач Жорик Сафьян смотрел на неё с удивлением, он не понимал, зачем эта незнакомая девочка жуёт какую-то травку.

— Ребёнок проголодался, — сказал он. — Надо отвести ребёнка в буфет.

— Отведите кто-нибудь ребёнка в буфет! — крикнули судьи.

— Не хочу в буфет, — ответила Катя. — Хочу потрогать штангу!

Она спокойно взошла на помост, взялась обеими руками за штангу, присела, как это делал Жорик, и прошептала:

Успех-травя —
Рука-голова —
Чудное дело
Поехало смело!

И вдруг легко кинула тяжеленную штангу себе на грудь. Потом медленно, как это делал Жорик, распрямилась, поставила ноги вместе и без всяких усилий подняла штангу над головой.

Все замерли.

Все онемели.

Никто ничего не мог понять. Тишина стояла во Дворце Культуры такая, что слышно было, как поскрипывает помост под Катиними ногами.

— Ну! — крикнула судьям Катя Карамелькина. — Вес взят или ещё не взят?

— Ах, простите, я позабыл... — главный судья покраснел и немедленно зажёл яркую надпись

«Вес взят!»

— То-то!.. — сказала Катя и бросила штангу на помост. Штанга гроыхнула так, словно с неба свалилась. А Катя прыгнула с помоста, подхватила свой ранец и зашагала по сцене враскачку, как моряк по мокрой палубе корабля.

Что тут началось! Щёлкали фотоаппараты, жужжали кинокамеры. Зрители бросились на сцену, оттолкнув несчастного Жорика Сафьяна, который смотрел, смотрел и вдруг заплакал...

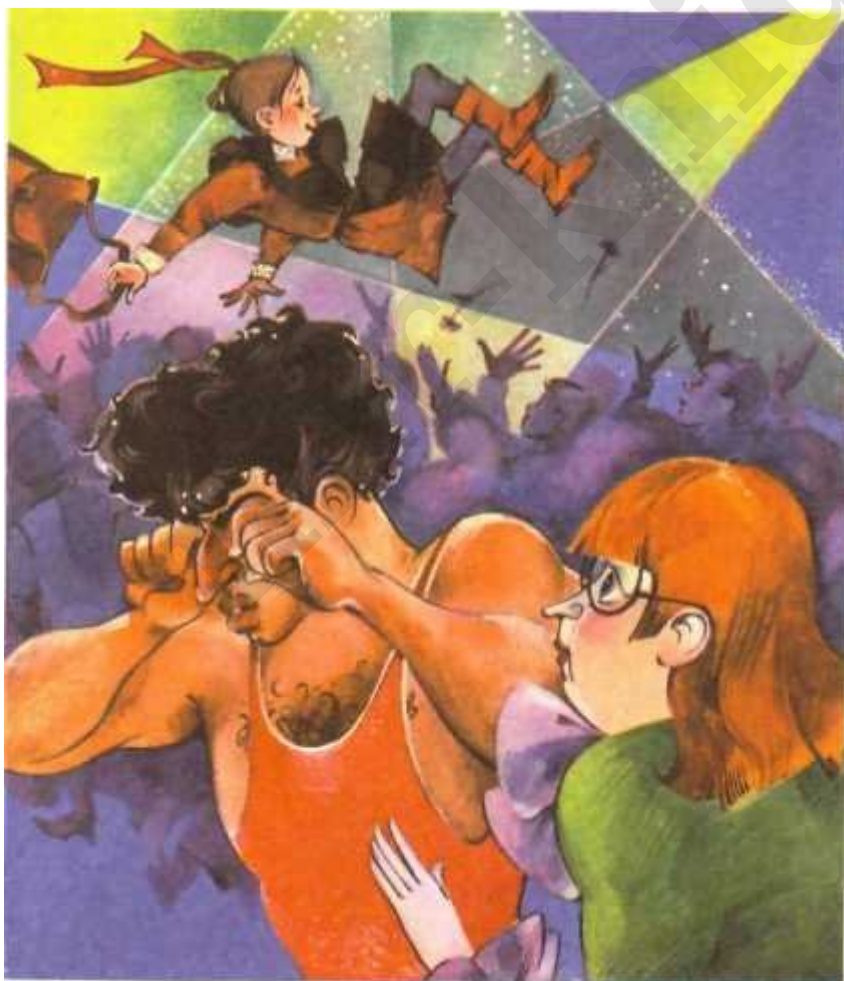
— Ну, кому автограф? — деловито спросила Катя. — Только поскорее, а то мне от мамы попадёт, если домой опоздаю.

Свою фамилию она сначала писала медленно, аккуратно выводя букровку за букровкой: «К-а-р-а-м-е-л-ь-к-и-н-а»... Но тут же сообразила, что всё это можно делать гораздо быстрее — достаточно написать только одну букву «К»: зрители и так будут довольны, и так запомнят её.

Вокруг Кати шумела толпа.

Но сквозь этот шум Катя отчётливо слышала, как смеялась, как заливалась смехом тётка Кикимора. Уж она-то была особенно довольна!

А на краю сцены учительница физики Эвелина Сидоровна душистым платком утирала крупные слёзы, которые градом катились из чёрных глаз Жорика Сафьяна.

Говорит автор

ТРЕТЬЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Разрешите вас спросить: почему из глаз Жорика Сафьяна катились слёзы? Почему этот сильный человек плакал?.. Все вокруг удивлялись, радовались, хлопали в ладоши, старались получить Катин автограф... И только Жорик — сильный, могучий чемпион города так сильно плакал, что даже сам не мог утереть себе слёзы? В чём тут дело? В чём секрет?

А секрета вовсе нет. Всё дело в том, что чемпионом стать не легко и не просто. Чтобы поднять эту тяжеленную барыню-штангу, Жорик должен был каждый день — долго-долго! — упражняться или, как говорят спортсмены, тренироваться. А это ох как нелегко!

Зимой и летом, в любую погоду надо бежать в спортивный клуб. Надо много лет подряд учиться, как поднимать тяжести, надо развивать мускулы, постепенно увеличивать свою силу.

А дома?.. Человеку, если он хочет стать чемпионом, дома тоже нелегко живётся. Нельзя слишком много есть, нельзя много пить воды. На пирожное с кремом и сливочное мороженое можно только смотреть издали. Вовремя надо ложиться спать. Каждое утро надо делать зарядку, потом обливаться ледяной водой...

А Катя Карамелькина зарядку терпеть не может, умываться не любит, пирожные обожает, ложится спать, когда захочет. Никаким спортом не занимается. Штангу увидела впервые в жизни.

Вы только подумайте: трудолюбивый, упорный человек с огромными усилиями установил рекорд, как вдруг прибегает какая-то девчонка с бантом на голове и без всякой подготовки поднимает штангу, которая во много раз тяжелее её самой. Да, это, может быть, сила... но нечистая сила!

Так быть не должно. Так никогда не может быть!

Но ведь это всё Кикимора придумала. Ей, видите ли, захотелось повеселиться, поразмяться, поохотать.

А мы с вами дошли только до середины сказки. Посмотрим, как там дальше дела пойдут?..

Пусть Жорик успокоится: он всё равно «Мо-ло-дец!»

Глава одиннадцатая

НИЧЕГО НЕ ВЫШЛО!

Когда Катя Карамелькина пришла домой... Нет-нет, она не пришла — домой её принесли! От самого Дворца Культуры Катю несли на руках. И, знаете, ей это понравилось. Ей даже захотелось, чтобы и в школу можно было бы ездить каждый день на чьих-нибудь руках. И чтобы люди каждый день кричали на всю улицу: «Да здравствует Катя! Ура!»

Кате было весело. Она хотела, чтобы вся школа видела, как она едет на руках. Но, к сожалению, никто из ребят не встретился по дороге...

Только одного мальчишку заметила Катя по пути домой. Он неподвижно стоял возле своих саночек и смотрел издали на Катю. Вдруг мальчишка замахал руками, схватился за голову,

словно его ударили, и побежал прочь, оставив на снегу саночки.

Катя весело крикнула ему: «Эй!», но мальчишка не расслышал — он опрометью удирал.

Возле родного подъезда Катю уже поджидала мама. Она держала в руках экстренный выпуск «Вечерней газеты», где было напечатано сообщение о том, что школьница Екатерина Карамелькина — самая сильная девочка в мире!

Весь этот вечер мама гордилась, ласкала и целовала свою дочку и даже не заметила, что Катя назвала ее «мамка». «Пусть называет, как хочет, — думала мама, — ведь она теперь такая знаменитая».

А на другой день, когда Катя пришла в школу, то увидела на школьном крыльце большой духовой оркестр. Он играл торжественный марш специально для Кати.

Вся школа собралась в Актовом зале. Катя с белым бантом на голове гордо поднялась на сцену, на ту самую сцену, где в углу стояло никому не нужное пианино «Элегия»...

На сцене Катю поджидала учительница французского языка Мария Сулеймановна, маленькая, очень полная, она сильно волновалась и от волнения слишком громко хлопала в ладоши.

— Дети! — воскликнула Мария Сулеймановна. — Наш директор Иван Иванович сейчас находится в Москве, и завтра он появится перед нами на экранах телевизоров. Я предлагаю сегодня же послать ему срочную телеграмму о том, какой невиданный успех пришёл к нашей ученице Карамелькиной. Пусть Иван Иванович расскажет об этом, когда будет выступать. Пусть все узнают, какие сильные девочки учатся в нашей школе. Вы согласны с моим предложением?

Вся школа крикнула: «Согласны!..»

Только учительница музыки Бемоль промолчала. Она о чём-то задумалась, искоса поглядывала на «Элегию» и, кажется, ничего не слышала вокруг.

А Мария Сулеймановна сказала по-французски:

— Регарде! Смотрите, дети!.. У нас здесь, к сожалению, нет штанги. Но я думаю, что Катя сможет и без штанги показать свою могучую силу, если, например, поднимет меня. Я ведь не очень лёгкая...

В зале засмеялись, кто-то даже захолопал. Всем было интересно.

— Ну что, Катя, сможешь ли приподнять меня хоть не много?

— Смогу! — уверенно сказала Катя. — Подумаешь, ничего особенного!

— Силь ву пле, Катрин! Пожалуйста, Катюша!

Катя спокойно подошла к Марии Сулеймановне, обняла её, прошептала:

Успех-трава —
Рука-голова —
Чудное дело
Поехало смело!

И...

Мария Сулеймановна стояла неподвижно и растерянно улыбалась.

Катя изо всех силёнок старалась приподнять её, и ничего не получалось. А ведь вчера всё было так легко.

Катя ещё раз повторила волшебный наговор. Она уже не шептала, а почти кричала, обернувшись к «Элегии»:

Успех-трава —
Рука-голова!..

Учительница французского языка не шелохнулась. Катя прыгала вокруг неё, подталкивала... Ни с места!

— Я больше не буду! — заплакала Катя.

— Хи-хи!.. — послышалось из разбитого пианино. — Хи-хи-хи! И хотя, кроме Кати, этого хихиканья никто не услышал — в зале тоже начали смеяться. А когда Катя, подбежав к «Элегии», стукнула по крышке кулачком и крикнула: «Ну, что же ты!» — весь зал захохотал. Сначала засмеялся десятый класс, потом девятый... восьмые... а за ними — седьмые, шестые, пятые, четвертые, третьи... хохотал Катин второй «в»... И только первые классы не смеялись: они не понимали, зачем эта девочка с бантом бегаёт и прыгает вокруг учительницы.

Катя не просто плакала, она рыдала от обиды и унижения. Тогда Берта Мольбертовна —

Бемоль — взяла девочку за руку и прошептала ей на ухо:

— Не плачь... Я все поняла...

Глава двенадцатая

«ДРОЖАЛКА»

В тот же день во всех городских газетах было напечатано, что произошла ошибка, что девочка подняла штангу чисто случайно, что больше она никогда так делать не будет и что настоящий рекорд установил мастер спорта Жорик Сафьян.

Катя, конечно, огорчилась. Но расстраивалась недолго. Ведь в пенале хранились ещё две травинки: синяя и зелёная. Теперь Катя решила быть осторожнее, чтобы следующий успех был ей по силам. И захотелось ей самой посмеяться над теми, кто весело хохотал над нею в школе. А что?.. Вот захочет Катя и станет директором, и сразу же исключит из школы всех ребят! Захочет — и школьные каникулы будут длиною в целый год! Захочет — и у всех одни пятёрки! Захочет — одни двойки!.. Вот смеху-то будет!.. И никакой силы не требуется. Все испугаются, станут просить: «Ах, не исключайте меня, пожалуйста, а то мне дома попадёт!..»

...Вечером Катя сделала уроки и вышла погулять перед ужином.

В соседнем сквере она опять увидела того маленького одинокого мальчишку, который вчера убежал неизвестно почему. Он неподвижно стоял возле саночек, смотрел на Катю широко раскрытыми глазами и, кажется, снова хотел пуститься наутёк.

— Эй! — крикнула Катя. — Ты что, боишься меня? Мальчишка не отвечал. Он повернулся боком и приготовился удирать, как будто бы к нему приближалась не девочка, а зелёный трёхголовый дракон.

— Не убегай, — улыбнулась Катя как можно ласковее. — Я тебя не укушу.

— Не укусишь?.. — тихо спросил мальчик. — А вдруг ты меня побьёшь?.. Я боюсь. Не подходи близко!

— Зачем же мне тебя бить? Ты дурак?

— Н-не з-знаю... Я не дурак, а всё равно боюсь.

— Просто так боишься?

— Просто так...

— Ты, наверное, трус?

— Ага...

— Давно?

— Что — давно?

— Давно трусишь?

- Ага. Всю жизнь...
- А чего ж ты боишься?
- В-всего: с-собак, кошек, мальчишек, крокодилов...
- Первый раз вижу такого удивительного труса! А как же ты в школу ходишь?
- Н-никак не хожу. В школе с-страшно!
- Страшно? В школе?.. — Катя засмеялась. — Ну вот, ни капельки! Я каждый день хожу в школу, и никто меня там не укусил, не съел. Честное слово!.. И крокодилов там нет... Может быть, ты больной?
- Ага... Бабушка говорит, что это у меня болезнь такая опасная, под названием «дрожалка». Вроде скарлатины, только ещё хуже... Ой, не подходи ко мне, а то убегу!..
- Что же ты здесь один делаешь?
- З-закаляюсь от страха. Бабушка пошла в магазин, а я тут её жду и закаляюсь...
- Ты весь трясёшься — замёрз, наверное?
- Нет, я же не трясусь, а дрожу — это разница! И не от холода, а от страха. Видишь, скоро темнеть начнёт — и вдруг вылезет в сквер кто-нибудь такой мохнатый, длинный, зубастый... Ой, боюсь!
- Да, тебе лечиться надо. Дрожалка — болезнь тяжёлая.
- Ага... Д-доктор сказал, что от неё вылечиться трудно. Он сказал, что только чудо может помочь. Я ведь даже телевизор смотреть боюсь: там бегемотов показывают и р-разбойников с длинными ножами.

— Тебя как зовут?

— Тема...

— А меня Катя. Знаешь что... — Карамелькина задумалась немного. — Давай, Тема, дружить!

— Д-дру-жить?! Со мной ещё никто не дружил, кроме бабушки. Д-давай... Только близко не подходи...

Но Катя всё-таки сделала осторожно два шага вперёд и постаралась получше рассмотреть Тему. На нём была огромная меховая шапка, от этого мальчик казался совсем крохотным, хотя ростом был даже повыше Кати. Большие круглые глаза всё время моргали, а нижняя губа вздрагивала. Катя спросила:

— Ты кем хочешь быть, когда вырастешь?

— Б-боксером. Ведь боксёры никого не боятся. А бабушка говорит, что из меня ничего не получится, потому что в школу не хожу... А ты кем хочешь стать?

— Я?.. — Катя прищурилась и старалась говорить как можно равнодушнее. — Я директором школы буду. Завтра.

Нижняя губа у Темы перестала вздрагивать:

— Ты завтра будешь директором школы? Врёшь. Девочек-директоров не бывает. Директор должен быть взрослый: он всё должен замечать, кто балуется, кто опоздал...

— Откуда знаешь? Ты же в школу не ходишь.

— А мне всё бабушка рассказывает. Она каждый день в школе бывает — ей всё известно.

— Тётя Чудакова, что ли?

— Ага. Она.

— Хорошая тётя, хвалила меня. Вот завтра стану директором и прикажу, чтобы ей сварили целое ведро вкусного компота.

— Катя, не ври. Разве ты можешь завтра стать директором?

— Могу. Во-первых, наш директор Иван Иванович уехал в Москву. А во-вторых, у меня есть успех-трава.

— Не люблю, когда девчонки врут. Мне от этого страшно становится. Мальчишка может соврать, это ничего, а девочке нельзя!

— Почему девочке нельзя?

— Нельзя и всё!

— Ладно. Попроси свою бабушку Чудакову — пусть завтра вечером отпустит тебя в сквер. И я всё расскажу, как было.

— Честное слово — расскажешь по правде?

— Честное слово — расскажу!

Глава тринадцатая

БЕМОЛЬ И ВЕДЬМА

В то самое время, когда Катя разговаривала с Темой, — учительница музыки Бемоль разговаривала с Кикиморой.

— Как же вам не стыдно, мадам Кикимора? — сердилась Берта Мольбертовна. — Вас пожалели — подобрали на улице, определили в хорошую школу, дали квартиру, а вы балуетесь, шутки шутите.

— А нельзя, что ли? Посмеяться каждому хочется, даже ведьме.

— Но зачем же девочку обижать? Вся школа над ней хохотала.

— А ты её не жалеешь: двоечница она, нечистая сила.

— Ручаюсь, что она исправит свою двойку!

— Когда исправит — тогда и волшебству конец. Все травинки-былинки Катя слопают к тому времени.

— Сколько их, этих ваших травинок?

— Три. Жёлтая и синяя — коротенькие, они для смеху — только на один раз. А зелёная — для серьёзного дела, она — навсегда.

— Ох, не пойму я вас.

— А ведьму никто не понимает.

— Всё равно, если в нашей школе будут происходить чудеса — я всё расскажу директору Ивану Ивановичу, и он выгонит вас!

— Директор сейчас далеко. А завтра здесь будет другой директор — Екатерина Парамоновна, она устроит небольшой шурум-бурум. Хи-хи!

— Что устроит?

— Шурум-бурумчик маленький. Для смеху. Хи-хи-хи! И вдруг Кикимора запела:

Успех-трава —
Рука-голова!..

— Глупая песня! — рассердилась Бемоль. — И голос у вас противный, и никакого слуха!

Она захлопнула дверь Актового зала и два раза повернула ключ в замке.

Но для ведьмы замков не существует.

Говорит автор

ЧЕТВЁРТОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Когда-то — это было давным-давно — я учился в школе. Теперь, если мне иногда бывает грустно, если у меня портится настроение, я сразу же начинаю вспоминать свои школьные годы. Вспоминаю одноклассников — мальчишек и девчонок. Вспоминаю учителей, которые никогда не обращались к ученикам на «ты», а только на «вы». Стоит перед учителем какой-нибудь первоклашка, ковыряет в носу, а седой учитель говорит: «Послушайте, уважаемый Бобров, палец в нос засовывать опасно: вы можете что-нибудь сломать — или палец, или нос».

В то время, когда я был школьником, в стране было много неграмотных взрослых людей. И вот мы — ученики четвёртого класса — учили пожилых дяденек и тётенек читать да писать. И они очень уважали своих маленьких учителей. Один рабочий сказал мне: «Простите, я не выучил урок — вчера много работы было». А я ему в ответ: «Ай-яй-яй! Придётся вызвать вашего сына и рассказать о вашем поведении». Глупенький я был тогда, многого не понимал.

Да, школа — это единственное место в мире, где взрослые и дети занимаются одним общим делом. И это общее дело очень всем нужное, очень интересное, очень серьёзное и, бывает, очень весёлое.

А что если в мире вдруг исчезнут все школы? Что будет, если люди сами перестанут учиться и перестанут учить других? Тогда всё погибнет. Жизнь на земле остановится. Никто не сумеет построить дом, никто не сумеет сшить себе штаны, никто не узнает, что было раньше и что будет потом. Не будет докторов, не будет художников, не будет

пастухов, не будет пекарей...

Поэтому — да здоровствует школа!

Да здоровствуют школьники!

Ура учителям!

Глава четырнадцатая

СИНЯЯ ТРАВИНКА

Утром Катя записала в своём «Дневнике наблюдений за природой»: «Ветер — нет. Облака — нет. Мороз — 13 градусов». Как видно, день обещал быть хорошим — солнечным и тихим.

А неприятности начались уже на первом уроке. Во время чистописания Катя неправильно соединила буквы «о» и «м». Потом неверно написала слово с безударной гласной: вместо «писатель» у нее получилось «пусатель». А когда учительница Серафима Матвеевна велела Кате исправить ошибку, то Катя написала «кусатель».

Серафима Матвеевна прочитала это вслух, и все ребята засмеялись.

Тогда Катя бойко встала с места, покрутила своими глазками направо-налево и сказала:

— Не смейте смеяться! Не люблю, когда надо мной смеются!

— Мы не над тобой смеёмся, — ответила Серафима Матвеевна, — а над смешным словом, которое у тебя получилось. Успокойся, пожалуйста.

Но Катя не успокоилась:

— Как хочу, так и пишу. Есть писатели, а есть кусатели. Вы не знаете, а я знаю!

— Карамелькина! — сказала, нахмурившись, Серафима Матвеевна. — Кто здесь кого учит? Ты меня или я тебя? Садись, пожалуйста!

И тут Катя услышала, как под партой кто-то тихо вздохнул:

— О-хо-хо-хо-хо-хохонюшки!.. Чего же ты, Катька, сидишь, как морковка в огороде? А где твоя синяя травинка-былинка? Кто сегодня директор, а?

Катя села, раскрыла пенал, быстро-быстро, словно кролик, схрумкала синюю травинку и прошептала:

Успех-трава —

Рука-голова

Чудное дело

Поехало смело!

И произошло чудо!

Не успела Карамелькина договорить последнее слово, как Серафима Матвеевна торжественно объявила:

— Дети, встаньте! У нас в классе находится директор школы!.. Екатерина Парамоновна, разрешите продолжать урок?

— Ага! — небрежно кивнула Катя. — Продолжайте! Разрешаю!

Она поправила бант и, заложив руки за спину, гордо вышла из класса.

В школе было тихо: во всех классах шли занятия.

«Ой, что теперь будет? — вдруг испугалась Катя. — Ой, меня могут выгнать из школы... От мамы попадёт... Ой, а вдруг я вправду стала директором?.. И зачем я только съела эту дурацкую траву!..»

Она остановилась перед высокой дверью с надписью: «Директор школы» — Катя еще ни разу в жизни не входила в эту дверь.

А тут дверь сама собой распахнулась, и Катя очутилась в светлом кабинете, где стоял большой письменный стол с телефоном и кресло.

«Ой!..» — подумала Катя, неизвестно почему подпрыгнула и плюхнулась в директорское кресло.

Глава пятнадцатая

В УЧИТЕЛЬСКОЙ

Прозвенел звонок на большую перемену, и в учительской собрались преподаватели.

— Слышали новость? — спросила Мария Сулеймановна. — У нас, оказывается, новый директор! Чудеса да и только!

— Да, — сказала Серафима Матвеевна. — Это ученица из моего класса Катя Карамелькина... То есть, я хотела сказать, Екатерина Парамоновна.

— Не может быть! — воскликнула Эвелина Сидоровна. — Разве может маленькая девочка управлять школой? Никогда не поверю.

— Ничего удивительного! — возразила Мария Сулеймановна. — Я слышала, что есть такие дети, которые в два месяца уже ходят, в пять месяцев читают газеты, а в три года заканчивают десятилетку. Надо немедленно дать телеграмму в Москву: пусть Иван Иванович расскажет по телевидению, какого удивительного ребенка воспитала наша школа!

И тут в учительскую вошла Катя.

Учительница физики Эвелина Сидоровна растерялась и торжественно произнесла:

— Добро пожаловать, Екатерина Парамоновна! Я так рада...

— Правда? — кругленькие Катины глазки забегали во все стороны. — А помните, как мы с вами стояли около лимонного дерева и вы сказали, что я маленькая глупенькая девочка?

— Простите, Екатерина Парамоновна, я тогда ошиблась... Зато теперь я всё, всё поняла!

— Что же вы поняли? — Катя с интересом наклонила головку.

— Я поняла, что с детьми надо разговаривать с большим уважением — ведь каждый ребёнок неожиданно может стать директором. И это так прекрасно!

— Ничего прекрасного... — Катя поморщилась и, кажется, вот-вот готова была заплакать. — Директором быть совсем не интересно. И от мамы попадёт... Я не хочу быть директором, Я хочу...

Она не успела сказать, чего хочет, потому что в учительской появился милиционер Степан Степанович Степанов.

— Здравия желаю! — поздоровался он.

— Добрый день, товарищ Степанов, — ответили учителя.

— Здравствуйте, дядя Стёпа, — проговорила Катя немножко испуганно.

— Тут такое дело, товарищи учителя. Ваш ученик из пятого класса Василий Пробкин имеет собаку — большого пёстрого дога. И с этой собакой часто перебегает улицу в непопозволенном месте: нарушает правила уличного движения. Мне нужно поговорить с директором школы...

— Вот наш директор, — Мария Сулеймановна обернулась к Кате. — Силь ву пле! Пожалуйста!

— Ди-рек-тор?! — милиционер вытаращил глаза. — А где же Иван Иванович?

— Иван Иванович в Москве, а это другой директор.

— Ну, что ж, — сказал дядя Степа. — Милиция ничему не удивляется, для милиции чудес не бывает... Так вот, товарищ директор, вы отвечаете за вашего ученика Василия Пробкина.

— Нет! — сказала Катя. — Я никогда за других не отвечаю. У нас в классе за других отвечать нельзя. Хочешь ответить — подними руку и жди, когда вызовут... А Ваську Пробкина я знаю: он мне подножку позавчера подставил.

— Вот и поговорите с ним: напомните ему правила уличного движения.

— С ним поговоришь, как же! Он ка-ак щёлкнет по затылку — все правила позабудешь... Не хочу я быть директором, вот и всё!

— Кто же вас назначил? — спросил дядя Стёпа.

— Я знаю, кто её назначил! — воскликнула учительница музыки Бемоль и бегом помчалась в Актовый зал.

Глава шестнадцатая

КОРОТКИЙ РАЗГОВОР

— Долго это будет продолжаться? — Бемоль с такой силой ударила кулаком по крышке «Элегии», что даже разорванные струны и те задрезжали.

— Кто там? — послышалось из пианино. — Кто мешает мне веселиться и хохотать? Кто беспокоит?

— Это вы, мадам Кикимора, всю школу беспокоите! Как вам не стыдно? Старенькая, а в голове только шурум-бурум.

— Получился шурум-бурумчик?

— Никакого шурум-бурумчика! Только опять довели девочку до слёз.

— Трусиха она. Мне бы с Васькой Пробкиным дело делать: парнишка отчаянный — улицу в любом месте перескакивает.

— Оставьте учеников в покое!

— Что ж, и повеселиться бедной ведьмочке нельзя? Это же ужас как потешно: девчонка-чемпион, девчонка-директор! А все вокруг ахают да охают, думают, что взаправду. А это просто нечистая сила шутки шутит. Хи-хи!..

— А какие ещё шутки будут?

— Больше никаких шуток не ждите. Две травинки-былинки для смеху были, а третья — для дела серьёзного. Две травинки на один раз, а третья навсегда. Я в это дело не вмешиваюсь. Пускай она теперь сама чудо сотворит.

— Когда же это будет?

— Скоро. И уже безо всякого смеху.

Говорит автор

ПОСЛЕДНЕЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Посмотрите, как мало страниц осталось до конца книги. Значит, моя сказка скоро завершится.

Вы помните: в Катином пенале есть ещё одна травинка. Зелёная. Ну, а если зелёная, то наверняка самая лучшая. Люди давно уже заметили, что зелёный цвет самый приятный — ласковый и спокойный.

Вот я пишу сейчас, а за моим широким окном зеленеет садик, вдали молча стоит тёмно-зелёный лес и даже облака на небе слегка зеленоватые. Радостно мне видеть всё это. Зелёный цвет — цвет жизни. И я верю, что сказка закончится благополучно, потому что последняя травинка — зелёная.

Конечно, и те другие травинки были не так уж плохи. Жаль, что достались они не тому, кому нужно. Если бы, например, жёлтая травинка досталась силачу Жорику Сафьяну, то он обязательно установил бы новый мировой рекорд в поднятии тяжестей. И это был бы настоящий успех, без фокусов и смеха.

А если бы волшебную синюю травинку съел умный образованный человек, то, без всякого сомнения, он очень быстро стал бы прекрасным директором, или командиром, или знаменитым капитаном... И это, конечно, тоже был бы большой успех.

В нашей сказке успех-травка досталась девочке, которая ещё немногому научилась и которая даже утреннюю зарядку делает кое-как...

Нет, успех во взаправдашней жизни зависит не от волшебной травки. Дело идёт успешно только у того человека, который постоянно и настойчиво занимается этим делом. А просто так — без умения, без подготовки ничего не достигнешь. И даже в сказке над тобой будут смеяться и хохотать.

А теперь вот что я хочу ещё сказать. Успех бывает не только в делах. Успех бывает и в добрых чувствах — в дружбе, в нежности, в любви. И таким успехом тоже можно гордиться. Я, например, очень горжусь, что со мной дружат хорошие ребята, горжусь, что они иногда читают мои сказки.

Глава семнадцатая

КАПЕЛЬКА КРОВИ

«Выброшу я эту последнюю травинку! — решила Катя, когда возвращалась из школы домой. — Зачем она мне? Из-за успех-травы одни неприятности и больше ничего. А завтра в классе меня станут дразнить: „Катька-директор! Катька-директор!..“

Она раскрыла ранец, достала пенал, но тут же подумала о другом:

„Ну, выброшу я эту травинку, будет она зелёная лежать на белом снегу, кто-нибудь заметит, поднимет её, проглотит и у него тоже начнутся неприятности. Нет, не надо выбрасывать, пусть лежит в пенале, места много не занимает“.

И вдруг Катя вспомнила:

„А что Кикочка говорила? Говорила, чтобы я поберегла травинку для какого-то случая... Для какого?.. Для доброго случая — вот для какого!.. И ещё она сказала, что есть у меня капелька золотой крови... Ну, это ведьма соврала — кровь золотой не бывает... А вдруг бывает? Как бы это проверить?..“ Пришла Катя домой и спрашивает:

— Мама, а правда, что в крови бывают золотые капельки?

— Не знаю, — отвечает мама. — Не слышала об этом. А кто тебе сказал?

— Одна знакомая тётя сказала... в школе.

— Ну, если в школе, значит, правда. В школе врать не станут.

Мама села перед телевизором смотреть интересную передачу про помидоры. А Катя достала мамину шкатулку, где хранились принадлежности для шитья, взяла оттуда острую иголку, крепко зажмурилась и храбро уколола указательный палец на левой руке.

Было больно!.. Но Катя даже не пискнула. Она выдернула иголку из пальца, открыла глаза и внимательно смотрела, как из крохотной дырочки показалась алая кровинка.

„Нет, — сказала сама себе Катя, — это совсем не та капелька, которая мне нужна. А больше пробовать не буду — больно“.

— Мама! Можно, я пойду погуляю перед ужином? — спросила Катя.

— Только не долго, — разрешила мама, не отрываясь от „телевизорных“ помидоров.

Глава восемнадцатая

ДЛИННОНОГИЙ АРЛЕКИН

Тема стоял возле своих саночек, испуганно оглядывался вокруг, и губы у него вздрагивали.

— Всё закаляешься? — спросила Катя.

— 3-закаляюсь... — тихо ответил Тема, заикаясь от страха. — Т-только не подходи... Боюсь...

— Дрожалка не проходит?

— Н-нет...

— Тяжёлая болезнь. От неё, наверно, и умереть можно?

— М-можно. Вот, если бы ты была не девочка, а медведь — я умер бы со страху.

— Плохи твои дела.

— А твои? Стала директором? Ты же обещала, что сегодня будешь директором школы.

— Ну и что такого? Побыва я директором немного. И это даже совсем неинтересно. И немножечко... страшно.

— Страшно?.. Может быть, ты от меня заразилась дрожалкой?

— Не знаю... — Катя вздохнула.

— Что вздыхаешь?

— Так...

Ей захотелось что-нибудь соврать, что-нибудь сочинить сказочное: как все её слушались, как она приказывала... Но Катя вспомнила, что Тема не любит, когда девчонки врут.

— Честное слово, — сказала Катя, — я сегодня была немножечко директором... чуть-чуть была. Мне не понравилось.

— Что не понравилось?

— Всё. И высокое кресло, и отвечать за Ваську Пробкина с его собакой, и что взрослые называют меня Екатерина Парамоновна. Меня же зовут просто Катя.

— Ой! — закричал Тема.

— Что с тобой?

— Смотри, смотри!.. Там собака! Большущая!

Верно: в дальнем конце сквера гулял красивый длинноногий дог. А за догом бежал вприпрыжку — ну, конечно, Катя сразу же узнала! — за догом бежал Васька Пробкин, ученик пятого «в» класса.

Васька с его собакой были далеко отсюда, но у Темы началась такая дрожалка, что даже мохнатая шапка свалилась с его головы.

— Не смей дрожать! — шёпотом приказала Катя. — Не смей удирать! Ты же мальчик!

Но бедный Тема не думал удирать: со страху у него затряслись ноги, и он плюхнулся на свои саночки.

Катя моментально подняла Тёмину шапку, схватилась за верёвку, привязанную к санкам, и потащила Тему к своему подъезду.

Тема дрожал и, всхлипывая, повторял: «Ой, съест! Ой, съест!..»

— Никто тебя не съест. Нужен ты этому догу! Он не такой уж голодный, чтобы всяких дрожальщиков есть. Слушай меня, Тема: сиди здесь и никуда не убегай. Ни-ку-да!.. А я сейчас!

Глава девятнадцатая

ЗЕЛЁНАЯ ТРАВИНКА

Мама всё ещё сидела перед телевизором. Теперь шла передача про огурцы, и мама ахала: «Какие красавцы!..» Она даже не слышала, как дочка, не сняв пальто, ворвалась в комнату, схватила со стола пенал и снова ускакала на улицу.

Уже темнело. Зажигались огни. В домах засветились окна. Снег казался голубым, и по нему сверкали искорки.

Сжав в руке пенал, Катя, задыхаясь, подбежала к Теме. Она чуть не упала — так торопилась, боялась, чтобы Тема не удрал.

Нет, Катя успела!

Больной мальчик всё ещё дрожал...

— Смотри, что я принесла! — крикнула Катя.

— П-пенал... Ну и что?..

— Сейчас... сейчас...

Катя зубами стащила варешку, открыла пенал и вынула оттуда ярко-зелёную травинку.

— Н-ниточка... — пробормотал Тема. — Зачем?

— Бери, это тебе!

— Мне?

— Тебе! Бери же!

— Зачем мне ниточка? Я не девчонка... — кажется, Тема перестал дрожать.

— Ты какой-то глупый. Ничего не понимаешь со страху. Посмотри, это же не ниточка — это травинка. «Успех-травя» называется. Съешь сейчас же!

— Зачем?

— Ешь, тебе говорят!

— А я не отравлюсь? Не умру?.. Бабушка рассказывала, что от зелёной травы дети болеют.

— Ну, кому говорят! — Катя теряла терпение. — Ешь немедленно!

— Значит, ты и вправду была директором... — покорно сказал Тема и осторожно стал жевать ярко-зелёную травинку. — Я не заболею? Я ведь и так больной... Я не умру?..

— Вкусно? — спросила Катя.

— Сладкая...

— Теперь повторяй за мной:

Успех-травя —

Рука-голова —

Чудное дело

Поехало смело!

Тема старательно выговаривал за Катей волшебные слова. И вот тут из-под саночек, на которых сидел Тема, раздался скрипучий голосок:

— Умница! Молодец девчонка!

— Кто там? — удивился Тема.

Он вскочил, поднял саночки, осмотрел их со всех сторон и, кажется, не сразу понял, что крепко стоит на ногах и что дрожалка совсем прошла.

А потом присел...

А потом подпрыгнул и расправил плечи.

А потом храбро посмотрел вокруг.

— Ну-ка, где же этот пёс? — спокойно спросил Тема. — Надо с ним познакомиться поближе.

А Катя стояла неподвижно, как заколдованная. Она так волновалась, что даже прикусила острыми зубками нижнюю губу.

— У тебя кровь на губе! — удивился Тема. — Только почему-то не красная, а какая-то золотая...

Глава двадцатая

ПОСЛЕДНЯЯ

А Тёмина бабушка в этот вечер чуть не умерла со страху. Обошла три магазина, вернулась в сквер за внуком, а внука нет. Ни внука, ни саночек!..

— Караул! — закричала тётенька Чудакова. — Ребёнка украли! Больного ребёнка утащили! Внук пропал! Помогите! Милиция!

— Милиция всегда на месте! — раздался с высоты спокойный голос. — В чём дело, гражданка бабушка?

Вы, конечно, догадались, что это был милиционер по фамилии Степанов и по имени Степан, из районных великанов самый главный великан.

— Не волнуйтесь, успокойтесь, — сказал товарищ Степанов.

— Как же мне не волноваться? У моего внука опасная болезнь дрожалка — он всего боится. И вдруг исчез — чудеса какие-то...

— Милиция чудесам не верит. Сейчас будем искать вашего больного внука.

Милиционер стал расспрашивать прохожих: не видели ли они больного ребёнка. Прохожие отвечали, что больного не видели, а какая-то девочка и какие-то мальчики с большой собакой побежали в школу.

Было уже поздно. Совсем стемнело.

Но дверь в школу почему-то была открыта. Тётенька Чудакова и милиционер Степан Степанов поднялись в учительскую. А там собрались все преподаватели и уселись вокруг телевизора «Изумруд», который починил любимый муж Марии Сулеймановны.

— Что случилось, тётенька Чудакова? — спросили учителя. — Вы тоже хотите посмотреть на нашего Ивана Ивановича? Присаживайтесь...

— Не могу присаживаться. У меня вору внука украли.

— Как украли? — заволновались все. — Когда? Не может быть!

— А кто там топает по коридору в такое позднее время? Сейчас в школе детей не должно быть... — удивилась преподавательница физики Эвелина Сидоровна.

Она выглянула в коридор и увидела огромную пёструю собаку. Сразу было видно, что этот пёс впервые в школе, потому что он проскакал мимо учительницы и не поздоровался с нею.

А за собакой бежал незнакомый мальчик, который тоже не поздоровался.

А за незнакомым мальчиком бежал Пробкин из пятого «в».

А за Пробкиным — Карамелькина из второго «в».

— В чём дело? — строго спросила Эвелина Сидоровна.

— Эту собаку зовут Арлекин! — радостно закричала Катя. — Видите, он же не дрожит, не трусит! Он ничего теперь не боится!

— Почему Арлекин должен дрожать и трусить?

— Да не Арлекин! Тема стал храбрым!.. Внук тётеньки Чудаковой больше ничего не боится. Видите: играет с Арлекином и борется с Пробкиным!.. Он выздоровел и будет у нас учиться!

И тут из учительской вышли милиционер и Тёмина бабушка.

— Что я вижу?! — закричала бабушка. — Мой внук играет с огромной собакой. Он не дрожит, он выздоровел! Держите меня, я сейчас упаду в обморок от счастья!

...В далёкой Москве начал выступать по телевидению директор школы Иван Иванович. Но учителя все выбежали в коридор, чтобы радоваться счастью тётеньки Чудаковой.

— Это Катя меня вылечила, — сказал Тема. — Я теперь совсем здоров и завтра же запишусь в секцию бокса. А утром приду в школу вместе с бабушкой.

И он рассказал всё, как было: про зелёную травинку и про волшебные слова.

Когда он кончил рассказывать, милиционер товарищ Степанов сдвинул на лоб свою форменную фуражку и задумчиво произнёс:

— Конечно, милиция чудесам не верит. Но здесь, наверное, и в самом деле случилось чудо.

— Ничего особенного, — сказала Бемоль. — В хорошей школе всякое случается... Хотите, я покажу вам Актовый зал, где мы хором поём песни? Идёмте...

В Актовом зале было тихо. Берта Мольбертовна зажгла свет, и все поднялись на сцену.

Породистый дог по имени Арлекин вдруг почему-то заворчал и подозрительно стал принюхиваться к старому пианино «Элегия».

— Вася, позови собаку! — попросила Бемоль.

— Арлекин, место! — скомандовал Пробкин. — К ноге! Тут в разбитом пианино кто-то протяжно зевнул:

— О-хо-хо-хо-хо-хохонюшки!

Арлекин сказал: «Гав!»

Автор пропел: «Тирлим-пом-пом!..» И сказка кончилась.

mir-knigi.org